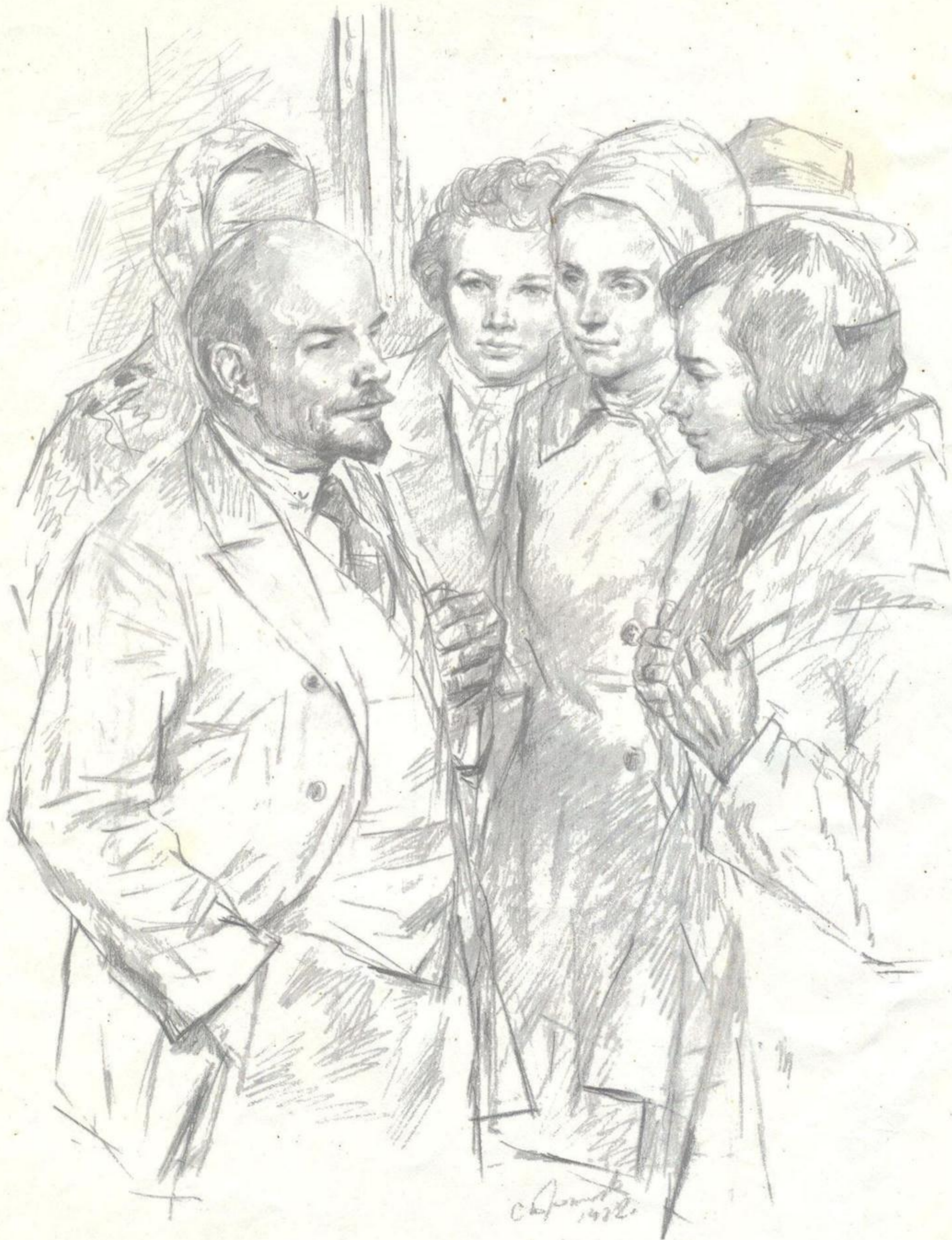

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал • №

РАБОТНИЦА 12 1972

В. И. ЛЕНИН СРЕДИ РАБОТНИЦ.

Рисунок С. Трофимова.

КРЫЛЬЯ

Фазу АЛИЕВА,
народная поэтесса Дагестана

...Наш поезд пересек границу. Вместе со мною из зарубежной поездки возвращалась молодая казашка, врач из Алма-Аты.
— Девушки, Брест! Мы дома! — воскликнула она, и мы ринулись к окну.

— Дома, дома! — повторяли все радостно, и я невольно подумала: как расширилось для каждого советского человека — казах он или аварец, азербайджанец или туркмен — это простое понятие «Дома»! Раньше для горца домом была только собственная сакля, а самое большее — его аул. Сегодня и его, и мой, и моей спутницы-казашки дом — вся наша Родина, Союз Советских Социалистических Республик.

В этой большой семье народов каждый говорит на своем родном языке, но это не отдаляет нас и не разделяет: о самом главном в своей жизни мы говорим на общем языке, который рожден единством нашей цели. В моем горном крае 390 тысяч людей говорят на аварском языке, 230 тысяч — на даргинском, 190 тысяч — на кумыкском, 85 тысяч — на лакском. А слова «коммунизм», «партия», «Ленин» на всех языках звучат одинаково.

Эти строки я пишу под впечатлением от встречи, с которой только что вернулась. В городе Буйнакске собрались женщины-строители, работающие на восстановлении его после землетрясения 14 мая 1970 года.

Буйнаксск называют у нас воротами в горы: отсюда идут дороги во все горные районы республики. К этому городу мы, дагестанцы, питаем особое чувство. Здесь пятьдесят пять лет назад впервые прозвучали призывы местных большевиков к борьбе против богачей. Здесь в ноябре 1920 года была провозглашена автономия Дагестана. И сам город — бывший Темир-Хан-Шура — носит имя выдающегося революционера, активного борца за Советскую власть Уллубия Буйнакского.

И вот этот дорогой нам всем город сильно пострадал от землетрясения. Сегодня здесь на каждом шагу стройки. Одни дома восстанавливаются, другие возводятся заново, рождаются новые кварталы, обновляются старые. Мы, дагестанцы, называем их кварталами дружбы. Так же, как называем эшелонами дружбы

поезда, доставляющие лес и цемент, кирпич и сборные железобетонные конструкции — помощь районам Дагестана, пережившим землетрясение, от братских республик и городов страны.

На встрече в Буйнакске мне хотелось назвать очагом большой дружбы маленькую трибуну, с которой звучали горячие речи строительниц — девушек и женщин из Армении, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, из Ставрополя и Перми, Краснодара и Москвы, из Тулы, Горького и Ростова. Выступали и профессиональные каменщики, маляры, штукатуры и девушки из студенческих строительных отрядов — будущие биологи, химики, врачи, инженеры, музыканты... Слушая их, я думала: вот уж истинно, как говорят дагестанцы, не за свадебным столом познаются друзья, а в тяжелый час. Представляла себе, как многие из них, оторвавшись от собственных дел, отложив курсовые работы и дипломы, приехали в незнакомый край, к незнакомым людям, чтобы взять на свои плечи хоть часть их беды. Так поступают кровные братья и сестры — по тем же законам братства живет вся наша огромная семья, СССР.

Тот, кто недавно побывал в столице Дагестана Махачкале, мог видеть огороженные временными заборами участки строительства. «Главтулдагстрой» — написано красными буквами на зеленой ограде, за которой строители Тулы возводят новый заводской корпус. На участке «Главленинградстроя» растет восемнадцатизэтажное здание гостиницы. Уже заселяется, продолжая строиться, «квартал Узбекистан»: республика, сама перенесшая до этого стихийное бедствие, прислала помощь Дагестану в первый же час. На стене одного из центральных зданий квартала узбекские художники выложили эмблему Ташкента — золотого фазана. Его значение объяснил мне молодой строитель, оказавшийся рядом:

— Золотой фазан — птица счастья. Тысячу лет не коснется беда того дома, который она сторожит.

Тысячу лет не коснется беда — это, конечно, очень хорошее, очень доброе пожелание. Искренность его подтверждена делами

ДРУЖБЫ

большого отряда строителей «квартала Узбекистана», как и всех других кварталов дружбы в нашей республике.

Я размышляю над бесчисленными фактами, в которых из дня в день проявляется интернациональная сущность советского строя, великая дружба, связывающая воедино сто с лишним когда-то разрозненных, а то и враждовавших наций и народностей. Знаю по рассказам стариков, как у нас в горах враждовали между собой аул с аулом, и внутри аула были врагами каждый тухум и род. Из-за межи, из-за неосторожного слова вспыхивали драки и резня с увечьями и убийствами. А неприязнь к иноверцам люди гор впитывали с молоком матери. В дореволюционном Дагестане считалось грехом даже случайно увидеть человека другой веры. После такой встречи мечеть запрещала сорок дней молиться аллаху: всевышний не мог принять молитву «оскверненного».

Об этом диком обычае недавно напомнила мне, как говорят, для контраста, секретарь Хасавюртского райкома партии Надежда Николаевна Ткаченко. И вот по какому поводу. С началом сбора винограда Надежда Николаевна позвонила в столовую строителей, чтобы узнать, поступил ли виноград к ним в продажу.

— А нас уже с самых первых сборов кормят виноградом,— ответили секретарю горкома.

— Кто же?

— Местные жители. Каждый вечер несут полные ведра прямо в общежитие. О плате и слушать не хотят...

Вот вам и «инородцы», какими прежде сочли бы жители гор и русских, и украинцев, и узбеков. Не просто полное до краев ведро винограда, а радостный плод своих трудов, вобравший в себя жар солнца и сок земли, несет аварка или кумычка людям, которых признала друзьями и в которых всем сердцем поверила.

На встрече в Буйнакске меня взволновал своей неожиданностью факт хоть и простой, но достаточно красноречивый. После деловой части перед строительницами выступали артисты. Я с удовольствием слушала пение народной артистки нашей республики Бурлият Ибрагимовой. Бурлият — она кумычка — пела на своем родном языке. Велико же было мое удивление, когда я увидела, что ей подпевают многие строительницы — ростовчанки, москвички, волжанки. Значит, они и наши песни оценили и приобщились к языку горцев.

Много лет назад, разрабатывая принципы, на которых должны строиться отношения между нациями, Владимир Ильич Ленин писал о полном доверии малых народов к большому, о доброй воле и симпатиях. Сегодня эти принципы — сама наша жизнь, наполненная и многократно обогащенная. Дружба народов советских республик — одно из самых больших революционных завоеваний: в ней черпаем мы силы, за нее готовы постоять в бою. Тысячи и тысячи моих земляков доказали это в годы жестокой войны с фашизмом.

Еще в детстве я знала от матери об одном отчаянно храбром человеке — Айтбере Бижанове. Был он отцом моего сверстника, нынешнего секретаря Буйнакского горкома партии Махача Бижанова и вместе с моим отцом служил в дагестанском национальном полку. С войны Айтбер не вернулся: погиб в боях за Северный Кавказ. А год назад мы, несколько человек, поднялись на одну из вершин Эльбруса. На памятнике героям, погибшим при обороне Приэльбрусья, я прочла имя Айтбера Бижанова. Молча стояли мы перед обелиском, на котором рядом с именем моего земляка выстроились в столбик кабардинские, балкарские, украинские и русские имена...

Горцы говорят, что Советская власть дала им крылья для полета, струны для пандура¹. Одно крыло и одну струну дала Октябрьская революция. Второе могучее крыло выросло, вторая звонкая струна натянулась, когда мудрый Ленин предложил слить наши народы в единую дружную семью. И два крыла взмахнувшись в согласии, и выше гор поднялась птица нашей жизни, наших успехов. И в созвучии запели струны — родилась музыка неслыханной силы и красоты, музыка труда и счастья.

¹ Пандур — национальный музыкальный инструмент.

А вы слышали,

«А вы слышали, как звезды поют?.. Голоса их доносились из всех широт полушария, вливаясь в единый хор» — так начинается свое предисловие к сборнику стихотворений советских поэтов «Песня, мечта и любовь» народный поэт Башкирии Мустай Карим.

Эта книга вышла недавно в издательстве «Детская литература». Поэтический сборник представляет поэтов различных национальностей, поколений и творческих почерков, но проникнут общим для всех чувством гордости и счастья быть рожденными в наше время, в нашей стране. Он явился как бы своеобразным подведением итогов, зеркалом, отразившим огромные перемены, происшедшие на пространствах Советского Союза за пятьдесят лет его существования.

Фарида АЛЯРБЕЙЛИ

В КРЕМЛЕ

На рассвете, вскочив с постели,
Подбегаю к часам. Они
Нынче тикают еле-еле,
Не минуты идут, а дни.

Наконец выходим. Дорога
Почему-то очень длинна.
Но осталось уже немного —
Вот знакомая всем стена.

Кремль в снегу, точно белый голубь,
Все кругом, как в сказке, бело.
Говорят, что мороз тяжелый,—
Я не чувствую, мне тепло.

...Здесь на камне еще не стерта
Даль былого, она близка.
Ведь отсюда была простерта
К нашим дням Ильича рука.

Полыхают, как факел, звезды,
Освещают мне с детства путь.
Человеку московский воздух
Надо в жизни хоть раз вдохнуть.

Вся столица снежком одета.
Кремль с улыбкой глядит на нас —
На нефтяников, на поэтов —
И напутствует: «В добрый час!»

Перевел с азербайджанского
В. Портнов.

Субайылда АБДЫКАДЫРОВА

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

В горах Тянь-Шаньских, не боясь
Ни зноя, ни мороза,
Склонив листья зеленой вязь,
Стоит, по-русски избочась,
Белая береза.

Пахуч и свеж ее наряд,
Густа вершины крона.
Над ключевой водою рад
С ней постоять и стар и млад,
С красавицей зеленой.

Одежда скромная под стать
Ее цветущей силе.
Завидно с нею рядом встать —
Краса особая и стать
У гостя из России.

Перевел с киргизского
Ю. Гордиенко.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Журнал основан 8 марта 1914 года

Издательство «Правда» Москва • ДЕКАБРЬ 1972

Как звезды поют?

Аршалуйс МАРГАРЯН

ШИПОВНИК

Шиповник повис на угрюмой скале,
Весь розовый, точно рассвет,
Он корни укрыл неглубоко в земле
И ей подарил свой расцвет.

Так мало берет у огромной земли,
Так много взамен отдает!
Дыханием нежным еще издали
Приветствует солнца восход.

Будь скромным и щедрым, как этот цветок,
Одетый лучами зари.
От жизни возьми лишь крупинку, глоток
И миру весну подари.

Перевела с армянского
С. Мар.

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

ЛИШЬ ЦВЕЛО БЫ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Что мне надо?
Скажу по совести:
Непременной всего на свете
Я хочу, чтоб ни войн,
Ни горестей
Не изведали наши дети.
Чтобы жили они
Красиво
И с людьми
И с работой ладили.
Чтобы душу мою — Россию
Они чтити превыше матери...
Для себя не прошу и малого:
Лишь цвело бы мое Отечество
И поверило в знамя алое
Все великое человечество!

Валерия ГУРТОВЕНКО

ПЕРВЫЕ

Нет для первых легких путей,
В битвах первые погибают,
Но бессмертный огонь идей
В цвете знамени полыхает...
Есть в том правда и вечно будет:
Первый шаг — начало дорог,
Без него не знали бы люди,
Как прекрасен мир и широк!
Так бывает, сказать должна я,
Что вторые спешат, догоняя,
Торопясь, места занимают
И о первых тогда забывают...
Что ж из этого? Все равно
Только первые в мире вечны,
Только им судьбою дано
Останавливать бури встречные!
И не справиться смерти с Вами!
Жизнь иной измерена мерой!
Я над Вашими именами
Запеваю Вам славу,
Первые!

Перевела с украинского
Л. Завилянская.

Маквала МРЕВЛИШВИЛИ

Пусть материнских слез не знает свет!
О солнце! На земле им места нет!

Плакучими пусть будут только ивы,
Которые в печали так красивы.

Июньским утром росы,
Точно слезы,

Пусть оживят проснувшиеся розы;
И только лозы

Пусть весною плачут
И соки животворные не прячут,

Их слезы — их надежда и богатство.
Цвети, Отчизна, виноградник братства!

Перевела с грузинского
Е. Аксельрод.

Татьяна КУРИЛОВА

Был вечер.
Ветер дул весенний.
Я с дедушкой пасла оленей.

— Смотри, звезда! — воскликнул он
И показал на небосклон.—
На землю падает, бедняжка!
Как видно, отжила свой век! —
Поник старик,
Вздыхнул он тяжело:
— Вот так же гаснет человек...

Я рассмеялась:
— Да ведь это
Над тундрой летит ракета!
Оленей мы считаем тут,
А люди — звездам счет ведут...

Гляжу:
Заулыбался дед,
Он бороду огладил чинно;
В глазах — вечерний теплый свет...
Свети земле еще сто лет,
Не гасни,
добрый старичина!

Перевел с юкагирского
В. Семенов.

Акджемал ОМАРОВА

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ГОСТИ!

От высотных подоблачных зданий Москвы,
От украинских щедрых полей,
Что б ни делали вы,
Где бы ни были вы,
К нам, друзья, приезжайте скорей!
Там, где тополь листву широко развернул,
Там, где рощи на каждом шагу,
Вы увидите мой хлопотливый аул
В белом хлопке,
Как будто в снегу.

Лучших дынь,
Что одним ароматом пьянят,
Лучших яблок отведаешь ты,
Щеки персиков,
Алые губы гранат
Вам навстречу
Протянут сады.
Может, где и пышнее цветенье садов,
Может, где веселее места,
Но туркменов —
радушных моих земляков —
Не забудете вы никогда!

Перевел с туркменского
Б. Дубровин.

Вера ШУГРАЕВА

Уходят на службу ребята,
Из разных приехали мест.
Уходят на службу ребята.
Играет военный оркестр.

Подруги одеты нарядно,
И ласков их праздничный вид.
И очень ребятам наглядно,
Кого защищать предстоит...

Торжественным маршем объята
Вся улица, словно парад,
И ловят глазами девчата
Чеканную поступь ребят.

Вручили ребятам подруги
И мир и покой этих мест...
Солдатскую песню разлуки
Играет военный оркестр.

Перевела с калмыцкого
Л. Щипахина.

ЧУКОТКА ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Дворец пионеров заложили, с бассейном, спортзалами, зимним садом. Читали про операцию «Чукотка»? Ну да, по всей стране пионеры на наш дворец средства зарабатывали. Я сама-то из Вышнего Волочка, так кто из соседских ребят узнает, что прилетела с Чукотки, обязательно про дворец расспрашивает... И школу огромную строим, на тысячу мест.

— Школой пока рано хвалиться,— сухо заметила Инна.

— Да, со школой что-то затянули. На жилье сейчас все силы, что ли? Жить каждый хочет с удобствами, просторно. Мы же вечерами больше дома сидим, у нас театров нет. «Орбиту» нам наладили, Москву смотрим. Великое дело!

Рассказов Светланы хватает и на катер. Слушать ее — удовольствие. Бывают женщины, о которых, и не зная подробностей их жизни, сразу скажешь: любима. Так и светится человек удачливостью.

В РИТМЕ СТРАНЫ

Через пару дней я встречу Светлану на районной конференции учителей, посвященной подготовке к предстоящему переходу ко всеобщему среднему образованию. Мы бросимся друг к другу, как родные, Светлана перезнакомит меня со своими коллегами, после летней разлуки молоденькие учительницы будут шушукаться и хихикать, словно школьницы. И, слушая серьезные доклады, записывая цифры (к примеру, за 8 лет обучения в школе-интернате на ребенка в округе расходуется 2630 рублей), я подумаю: в конце августа такие же конференции проходят и в Закарпатье, и в Карелии, и на Алтае. Чукотку волнуют те же проблемы, заботят те же задачи. Но ведь вопрос о всеобщем среднем образовании решается в краю, коренные народности которого не имели письменности.

А сейчас в зале рядом со мной сидят чукчи-учителя, получившие образование и в Анадырском педагогическом училище и в вузах Магадана, Хабаровска, Москвы, Ленинграда. Эскимосы, юкагиры, коряки стали дипломированными медиками, зоотехниками, бухгалтерами. И если мы считаем сегодня, что далекая Чукотка стала ближе, мы имеем в виду не только аэрофлот или телефон, телеграф или телевизионную космическую систему «Орбита». Исчезло ощущение заброшенности, окраинности — вот в чем главное! Далекий уголок нашей страны полноправно участвует в решении всех общенародных проблем.

...Расставаясь в Анадыре с Линой Григорьевной Тынель, председателем исполкома Чукотского окружного Совета депутатов трудящихся, я знала, что вскоре мы снова увидимся в Москве. И мы действительно встретились в нашей редакции. Лина Григорьевна прилетела в столицу на сессию Верховного Совета СССР. Ее выступление на сессии — деловое, острое и в то же время поэтичное — напечатали центральные газеты.

И разве показалось кому-нибудь странным, что на самую высокую трибуну государства поднялась представительница народа, насчитывающего всего несколько тысяч человек? Перед нею выступал литовец Ю. П. Лейтис, после нее — армянин М. Г. Нерсисян. И все они, а также русские, украинцы, якуты говорили о том, что волнует, не может не волновать каждого из нас. Об охране природы. О рациональном использовании природных ресурсов.

Не припомню в жизни своей такого коротенького дня. Сутки сжались упругой пружиной. Взлетели мы с полуночного Внукова и приземлились тоже среди ночи, но уже следующей. Перемахнула крылатая громадина через 10 часовых поясов!

Все мы когда-то учили географию, крутили вокруг оси голубой глобус. Но все же в исчезновении полусуток мерещится тайна. И никак не укладывается в голове, что именно здесь начинаются сутки планеты. По ту сторону Берингова пролива — вот сейчас, в этот миг — еще вчерашняя дата.

— А меня ждала у трапа упряжка... пятнадцать лет назад. Пойду искать машину. Может, и катер какой через лиман подбросит,— Анадырь ведь на той стороне.

Инна Гурченкова, журналистка из «Советской Чукотки», приехала за мной в аэропорт. Промелькнул недели командировки — и суровый этот край приучит к щедрому человеческому теплу, к поддержке и опеке старожиллов. Я привыкну к здешнему стилю общения, потому что люди быстро привыкают к хорошему. Но пока, в первые минуты на чукотской земле, я смущена заботой Инны.

Втискиваемся в «рафик», заполненный людьми, чемоданами, сетками пахучих дынь, ящиками антоновки. Северяне везут из отпусков живые витамины. А в руках у каждого — букеты, вороха, охапки цветов. Еще в полете салон наш напоминал мне сцену после удачной премьеры.

— Инна Васильевна, доживут до первого сентября? — спрашивает Гурченкову ясноглазая женщина с ямочками на тугих щеках. — Поставить бы в класс. У меня есть дети, которые в жизни не видели гладиолусов.

Спутницу нашу зовут Светлана Арчакова. Муж у нее геолог, оставила его с дочкой «на материке»: ему не нужно спешить из отпуска к началу учебного года.

— К нам впервые? — И тут же Светлана опережает предстоящие мои впечатления. — Анадырь понравится. Красавец!

— Все мы тут великие патриоты,— улыбается Инна.

— Изменился-то город как! Хотя бы по нашей семье судите. Семь лет мы тут. Сначала снимали халупу, потом дали полвагончика, потом комнату. А теперь квартира...

Лина Григорьевна Тынель.

Фото А. Гостева.

Я с удовольствием привела бы здесь всю речь Л. Г. Тынель полностью, но придется ограничиться лишь выдержками:

«Научно-техническая революция потребовала от советских людей освоения малообжитых ранее пространств, вовлечения в хозяйственный оборот новых, более эффективных источников ископаемого сырья, более мощных энергетических ресурсов... Уже сейчас предприятия, расположенные на побережье Ледовитого океана, добывают золото, олово, вольфрам, медно-никелевые руды, платину, алюминиевое сырье...»

На пастбищах Чукотки выпасается крупнейшее в нашей стране и в мире стадо северных оленей, насчитывающее почти 600 тысяч животных. Тундра и лесотундра Чукотки богаты разнообразным промысловым зверем, особенно белкой и белым песцом. Здесь, как в заповеднике, сохранились многие виды животных, которые во всем мире стали редкостью или перевелись совсем.

Словом, мы имеем уникальный во всех отношениях уголок природы. И относиться к нему надо очень бережно. Это особенно важно и потому, что природа Севера исключительно чувствительна к деятельности человека, легко ранима. Известно, что след трактора в европейских областях зарастает в течение полумесяца, а в тундре сохраняется годами. Проведенные исследования показывают, что поврежденные пастбища ягельников возобновляются лишь через тридцать лет...»

КРАСИВЫЙ ШОВ

...В Японии многие принимали Тынель за японку. Доходило до курьезов. Делегация собралась покидать самолет, и женщину, естественно, мужчины пропустили вперед. Тынель шагнула на трап, улыбнулась солнцу, и тут же один из встречающих мягко сказал ей: «Простите, здесь парламентская делегация Советского Союза, торжественная церемония встречи...». На помощь пришел переводчик: «Эта женщина — член Президиума Верховного Совета СССР. Она губернатор Чукотки». Японец рассыпался в извинениях, но в глазах его никак не таяло недоумение. Чукотка? Огромный край, на тер-

ритории которого разместились бы две Японии. И руководит им вот эта маленькая женщина в шапке смоляных завитков, с детски открытой улыбкой?

Тынель действительно не любит напускной солидности. Я не о серьезности, не о вдумчивости говорю, а о той напыщенной солидности, когда человек ежеминутно взглядывает на себя со стороны — достаточно ли дистанция между ним и собеседником? В Тынель легко угадываешь профессионального педагога: работа с детьми приучает к искренности, к общению от сердца к сердцу.

Помнится ей давний случай. Жили они тогда в Восточнотундровском районе. Рольтигин, муж ее, был секретарем райкома партии, а она работала в интернате. Тынель пригласили на областной съезд женщин в Магадан, и ученики очень беспокоились, чтоб вертолет не улетел без нее. Проснулась Тынель на рассвете от робкого стука в окно. Вышла, а у крыльца стайка замерзших, кое-как закутанных малышей: не пора ли, дескать?..

Первое интервью у председателя окрисполкома пришлось мне брать на воскресной поездке за город.

И представить не могла я, до чего же многоцветна августовская тундра! Наш катер уходил все дальше и дальше от Анадыря. Многоэтажные дома словно перегруппировывались, теснее жались друг к другу. То здесь, то там гладь лимана вспенивалась. Мне объяснили, что это белухи — ближайшие родственники дельфинов и китов. Блеснув на солнце гладким белым брюхом, огромные белухи ввинчивались назад, в холодную глубину воды.

Но вот катер ткнулся в мель. Пружинит под ногами трап, и все мы высыпаем в тундру.

— Видите, сколько ягод? — спрашивает меня Тынель.

Где? В глазах пестрит. Алые островки. Рыжие подпалины на зеленом бугристом ковре.

— Да вы наступаете на шикшу!

Оказывается, ягоды — черной россыпью у самой земли. А приглядевшись, находишь и голубику и оранжевую морошку, по вкусу напоминающую курагу из компота. А грибов! Подберезовики без берез, белые без дубрав.

Зоя и Антон — младшие дети Тынель — азартно помогают матери. Им по двенадцать. Дух соревнования у них в крови, как у любых двойняшек. Впрочем, трудовой порыв длится у ребят недолго. На берегу залива мужчины затевают рыбалку. Антон убегает к ним, вскоре туда же, как на веревочке, тянется и Зоя.

— Пускай, — ласково говорит Тынель вслед детям. — Не терплю принуждения... Один журналист спрашивает меня: правда ли, что чукчи воспитывали малышей на спартанский манер? Отец, мол, вручает неподъемный камень и приказывает идти во-он к той сопке, потом еще раз. Так и вырабатывается выносливость... Да в корне это неверно! Чтобы труд вызывал отвращение? Труд должен войти в жизнь, как открытие, как радость... Кстати, для нас сейчас большая проблема — отрыв детей от тундры. Что получается? Оленевод не имеет возможности жить в поселке, он кочует со стадом. Правда, сейчас применяется сменный выпас, пастухи с семьями по очереди отдыхают месяц-другой в теплом, удобном доме, но потом родители возвращаются в тундру, а дети остаются в поселке. Сначала в садике, потом в интернате. На полном государственном обеспечении. Это огромное социальное благо, ведь прежде столько детских жизней уносили эпидемии, холод, недоедание. Но... в тепличных условиях парень совершенно отвыкает от тундры. А население то в округе за последние 20 лет выросло вдвое, и оленину любят все. Как же привлечь в оленеводство молодых? Кое-где разрешили мы оставлять ребятшек в тундре до школы, если медицинское обслуживание хорошее и снабжение налажено. И практику летом школьники-чукчи проходят дома, помогают родителям. Ну, а главное, конечно, механизация. В тундру пришел вездеход. Провиденское профтехучилище готовит универсалов: он и оленевод, и водитель вездехода, и радист, и ветеринар. К слову сказать, среднемесячный заработок оленевода в округе составляет 508 рублей. У нас и русские есть среди пастухов. Ничего, освоились.

Да, представляю, что это за труд — пройти за стадом по тундре десятки километров. У меня через полчаса ноги наливаются усталостью; кочки пружинят, то и дело оскальзываешься. А Тынель шагает легко. На

А. Мунхалов. О солнце.

Э. Сивцов. Хохотушки.

ней сапожки, брюки, подбитая мехом, непромокаемая пилотская куртка. На Севере эту ловкую одежду любят и геологи, и медики, и строители. Впрочем, зимой в далекую поездку едва ли отправишься без торбазов и чукотского керкера — меховой комбинезон легок и надежен. Вдруг придется «пурговать», да не одни сутки?

— Бабушка у меня была удивительной мастерицей, — вспоминает Тынель. — И тетя шила прекрасно. Меня гнали из яранги чуть не силой — погуляй, а мне иголку жаль из рук выпускать. За шитьем так интересно рассказывают! Записывать бы тогда. Помню легенду: жених едет к невесте, и любовь его придает такую силу оленям, что они мчат нарты и по земле и под землей. Злые духи хотят проучить человека, они гонятся за ним, а он окружает себя прозрачным куполом. Духи видят его, а достать не способны... Жаль, что сейчас осталось мало мастериц, шьют, лишь бы тепло и удобно. Я понимаю, времени мало, дел у женщин полно, к тому же в магазинах неплохой выбор готовой одежды. Но разве можно терять искусство, переданное нам в наследство? И мы открываем в поселках новые швейные мастерские, меховые вещи — нарасхват... Между прочим, в детстве считалось, что у меня редкой красоты шов. А по примете это значит — и судьба будет ровной, счастливой.

Маленькой, ей меняли имя. У чукчей было поверье: как только заболит малыш, надо немедленно придумать ему другое имя, и злой дух келе, пришедший за ребенком, растеряется. Чукчи представляли келе бюрократом, для которого важен не сам человек, а документация.

Девочку привезли в интернат, и русской учительнице звучание ее имени показалось похожим на «Лина». А отчество Лина вписала себе позднее сама: ведь у отца не было имени, только прозвище Тынель, что в переводе означает «обледенелый снег».

Лина Григорьевна рассказывает о своем детстве, и это как окошко в недавнее прошлое народа. Она делала свои первые, робкие шаги по тундре, когда председателем окрисполкома был Тевлянто, первый чукча, получивший образование в Ленинграде. Окончив среднюю школу, Лина тоже поедет в город на Неве, но к этому времени путь будет уже проторенным десятками ее земляков. Лину поведет знакомить с Ленинградом старшекурсник университета Юрий Рытхэу, в будущем известный всей стране писатель. Ему придется оттащить ее от тележек с газированной водой и мороженым: «Не увлекайся! Я слежу за тобой. Даже если меня нет рядом, я слежу!»

Лина будет просиживать допоздна в университетских читалках, бегать в театры и на концерты, выпускать стенгазету, готовить доклады для заседания научного студенческого общества. Обычные дела обычной студентки. Но они не покажутся вам обыкновенными, если вы прочтете один удивительный документ 26-го года:

«Податель этого письма чукча Тевлянто из Анадыря командирован... для получения образования в школах Советской России, чтобы, вернувшись по прошествии нескольких лет к себе на родину, мог поделиться полученными знаниями со своими сородичами... Страна, куда он едет, совсем не похожа на его Анадырь. Ревком опасается, что ему придется не раз нести большие лишения и зачастую благодаря незнанию русского языка и обычаев оказываться в безвыходном положении. В Тевлянто таится масса возможностей, которые усилиями русской школы, безусловно, извлекутся на поверхность и будут служить его одноплеменникам.

Анадырский райревком, интересуясь и заботясь о судьбе Тевлянто, просит всех лиц, к кому обратится он с настоящим письмом, расспросить о его нужде, о его желаниях и телеграфировать при надобности по адресу: Анадырь, ревком...»

Тевлянто был первым на Чукотке председателем исполкома окружного Совета. Позже на этой должности трудились такие яркие люди, как Отке, Рультытэгин, Анна Нутэтэгринэ. Предшественники Тынель... Она призналась мне, что вольно или невольно, а постоянно думает о них, перечитывает старые документы, протоколы заседаний, советуется с опытными сотрудниками исполкома. А сложностей в работе все прибавляется: в краю, жившем прежде лишь оленями, охотой да рыбным промыслом, стремительно развивается горнодобывающая индустрия, прокладываются дороги и мощные линии электропередач, строятся электростанции, в том числе и знаменитая Билибинская атомная.

Когда Тынель избрали председателем окружного исполкома, она впервые поняла — не умозрительно, а воочию, — как громаден и разнолик родной ее край, ее Чукотка. Встречаясь с избирателями, она налетала тысячи километров над заснеженной тундрой, над сопками, над торосистыми заливами. Беседовала с людьми и в дымных ярангах, и в тесных клубах, и в просторных залах домов культуры. Густо исписанный блокнот первой той поездки остался памятным.

В конце рабочего дня, когда наводишь порядок на письменном столе, вдруг среди других, более поздних попадает он под руку. Полистаешь. И такое счастье, если еще у одного из избирательских наказов можешь поставить пометку «вып».

ПРАВО ВЫБОРА

...Мы летим в Тамватнейскую партию. Там обнаружена ртуть, причем запасы значительны, поэтому геологи обосновываются всерьез. Впереди нас по тому же курсу летит громадный МИ-6, в брюхе которого уместится хоть грузовик, хоть вездеход. Сейчас он загружен досками, трубами, бочками с горючим. А наш МИ-8 везет продукты, книги (пора обновить библиотеку), почту, накопившуюся за несколько нелетных дней, и 15 кинофильмов. Инженер с Тамватнея любовно оглаживает кругляши с пленкой: «Как засядем сегодня вечером...»

Потом он берется за книги. Вытаскивает одну за другой из ящика, листает, изучает выходные данные, комментарии. Точно тут не грохочущее, пахнущее горелым нутро вертолета, а углубленная тишина читального зала. Ко всему, вероятно, привыкает человек! Позже я летала к оленеводам с медиками из санавиации — они проводили профилактический осмотр, собирали анализы. Мы садились у каждого стойбища, у каждого замеченного сверху вездехода. Уже после трех посадок глаза б мои не смотрели на эту «стрекозу», а врачи Александра Антоновна Старунова и Гульсум Зинатовна Фатхуллина бодро вскакивали на подножку и всю дорогу весело беседовали, перекрикивая шум...

К нашему вертолету сбежали все, оказавшиеся в этот час в лагере геологов. Разлетается по жадным ладоням корреспонденция, и девчонка, застывшая рядом со мною, забыла обо всем на свете, шевелит пухлыми губами, проглатывая письмо одним долгим глотком. Высокий парень рыцарски подхватывает посылочный ящик у беременной

женщины. Приданое будущему тамватнейцу прибыло, что ли?

— Тебе не пора еще? — спрашивает у женщины пилот.

— Рано.

— Смотри. Зарядит нелёт — не вывезем. Может, сейчас полетишь?

— Успею.

Лагерь пахнет смолистым деревом: строят вместительный клуб. Кто знает, возможно, здесь вырастет в будущем город-горняк, ведь большинство чукотских поселков начинали геологи. Билибино, к примеру, названо в честь Юрия Билибина, молодого геолога, давшего еще на заре индустриализации прогноз о богатейшей золотоносности Колымы.

Нас гостеприимно тянут в столовую, румяная пожилая повариха протягивает булочки с голубикой, крепкий кофе. Но уже кричат, что разгрузка окончена. А когда прилетит сюда следующий вертолет — бог весть. Погода тут коварная, можно засесть, и надолго.

Улетаю. Ну, почему в душе тягостное чувство вины? У каждого из нас своя работа, свои трудности...

Теперь я представляю, в каких условиях десять лет жила и работала геолог Женя Мельниченко, с которой познакомилась я в Анадыре. Сын Жени Павлик вырос в «поле». Привык, что у него много мам и много пап. Мамы лезут с нежностями, суют конфеты, привозят из отпусков книги и игрушки, а папы иногда, если уж очень попросишь, возьмут с собою на рыбалку или на охоту. Большие дозы внимания могут быть ребенку и вредными, но надо же чем-то уравновесить многодневную пургу, недостаток витаминов, нехватку таких простых ребячьих радостей, как цирк или телевизионная вечерняя сказка.

Мельниченко порекомендовал мне главный геолог Анадырской комплексной геологоразведочной экспедиции Илья Семенович Розенблюм. Он сказал о ней: «Ценный специалист. Умеет видеть дальше факта. Именно поэтому перевели ее сейчас в ревизионную геолого-морфологическую партию. Определяют направление поисковых и разведочных работ».

Первый год Женя работает в городе, в кабинете.

...Перед Мельниченко — буровой журнал одной из скважин Золотогогорского месторождения. Она ведет пальцем по графе.

— Видите, здесь лишь следы золота... А тут уже восемь миллиграммов в кубическом сантиметре. Тут шесть. Скважина промышленная, богатая.

Берет следующий журнал. И постепенно, словно мозаичная картина из кусочков смальты, складывается у геолога общее впечатление о работе партии за лето, о перспективах месторождения.

— У тебя есть золото? — спрашивает Женя лаборантку. — Покажи, пожалуйста, корреспонденту.

Лаборантка разворачивает пакетик пробы, высыпает содержимое на черный лист. Тускло поблескивают желтые чешуйки, создавшие Чукотке славу нового валютного цеха страны.

Женя кончала университет в Ростове. По традиции, лучшим выпускникам предоставляют право выбора, и из года в год лучшие стремились подальше. Лучшие выпускники 61-го года не были исключением, они выбрали Северо-Восток.

— Почему? — спрашиваю я Женю.

— Да искать же интереснее там, где простор, где нетронутая. Тут такое богатство! Такое будущее у края!

НАША МОСКВА

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

По вечерам колоннада Большого театра кажется еще массивнее и выше от мягкого света. Театральное здание с его фонарями, уходящими вереницей в глубь Петровки, становится похожим на корабль, величаво врывающийся в гавань площади. Сколько бурь и сколько солнечных дней видел на своем веку этот старый дом, без которого и Москву себе не представишь!

Морозным и снежным выдался декабрь 1922 года. Иней одел деревья, звонко в студеном воздухе покрикивали трамваи, пробираясь сквозь сутолоку площади.

Москвичи, спешившие по своим делам, поглядывали на людей, входящих в подъезды Большого театра. Знали, что сегодня начнет работу I Всесоюзный съезд Советов. Вдруг кто-то захопал, пригляделись: Михаил Иванович Калинин! Бородка клинышком, знакомые крестьянские очки... Может быть, удастся увидеть Ильича?.. Правда, он болен... Но, кажется, ему лучше?..

День тридцатого декабря. Суждено ему было историей стать днем рождения Союза Советских Социалистических Республик. Один из пунктов единодушно принятой съездом Декларации об образовании небывалого многонационального братского государства гласил: считать город Москву столицей СССР.

...Москва, 1972 год. В золоте осенней листвы парки, сады и сиверы.

На одной из улиц огромной социалистической столицы, в Новых Черемушках, в светлой, тихой квартире работает за письменным столом невысокого роста женщина с обильной седой и удивительно живыми, улыбающимися глазами. Ее зовут Антонина Ивановна Нухрат. По национальности она чувашка. В ее партийном билете, красной книжечке с четким силуэтом Ленина, год вступления в ряды Коммунистической партии Советского Союза — 1919-й.

Боевая женотделка двадцатых годов, работавшая среди женщин Чувашии и Башкирии, Нухрат — автор ряда работ о деятельности ленинской партии в области действительного раскрепощения женщин.

Была Антонина Нухрат делегатом от Башкирии на I Всесоюзном съезде Советов. Полвека прошло. Но в памяти Антонины Ивановны все так же живы воспоминания о том, что происходило тогда в Большом театре.

— С каким волнением выступал ветеран революции Петр Гермогенович Сидович! — рассказывает Антонина Ивановна. — Ему выпала честь сообщить, что X Всероссийский съезд Советов присоединил свой голос к единодушному мнению национальных республик об объединении. «В этом великом объединении источник новых сил, — говорил Сидович, — радостно изумляющий и привлекающий рабочих всех стран... Да здравствует учреждаемый ныне Союз Советских Социалистических Республик!»

В зале возникло ликование. Две тысячи с лишним делегатов аплодировали стоя. Мы, женщины-делегатки, сорвали с голов наши алые косынки, принялись размахивать ими... Торжественно загремел пролетарский гимн «Интернационал».

Уполномоченные от всех делегаций внесли на утверждение съезда Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик и Союзный договор. Они были приняты.

Михаил Иванович Калинин, закрывая съезд, говорил, что целые тысячелетия лучшие умы человечества бьются в поисках форм, которые дали бы народам возможность без величайших мук, без взаимной

борьбы жить в дружбе и братстве... Формой такого государственного устройства стал полвека назад Союз Советских Социалистических Республик!

...Надежда Михайловна Щурина, депутат Верховного Совета СССР, приехала в осенние дни 1972 года на сессию в Москву. Как и каждый раз, когда она оказывалась в столице, ей хотелось побывать всюду, повидать как можно больше.

Сентябрьское небо голубело над Москвой. После заседаний Надя ходила по городу, открывая всякий раз для себя какую-то новую черточку все молодеющей Москвы. Возвращаясь в гостиницу, названную теплым именем «Россия», она удивлялась тому, как уверенно вписалось это светлое и легкое современное здание в уголок старины, словно соединились времена. Надя подолгу простаивала на Красной площади. Площадь казалась необыкновенно широкой и торжественной. Неподвижно несли караул часовые у входа в Ленинский Мавзолей, их молодые лица были мужественны и суровы: солдаты на посту № 1 великого государства.

В мудрой этой тишине хорошо и спокойно думалось. Надя представляла, что делается сейчас дома, в волжском городе

Тольятти. Сыновья, наверное, готовят уроки на завтра, муж отдыхает или, приглушив звук, чтобы не мешать ребятам заниматься, смотрит телепередачу... Семья! Конечно, эти трое родные, ближе их никого не может быть. Но и весь город Тольятти родной. Вырос буквально у нее на глазах. В стены городских домов ею, каменщицей, заложена не одна тысяча кирпичей...

На сессии депутаты обсуждали вопрос первостепенной государственной важности: охрана природы. Земля, ее недра, воды, леса — богатство народа. Надя внимательно слушала выступления депутатов — ученых, хозяйственников, министров. Вся огромная наша страна с ее бескрайними полями и лесами, высоченными горными кряжами, степными просторами и среднеазиатскими пустынями вставала в этих речах. Великая забота о чистоте воздуха, которым мы дышим, о судьбах рек, лесов, живого мира, о приходе воды на засушливые земли, о водных магистралях в пустынях наполняла эти выступления.

Говорили и о ее родной Волге. О том, что будет в ближайшие годы сделано для предотвращения загрязнения Каспийского моря и бассейнов рек Волги и Урала промышленными и бытовыми сточными водами. Больше трехсот миллионов рублей ассигнует государство на постройку очистных сооружений только в пятнадцати городах, расположенных на Волге и Каме. Говорилось о новых каналах, по которым придет с Севера вода в засушливые районы Поволжья, о мощных водохранилищах сооруженных и сооружаемых гидроэлектростанций, позволяющих регулировать стоки рек...

На Первом Всесоюзном съезде Советов.

У рояля студентка — первокурсница Нино Кереселидзе.

Казахстана, Литвы, Молдавии, Таджикистана, Туркмении, Азербайджана, Узбекистана, Татарской автономной республики и Якутии. Будущие дирижеры, инструменталисты, композиторы и музыковеды... Набор 1972 года. Сколько же юных талантов из всех уголков советской земли воспитано в этом большом музыкальном доме на улице Герцена!

— Меня всегда волнует, — говорит Тихон Николаевич Хренников, — тот необычайный интерес, с которым современный музыкальный мир прислушивается к нашей многонациональной музыке... Я много ездил по разным странам. Интерес этот везде очень высок!..

Мы в небольшом служебном кабинете председателя Союза композиторов страны. Только что от Тихона Николаевича вышел молодой композитор из Киргизии. Он показывал старшему коллеге, прославленному русскому музыканту, нотную рукопись своего нового сочинения, советовался.

— Знаете, многие считают, что у нас произошло настоящее чудо, — говорит Тихон Николаевич. — Ведь полвека назад в Средней Азии и в Казахстане вообще не было профессиональной музыкальной культуры. Трудно это представить? Да, теперь трудно. Вы не бывали в нашем Московском музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки?.. Обязательно побывайте... Не так давно его посетили делегаты международного конгресса музыкального совета ЮНЕСКО. Темой конгресса было развитие национальных музыкальных культур в нашей современности. На стендах музея — партитуры симфоний и опер, созданных композиторами национальных республик, труды музыковедов, фотографии, на которых запечатлены выступления наших национальных ансамблей — симфонических и камерных — за рубежом, снимки, сделанные в музыкальных школах Якутии и Камчатки... Это реальность наших дней. Москва, русская музыкальная культура с ее богатейшими традициями, в частности музыкально-педагогическими, стояли у истоков, помогали рождению чуда, которому сегодня удивляется мир...

Ленинские горы. Идешь к величественному зданию Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, и тебя обгоняют слева и справа веселые и серьезные, озабоченные и возбужденные группы студентов. Присмотришься к ним, к их молодым лицам — знакомое сообщество! Девушка-таджичка, черноглазая и смуглая, толкует об интегральных исчислениях с рослым и белокурым литовцем... В частых журналистских поездках по стране нам встречались постоянно инженеры и педагоги, физики и филологи со значком МГУ. Где это было? Всюду: на Ангаре и в Арташатской долине, на Кольском полуострове и в Самарканде...

Мы знаем, в этот час на различных кафедрах Московского университета трудятся над своими диссертационными работами более трех тысяч аспирантов, представляющих собой все наши союзные республики и едва ли не большинство национальностей, населяющих советскую землю. Будущие ученые — математики, физики, химики, биологи, историки, психологи, экономисты... Среди них Роза Атумбаева, девушка из Киргизии, и Мария Шургучиева, калмычка, — будущие философы; осетинка Фатима Албегонова и эстонка Рената Уэсон, избравшие экономическую науку...

«Альма матер» — так все они скажут, когда придет время самостоятельного научного творчества, о своем, ставшем родным университете на Ленинских горах в Москве. Многие и сами станут скоро готовить специалистов в университетах и высших учебных заведениях других городов страны.

Конечно, она обо всем, что было на сессии, расскажет своим землякам. Как всегда, люди станут задавать вопросы, много вопросов: дела государственные — их дела. Они вместе еще и еще раз подумают, посмотрят, что предстоит им, волжанам, сделать для быстрого претворения государственных планов в жизнь.

...«Наша Москва!» Так не раз и не два будет вспоминать о столице, когда вернется домой грузинская девушка Нино Кереселидзе, юная пианистка, первокурсница Московской консерватории имени П. И. Чайковского.

В славный год 50-летия Союза Советских Социалистических Республик в стены старейшего музыкального высшего учебного заведения страны пришли юные таланты из

Московский государственный университет имени Ломоносова. Кандидатскую диссертацию защищает О. Л. Свешникова, младший научный сотрудник минералогического музея имени Ферсмана Академии наук СССР.

Депутаты Верховного Совета СССР (слева направо): Дилъра Ташпулатова, прядильщица Наманганского комбината шелковых и костюмных тканей; Раиса Ковалевская, машинист Амвросиевского цементного комбината, Донецкой области; Кульсара Сулайманова, звеньевая-свекловод колхоза имени Панфилова, Киргизской ССР, Герой Социалистического Труда; Мамура Гадоева, доярка колхоза имени Ленина, Таджикской ССР; Вера Сорокина, отделочница Шумерлинского завода специализированных автофургонов, Чувашской АССР и Алтын Ходжиева, хлопкороб колхоза имени Свердлова, Туркменской ССР.

Фото А. Гостева.

**КРЕМЛЬ.
ПЕРВЫЙ ИНЕЙ.**

Фото В. НАЙШУЛЯ.

**НАША
МОСКВА**

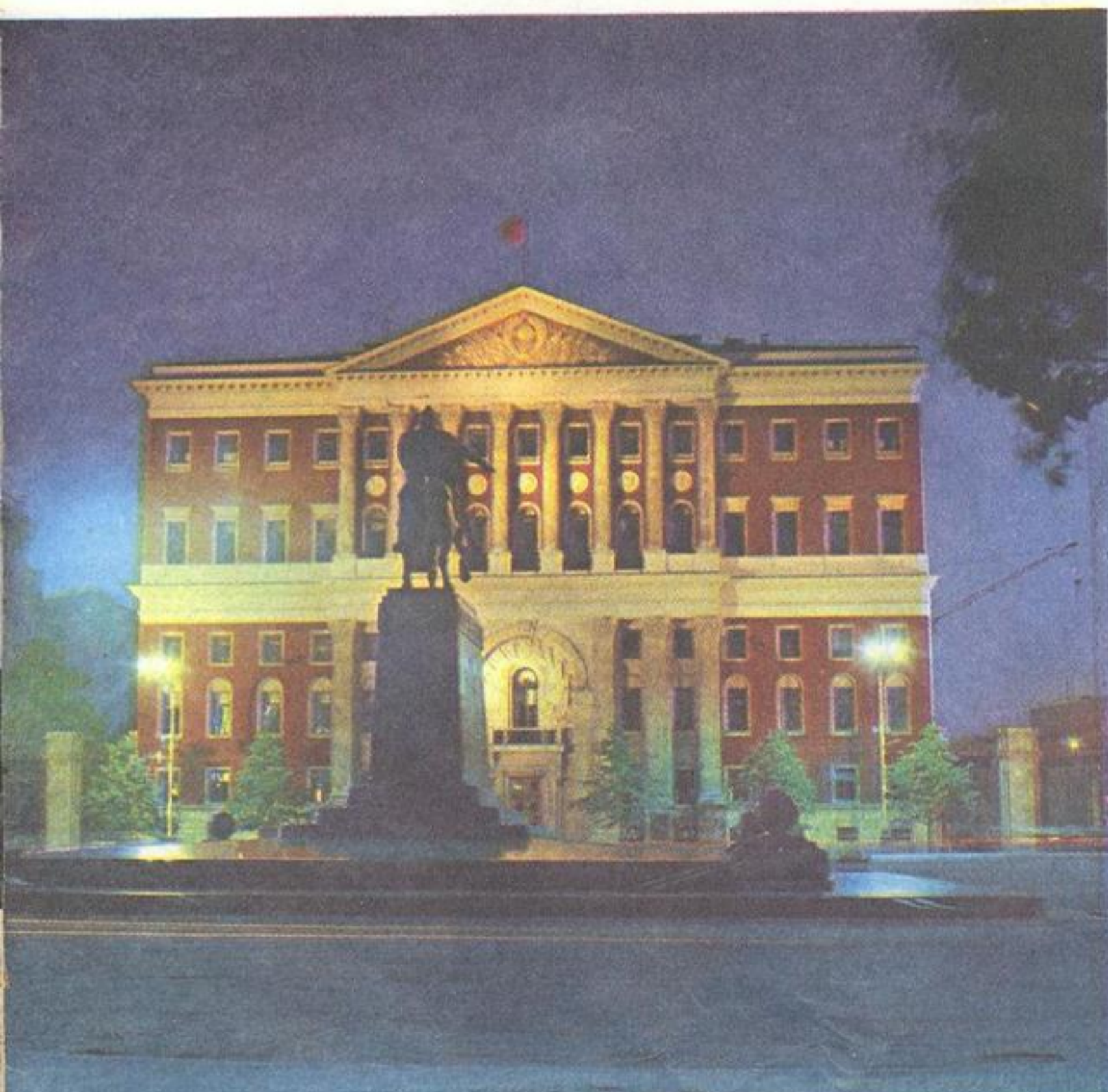
НАША МОСКВА

● Проспект Кутузова,
гостиница «Украина».

● Московский Совет.

● Здание СЭВ.

Фото: В. Найшуля,
Б. Раскина.

Архитекторы института «Гипрогор» Л. С. Гришина (слева) и К. В. Бутова.

Фото Н. Маторина.

Институт этот называется кратко — «Гипрогор». В его кабинетах и даже коридорах развешаны по стенам проекты, проекты... Генеральные планы развития советских городов с заглядом вперед, вплоть до 2000 года!

Более пятисот генеральных планов обновления городов сотворено здесь только за последние два десятка лет. На белых листах ватмана — будущий облик древнего русского Новгорода с сохранением, разумеется, всех чудесных архитектурных памятников старины, будущие центры Тбилиси и Тулы, Еревана и Душанбе...

В основе грядущего облика больших и малых и еще не родившихся городов — точные экономические обоснования, реальная перспектива развития индустрии, науки, культуры — приметы великого роста страны.

Задумываются здесь и целые города здоровья.

— Сейчас у нас в работе, — рассказывает директор «Гипрогора» Юрий Андреевич Буиреев, — еще не существующий на картах город-курорт Самур. Он раскинется на побережье Каспийского моря, в живописнейшем горном уголке, там, где река Самур впадает в Каспий. Мы хотим, чтобы облик нового города, его пансионаты, санаторные корпуса, парки — все создавало у людей ощущение покоя и радости.

Будущее... Не этим ли живет сегодня город, о котором на всех языках народного братства говорят советские люди: «Наша Москва!»

Что ни минута, подлетают машины, спешат к дверям киностудии беспокойные труженики документального кино. Только что многие из них были очень далеко отсюда, быть может, на Сахалине или подле южной Кушки...

— Советские документалисты, — рассказывает нам начальник управления документального и научно-популярного кино Алексей Николаевич Сазонов, — создали к 50-летию образования Союза ССР настоящую киноэпопею о жизни и свершениях нашего великого братства народов. В съемках участвовали лучшие творческие работники научно-популярного и хроникально-документального кино. Любопытно было бы подсчитать, сколько тысяч километров по земле, по воде и по воздуху пришлось преодолеть нашим операторам и режиссерам!

Зрители увидят документальные ленты: «В союзе едином» — как бы совершив при этом увлекательное путешествие по всем пятнадцати столицам союзных республик; «Моя столица — моя Москва!» — о том, как живет сегодня великий город; «Единство» — большой кинорассказ о братстве народов... Я говорю лишь о наиболее значительных работах. Все эти фильмы сделаны московскими режиссерами и операторами. В Ленинграде завершена работа над цветными документальными картинами «Союз нерушимый республик свободных» и «Мы — советский народ!». Снимаются фильмы к юбилею и в Закавказье, в Прибалтике, на Украине... Специально для круговой кинопанорамы на ВДНХ в Москве создан фильм-документ «Торжественная песня»...

Торжественная песня — таким станет для каждого из нас, советских граждан, праздничный день 50-летия Союза ССР. В этот день в Кремлевском Дворце съездов прозвучит на весь мир хор счастливых голосов, славящих Коммунистическую партию, сплотившую мудростью своей в единую семью нации и народы нашей Родины на пути к коммунизму.

Кадры из кинофильма «Единство».

ХУДЖУМ И ХУДЖУМА

Т. АЛЕКСАНДРОВА

Чем дальше за веками, за тысячелетиями лежит полоска времени, облюбованная историком, тем больше надежд на удивление: следы событий, давно погасших в памяти человечества, корни легенд, считавшихся изощрением фантазии, и вдруг...

Те два десятилетия, которые исследовала историк Шукурова, не стали еще далеким прошлым. И не одни архивные документы — живые голоса помогли восстановить интересующие ее события, почувствовать крепкую между ними связь.

Все происшедшее было очень близко историку Шукуровой. И не только по времени.

В десятую послеоктябрьскую весну у Мукадам Абдуллаходжаевой родилась дочка. За окном отцветал урюк, и небо набирало летнюю синюю высоту. В родильном доме приближался час кормления, Мукадам казалось, что на свете сейчас нет ничего значительней и важней ожидания первой встречи с первым ребенком, и так остро это ожидание бьется в каждой жилке!.. Мукадам уже знала: она будет очень нежной матерью, и то, чего недополучила в жизни сама, получит сполна ее девочка.

Мукадам плохо помнила свою мать, бабушку своей дочки. Впрочем, бабушкой она стать не успела — умерла совсем молодой во время родов. Рядом не было врача — так всегда рожали узбечки, — и мать просила, умоляла аллаха помочь ей, хоть и знала, что аллах никогда не слышал женщин. Он презрел их еще до того, как они появились на свет. Он даже не прикоснулся к их сотворению, поручив столь недостойную для него самую работу ангелу Джебраилу — все это с детства втолковывалось каждой узбечке.

Отец привел в дом мачеху, и Мукадам часто думала: если правда, что все мачехи злы, то ее — самая злая. Тогда она еще не видела настоящего лица жестокости.

Сколько лет ей было? Двенадцать? Может быть, даже одиннадцать. Она забежала за чем-то на верхнюю террасу дома и случайно выглянула в маленькое оконце на улицу. Вечером пришел муж старшей сестры: «Вся мечеть говорит сегодня о том, что дочь Базарбая Раджаба, Мукадам, опозорила свой род!» Он схватил плеть.

Ее память никогда не освободится от красных, налитых злобой глаз, свиста плетей. Только боли она не помнит: страшнее было другое. Рядом стоял отец, который всегда относился к ней добро, стоял неподвижный и безучастный, будто избивали не его дочь, будто вообще никого не избивали. Так Мукадам узнала: когда мужчина учит женщину, никто не смеет вмешиваться! И никто не вмешался, когда этот же человек «учил» свою жену, родную сестру Мукадам, и заporол ее насмерть.

...Нянечка протянула Мукадам маленький, шевелящийся, живой комочек тепла. Она не успела прижать к себе дочку, как качнулся потолок. Пиала с недопитым чаем понеслась к краю стола, упала на пол и разлетелась вдребезги с неожиданно резким звоном. Нет, это звенели стекла, сыпавшиеся из окон. С улицы ворвался крик и тотчас утонул в грохоте. Землетрясение!

Все так же внезапно кончилось, как началось, но прежний покой не возвращался больше к Мукадам.

Что теперь будет? Завтра же муллы и ишаны объявят в мечетях, что сегодняшнее земное толчок — кара аллаха за преступление женщин. То ли еще нас ждет, грозно разнесется под сводами куполов, если не

наказать преступниц, нарушивших заветы адата!

А через несколько дней 1 Мая. В Самарканде многие женщины готовятся прийти на главную площадь, чтобы публично сбросить паранджу и сжечь ее. Не испугаются ли теперь? Совсем непросто было решиться на такой шаг. Мукадам это знает. Немало долгих разговоров вела она сама с женщинами в ичкари.

Как, оказывается, трудно убеждать! А оттого, что понимаешь сидящего перед тобой человека, понимаешь, откуда все его возражения, еще трудней. Доказывать женщинам, что живут в унижении, — разве сами они этого не чувствуют? Доказывать, что жить надо иначе, — разве они не хотят? Но как преодолеть сознание, которое словно часть тебя, как голова, как руки!..

Мукадам росла в Бухаре, где мусульманские порядки, перешагнувшие все пределы фанатизма, казались особенно крепкими и незыблемыми. Но победило Бухарское восстание, и вскоре брат Мукадам, коммунист, увел ее из отцовского дома, чтобы она наконец-то начала жить. Как-то она пришла на собрание в женский клуб — немногие отваживались в то время на такой подвиг, — увидела нескольких женщин, как и она, в паранджах и одну — с открытым лицом. Это была Лидия Отмар-Штейн, коммунистка из России. Рядом с ней сидела переводчица, но Мукадам казалось, что она и без переводчика понимает каждое слово этой женщины, так горячо и убежденно она говорила: «Узбекский народ стал равным среди других народов, и женщины должны стать равными среди равных. Советская власть дает им такие же права, как мужчинам. Она запрещает многоженство, запрещает выдавать замуж несовершеннолетних»... После ее речи робко поднимались узбечки, еле слышны были их тихие голоса: «Нам не надо много, нам бы врача, чтоб женщины и дети не умирали раньше времени. А еще, чтоб наших маленьких дочек не продавали...»

Мукадам и раньше слышала от брата, что в Среднюю Азию пришли русские женщины, чтобы помочь узбечкам. И вот встреча... «Неужели и мы, — думала тогда Мукадам, — сможем стать такими же уверенными, свободными, будем столько же знать...»

Русские коммунистки возглавили первые женские отделы и первые женские клубы. Как трудно пришлось им на этой незнакомой земле страшных обычаев! Первое время узбечки не решались даже поддерживать с ними разговор на улицах. Пугали открытые лица: побереглись бы, опасно! И русские женщины, надев паранджу, рискуя жизнью, проникали к ним в ичкари. И трогался лед: «Только сестра за сестру может так болеть, как болят они за нас...»

Почти у каждой узбечки, вырвавшейся на свободу раньше других, была русская сест-

ра. Защитила от разбушевавшегося мужа... Научила не бояться... Уговорила пойти в школу...

Вся Средняя Азия знала имя русской коммунистки Серафимы Любимовой. Она руководила отделом работниц и крестьянок в Центральном Комитете Компартии Туркестана, а потом заведовала таким же отделом в Среднеазиатском бюро ЦК партии. Она была совсем молода — двадцать с небольшим, — но тот, кто встречался с ней, кто ее слышал, рассказывал другим: «У этой женщины дар: умеет завораживать и покорять». Страстно звучали ее слова, обращенные к коммунистам: «Коммунист! Если ты не хочешь, чтобы народ вымирал, если ты действительно заботишься о развитии народного хозяйства и культуры, если ты не бай и не мулла и не поддерживаешь баев и мулл, ты должен работать по раскрепощению женщин!»

Мукадам была женой коммуниста. Она познакомилась с Абдусаматом Абдуллаходжаевым в Самарканде, куда переехала из Бухары вместе с братом. Их свадьба была в день 8 Марта — так захотела Мукадам. Она уже училась в школе, три года ходила без паранджи, но все не могла забыть тот день, когда впервые вышла на улицу с открытым лицом: и страх, и стыд, и радость!.. И таким слепяще ярким казалось все вокруг, будто попала в незнакомый город и ничего не видела здесь прежде. Ей плевали в лицо, в нее швыряли камнями, но это не заставило ее снова спрятать лицо за чачван.

Теперь, как жена коммуниста, она старалась помочь другим женщинам. Стучалась в маленькие калитки дувалов. Рассказывала затворницам: идет по всей узбекской земле Худжум — наступление! Его объявили коммунисты. Вы знаете, какие у нас права. Нам дают землю, слышано ли такое? Узбекки-депутаты на равных с мужчинами решают в Советах государственные дела. Но еще не все мы можем пользоваться своими правами, потому что наши дома пока остаются тюрьмами. Настал час — коммунисты объявляют бой семейному рабству. Не отказывайтесь от помощи и ничего не бойтесь! Власть берет нас под защиту. В республике издан закон: тех, кто поднимет руку на женщину, открывшую лицо, ждет самое суровое наказание...

Да, нелегко было убеждать: каждый шаг давался с боем. И, как в бою, оплачивался подчас кровью.

Выйдя из родильного дома, Мукадам почти не видела Абдусамата. Он возвращался поздно и нередко со страшными новостями, которые стекались со всех концов республики в Самарканд.

В медресе Кукельдаш блюстители мусульманских законов тайно устроили расправу над женщинами, осмелившимися снять паранджу. Их зашили в мешки и сбросили из-под купола мечети...

В кишлаке Назар-Махрам убиты Хадича Гаибова, уполномоченная райкома партии по работе среди женщин, и ее муж...

В селении Янги-Курган... В селении Паласан... Убили, повесили, заживо закопали в землю...

Но ничто уже не могло остановить Худжум. 1 Мая во многих городах полыхали костры — женщины жгли паранджу, жгли свое прошлое. В первую же весну наступления больше ста тысяч узбечек освободились от паранджи, пять с лишним тысяч начали учиться в школах ликбеза.

«Когда подрастет дочка, — думала Мукадам, — наступят совсем другие времена. Но пусть и тревога и радость этих дней останутся в ее имени. Если уж родилась вместе с Худжумом — быть ей Худжумой».

Партия командировала коммуниста Абдуллаходжаева в Хорезм проводить земельно-водную реформу. И Мукадам с Худжумой отправилась вслед за ним.

Возвращаясь из кишлаков, Абдусамат рассказывал, как плачут от радости бедняки-дехкане, получившие землю, как женщины-вдовы не могут поверить, что Советская власть признает их главой хозяйства и не только наделяет землей наравне с мужчинами, но дает им в первую очередь и лошадь и инвентарь.

Мукадам и самой доводилось видеть такое. Она заведовала в Хорезме женским клубом. Здесь учили узбечек читать и писать, здесь объясняли им, кто они теперь, и знакомили с законами, которые их защищают. Здесь они впервые в жизни получали медицинские советы и узнавали, как уберечь детей от болезней. Здесь же их устраивали на работу в кустарные артели... Заведующая часто выезжала в кишлаки, чтобы и там проводить женские собрания, и часто с дочкой на руках. И имя девочки — Худжума, — которому так удивлялись женщины, действовало порой сильнее призывных слов.

* * *

По утрам на ее стол ложатся письма.
«Дорогая Худжума!

Как председатель комитета по фильмам Ассоциации дружбы и культурной связи с Советским Союзом могу сообщить, что мы показываем фильмы об Узбекистане, и я всегда рассказываю о Вас и Вашей книге. Ваше пребывание в моем доме — память, которую буду хранить всегда.

Рачел Лиф.

Лос-Анджелес, Калифорния».

А это письмо из Лондона. От давней доброй знакомой, коммунистки Дины Левин.

«Большое спасибо за книги и журналы. Они мне очень помогут...»

Письмо, лежащее в пачке последним, официальное, оно адресовано Худжуме как председателю Узбекского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

«Пишет Вам гражданка новопризнанной страны Бангладеш. Я работаю помощником генерального секретаря Даккского городского комитета Бангладеш Махила Паришад. Искренне пишу Вам с целью узнать об организации, представителем которой Вы являетесь, а главное — о жизни женщин вашей страны...»

Бангладеш Махила Паришад — женская организация... Худжума положила это письмо сверху: надо ответить быстрее и обстоятельней. У «новопризнанной страны» особый интерес к жизни Советского Союза. Худжума была там в феврале, с самой первой делегацией Союза обществ дружбы, и чув-

ствовала этот интерес во время каждой из встреч.

В 1927 году I Республиканский съезд работниц и дехканок, членов Советов, проходивший в Ташкенте, принял резолюцию: «...вперед еще длинный путь упорной и настойчивой борьбы за раскрепощение женщин Узбекистана. Так как Узбекская республика находится на стыке Запада с Востоком и на Востоке женщины до сих пор закабалены, то наш пример послужит им хорошим опытом...»

Самим жилось трудно, а уже думали не только о тех, кто рядом, но и о тех, кто далеко.

Худжума Шукурова хорошо знает то время: восстановила его почти день за днем, работая над докторской диссертацией «Исторический опыт КПСС в раскрепощении женщин Востока». Да, близка историк Шукуровой эта тема: жизнь многих женщин старшего поколения, рядом с которыми она росла, жизнь матери... И все же, выстраивая события двух десятилетий (год 1917-й — год 1937-й), она не могла справиться с удивлением.

Только после революции узбечки начали учиться читать и писать, а уже в тридцать седьмом году в Ташкенте собрались на свою конференцию женщины — ученые Узбекистана.

Сколько же вместили в себя двадцать лет!

В научных трудах не приняты эмоции, лаконизм вытеснил личные переживания и чувства. А личное почти за каждой строкой.

«С большой теплотой, — писала историк Шукурова, — вспоминают и сейчас женщины Средней Азии и Казахстана о русских сестрах, пришедших им на помощь в трудные годы борьбы...» За этими строками — радость ее собственной дружбы с Серафимой Тимофеевной Любимовой.

Они познакомились в 1957 году, и с той поры самым добрым домом в Москве стал для Худжумы дом Серафимы Тимофеевны. Стал надолго, на десять с лишним лет. Пока жива была хозяйка... Она всегда встречала Худжуму на пороге, коротко стриженная, улыбающаяся — у решительной этой женщины была застенчивая улыбка, — и вводила в чистоту и тепло маленькой квартиры. Поила чаем. Расспрашивала об узбекских новостях и о каждом из трех Худжуминых сыновей, а потом они открывали очередную главу диссертации и просиживали над ней допоздна...

«Сегодня, — писала историк Шукурова в заключительной главе диссертации, — среди узбечек немало выдающихся государственных и общественных деятелей. Они зани-

Х. С. Шукурова с гостьей из Шри Ланка Барбарой Сеневирагие на Красной площади в Москве.

мают видное место в культуре, науке...» За этими строками стоит жизнь младшей сестры Малики, ставшей в тридцать шесть лет доктором медицинских наук, и собственная жизнь Худжумы, ее научные труды, ее книги. Ее работа в Комитете советских женщин. Ее участие в международных симпозиумах и конгрессах. Ее поездки по странам Азии, Европы, Америки...

И все это как исполнение той давней резолюции — «наш пример послужит... опытом», — которая была принята в год начала Худжума...

ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

УРОКИ БРАТСТВА

Ташкент. Педагогический институт имени Низами.

Фото ТАСС.

ное для полного расцвета, роста экономики, культуры и науки каждой национальности.

В поездке мы постоянно сталкивались с яркими проявлениями советской реальности, имя которой — братский союз и равноправие народов. В Узбекистане, на большой стройке, мы встретились с настоящим интернационалом: начальник стройки оказался узбеком, заместитель — русским, а на строительстве были заняты рабочие, инженеры и техники стольких национальностей, что их трудно перечислить. Всех этих людей объединяло коммунистическое отношение к общему делу.

С особым волнением отмечала приметы такого содружества Анджела Дэвис. Победа ленинской национальной политики, ваш пример вдохновляют передовых людей Америки в борьбе за равенство всех национальностей, населяющих США. Жестоким расовой дискриминации подвергаются в США не только 30 миллионов людей с черной кожей, но и 7 миллионов американцев мексиканского происхождения и 2 миллиона пуэрториканцев. Это и коренные жители континента — индейцы, которых в настоящее время насчитывается не более полу-миллиона, потому что долгие годы их не только угнетали и эксплуатировали, но и поголовно уничтожали.

Не могу не сказать о сильном впечатлении, которое оставили встречи с советскими женщинами. Я познакомился с Ядгар Насриддиновой — узбечкой, которая занимает высочайший пост Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР. И это тем более знаменательно, что выросла она в том краю, где еще недавно женщины с юности до смерти носили чадру, закрывавшую от них весь мир. На большом текстильном комбинате в Ташкенте, в Ленинграде ли на знаменитом Кировском заводе — везде я видел, как женщины решают важнейшие вопросы роста производительности труда, участвуют в руководстве работой предприятия.

Поздравляя советских людей с юбилеем образования СССР, я славлю Коммунистическую партию, под руководством которой идет по пути мира и прогресса весь ваш народ, все 109 национальностей, проживающих в 15 республиках.

Джозеф НОРТ,
московский корреспондент газеты Коммунистической партии США «Дейли уорлд»

Мне посчастливилось сопровождать Анджелу Дэвис в ее недавней поездке по Советской стране. За время этого путешествия Анджела не раз повторяла, что здесь она постигает уроки ленинского решения национального вопроса, что она учится у советского народа опыту дружбы и взаимопомощи.

Находясь в дни подготовки к полувековому юбилею Союза Советских Социалистических Республик в вашей стране, я, иностранец, чувствую себя братом всех советских людей. Ведь день образования СССР — красный день календаря для всего передового человечества.

Мы побывали в Узбекистане, Ульяновске, Ленинграде, Москве. Говоря кратко, мы увидели единство многих национальностей в одном великом государстве — СССР. В то же время мы видели, как это содружество народов не только уважает, но и делает все возмож-

Белоруссия. Мемориальный комплекс «Хатынь».

НА КАЖДОМ ШАГУ — ГЕРОИ

Пишутся эти строки под свежим впечатлением от недавней поездки по СССР. Мы посетили только одну республику — Белоруссию. Но сколько увидели, сколько узнали о жизни всего Советского государства! Мы восхищались размахом строительства и радовались за людей, сумевших залечить тяжелые раны, нанесенные их родине войной против гитлеровских полчищ.

В Белоруссии — этом партизанском крае — на каждом шагу встречаешь героев. Нет семьи, в которой не было бы борцов. И не было бы жертв... Невозможно забыть Хатынь, дотла сожженную врагами, ее стариков, женщин, детей, которых не пощадили гитлеровские палачи.

Глядя на вашу родину, мы думаем о том, что своим общим подвигом вы не только защитили себя — вы отстаивали свободу и мир для других народов. И еще, глядя на вас, мы мечтаем о том времени, когда и на вьетнамской земле, израненной бомбами, воцарится мир.

Бесконечна наша благодарность Советскому Союзу за поддержку и помощь. Каждая встреча на белорусской земле убеждала нас в том, как высоко для каждого советского человека понятие интернационального долга.

«Мы полны решимости бороться до конца, — говорили мы нашим белорусским братьям и сестрам. — Мы будем достойны вашей дружбы и солидарности».

Спасибо и еще раз спасибо вам, советские подруги, от имени женщин и всего народа Южного Вьетнама! В год 50-летия образования великой и могучей державы — Союза Советских Социалистических Республик желаем вам новых успехов.

ЛЕ ТХИ ЧИ,
член исполкома Союза женщин
за освобождение Южного Вьетнама

ПРИМЕР НАРОДАМ И ГОСУДАРСТВАМ

«Кроме жажды знаний, меня поразила выдающаяся роль женщин в жизни советского общества» — эти слова я написала в одной из своих статей об Азербайджане. Но то же я могла бы сказать о женщинах каждой советской республики, где мне посчастливилось побывать. Освобождение женщин, впервые в мире осуществленное в таких масштабах, — это настоящая революция.

Всех нас, друзей Советского Союза, глубоко волнуют планы, намеченные вами на девятое пятилетие. И все они основаны на братском сотрудниче-

стве советских народов. Еще и еще раз мы убеждаемся, что Союз ССР — это новая историческая общность людей, новое государство. Оно создано и уверенно развивается на основе ленинской национальной политики. Полное равноправие народов, их равные возможности экономического и культурного роста — вот что вызывает восхищение у прогрессивно мыслящих людей всего мира.

Криста ЦИНН,
вице-президент общества
содействия развитию
отношений между ФРГ и СССР

«ВЫ — ЛЮДИ НОВОГО МИРА»

Я вспоминаю, как в первые годы существования Советского государства мое поколение стремилось узнать все о вашей жизни. Мы усиленно искали книги о Советской стране, ловили и обсуждали каждое сообщение печати о политике Советской власти, новости о развитии культуры и образования, знакомились с вашей поэзией. Помню, как приехала в Мексику Александра Коллонтай — посол СССР. Женственная, образованная и остроумная, она покорила нас. Мы видели в ней женщину из будущего, представительницу нового мира.

За прошедшие с тех пор годы я не раз приезжала в вашу страну. Бывала на Украине, в Средней Азии, Белоруссии, Прибалтике. Мои записные книжки переполнены записями о волнующих встречах, впечатлениях и неожиданностях, с которыми в Советском Союзе я сталкиваюсь на каждом шагу. Неожиданность — изменяющийся до неузнаваемости облик городов; как неожиданность воспринимает иностранец взаимоотношения между советскими людьми, говорящими на разных языках, но так хорошо понимающими и уважающими друг друга. Какая огромная разница с положением на моей родине, где для женщин почти неразрешима проблема совмещать общественно полезный труд с материнством и где так далеко до признания их общественной роли. Пример вашей страны, словно факел, освещает всем народам дорогу к лучшему будущему.

Аделина СЕНДЕХАС,
президент Института дружбы
и культурного обмена
«Мексика — Советский Союз»

Музей-памятник латышским
стрелкам в г. Риге.

Киев. Здание Президиума Верховного Совета УССР.

Фото ТАСС.

ЖИЗНЬ, О КОТОРОЙ МЕЧТАЕМ

Вот уже 11 лет наша родина ведет борьбу за национальную независимость. Тысячи женщин Анголы потеряли своих близких, детей, братьев и мужей в сражениях с португальскими колонизаторами. Многие собственной жизнью заплатили за

свободу своего народа. Мне хочется, чтобы вы знали имена Деолинды Родригеш и четверых ее подруг — Тересы, Эуфрасии, Ирене и Лусии, — зверски замученных в тюрьме. Палачи изрубили их на куски и бросили в реку. Мученическая смерть патриоток не испугала женщин Анголы — на борьбу поднялись сотни других.

В тяжелые минуты мы стараемся не падать духом. Мы вспоминаем о вашем примере, дорогие советские подруги, мужеством и стойкостью стараемся походить на вас.

Недавно представительницы Организации женщин Анголы побывали в Советской стране. Мы познакомились с тем, как вы живете и трудитесь, готовясь к празднованию 50-летия образования СССР. В Украинской Советской Социалистической Республике, которую мы посетили, нам довелось побывать на швейной фабрике в Киеве, в колхозах, на станции «Скорой помощи», в детских садах. И везде нас восхищала высокая квалификация и активность женщин в решении местных и больших общественных проблем.

Во всем увиденном в вашей стране содержится замечательный опыт, который мы хотим постигнуть, чтобы у себя на родине успешно строить новую жизнь. Уже сейчас, в процессе борьбы, мы готовим себя к работе в условиях независимости и свободы. Женщины занимают видные посты в руководстве движением. В освобожденных районах организована медицинская помощь женщинам и детям, объявлена война неграмотности. Мы благодарны Советскому Союзу и советским женщинам, оказывающим нам дружескую поддержку в освободительной борьбе.

Мария Рут НЕТУ,
член руководства Организации женщин Анголы

УВЕРЕННОСТЬ

Мы, посланцы молодой республики Шри Ланка, приехав в вашу страну, стали свидетелями интересных событий. Многое взволновало нас, многое запомнилось. Но больше всего — отношение к детям. Ваши дети — как цветы, растущие на ухоженной почве. По всему чувствуешь, что им постоянно уделяется огромное внимание. Мы видели высококвалифицированных врачей родильных домов, заботливых и ласковых воспитателей в яслях и детских садах.

Нам понятны и истоки той высокой сознательности, которую проявляют советские юноши и девушки, строя коммунистическое общество: сполна получая заботу и внимание, подрастающее поколение вырастает с чувством ответственности перед народом.

Мы познакомились с прекрасно организованной системой образования в вашей стране. В Государственном университете Молдавской ССР нам понравились удобные, хорошо оборудованные аудитории и уютные, благоустроенные общежития студентов. А разве можно не оценить тот факт, что во всех советских вузах студенты получают стипендии!

Уверенность каждого в своем счастливом будущем — вот главное, что мы видели и ощущали, знакомясь с многонациональной семьей советских народов.

Эва РАНАВИРА,
секретарь «Ассоциации
афро-азиатской солидарности»

Кишинев. В университете.

Над тихим озерным краем пробивался синеватый рассвет. Лес был еще темен, но поля поглубели. Стало заметно, как кланяются в поле друг другу колочие колоски ячменя, как шевелится и поднимается прижатый к земле росой тоненький, еще не загустевший лен.

Возле старого сурового ельника спало озеро. Его омут был еще черен, но припавшая к воде ива уже засквозила, засветились острые ее листья. Бледно желтела крупная кувшинка на густой, темной воде. За озером, на другом берегу, начали перекличку деревенские петухи.

На сизой от росы поляне построились палатки, в этот рассветный час похожие на копны сена на ночном покосе. Сбоку стоял снятый с колес вагончик с антенной-паутинкой на крыше. Еще дальше — навес под кухню и столовую, собранный из свежих, плохо ошкуренных березовых горбылей. Печь затопили с трех часов утра, дым крутился серыми кольцами и расползался между шершавыми еловыми стволами.

...Совсем рассвело. Желтый луч метнулся в середине озера, ветер затрещал осокой, разогнал последние клоки тумана, переночевавшего в ней.

— Отряд, подъем!.. Доброе утро, товарищи!

На самом берегу озера росла в наклон к восходящему солнцу старая, косматая береза. Между ее ветками был спрятан репродуктор. Когда он подавал голос, то казалось, что это говорит сама береза. Голос этот был громкий и требовательный. Он вспугнул маленькую черную птаху, она со щебетом ринулась прочь, увлекая за собой целую стаю.

— Сам вставай и товарища подними!

Лагерь зашевелился. Просыпались темные от ночной росы палатки. В деревне по второму заходу принялись голосить петухи.

— Встать быстро! Вот я тебя!.. — грозно сказал кто-то за пологом защитного цвета. — У-у!.. Пугайся быстрее!

Появился голый до пояса парень с вафельным полотенцем вокруг мощной коричневой шеи. Это был студент четвертого курса, разрядник по пятиборью Гелий Комаровский. Припечатывая росистую траву здоровенными голыми ступнями, он направился к озеру, к тому месту, где на скорую руку сооружены были мостки и вся трава вокруг была убита множеством ног.

Гелий оказался здесь первым, поэтому мог позволить себе попрохлаждаться. Замутив воду земляничным мылом, он плескал себе на грудь и удовлетворенно рычал. С его кудрявой, каштановой бородки стекали обратно в озеро синие капли.

Из другой палатки, сомнамбулически улыбаясь, вышла высокая девушка с длинными пепельными волосами. Глаза ее под дугами темных бровей, казалось, были еще закрыты. Но она шла прямо к тому месту, где плескался Гелий.

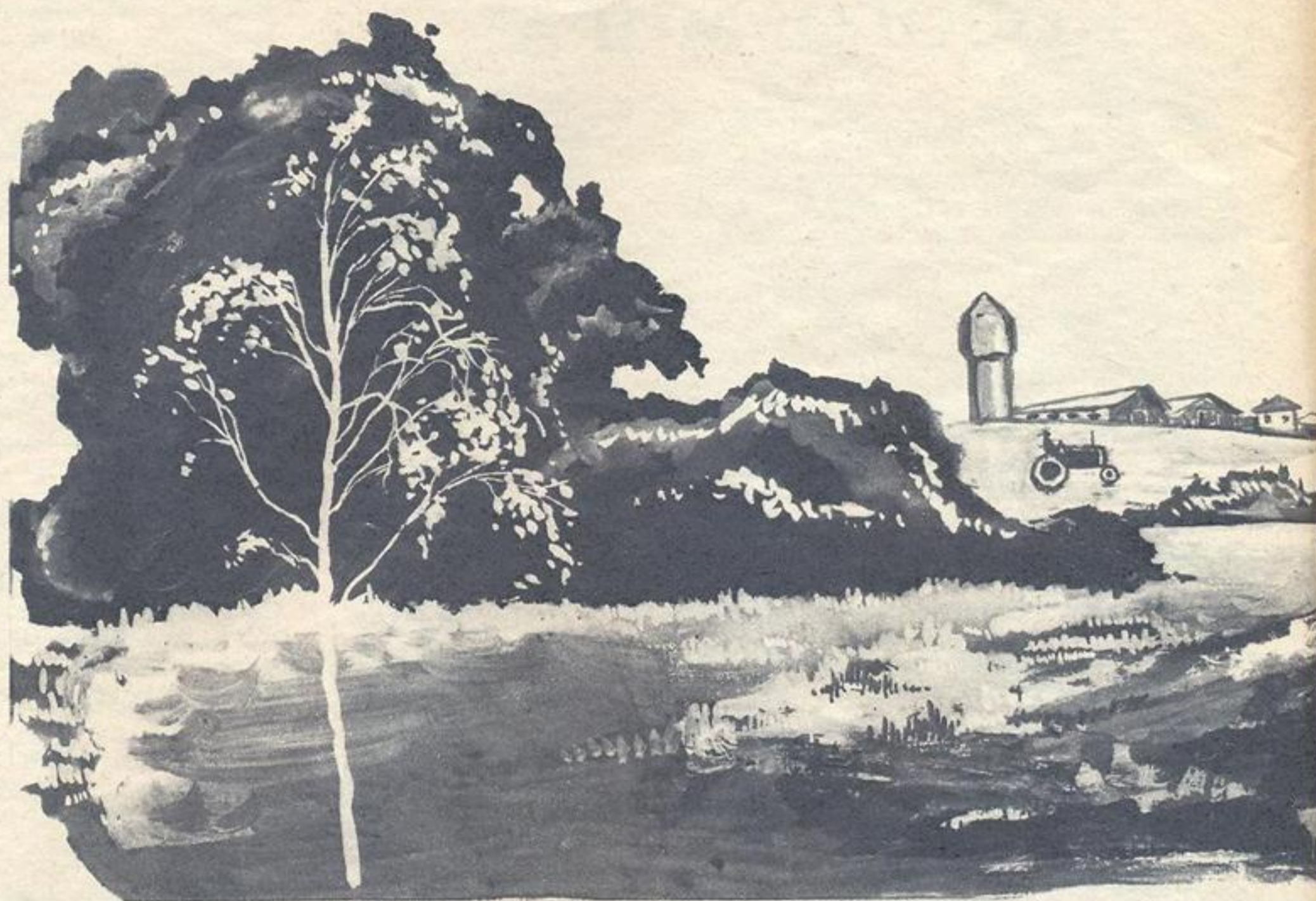
— Здоровенька була, Аграфена! — сказал он, выжимая бородку. — Все никак не пронешься, мать?

Подчеркнутый демократизм имени был его обладательнице не по душе. Она предпочитала, чтобы ее звали просто Граней. Но сейчас, услышав голос Гелия, она сразу открыла узкие, голубоватые глаза, радостно улыбнулась.

— Доброе утро, Геличка!

Она проводила его мягким, несколько рассеянным, но любящим взглядом. И тоже спустилась к воде.

Там на мостках уже умывался, черпая

воду ладонями, маленький, тщедушный студент-вьетнамец. На коричневой голой его спине можно было бы пересчитать каждый позвонок. Вьетнамец боялся ледяной озерной воды и мыл только запавшие щеки. Увидев над собой Граню, он сразу же дал ей место и сказал что-то бодрое насчет погоды.

— Здравствуй, Тан Хи, — опять погружаясь в сонное состояние, сказала Граня, подала вьетнамцу мягкое мохнатое полотенце: — Подержи, пожалуйста.

...Желающих умыться становилось все больше и больше. Ребята, минуя мостки, лезли прямо в озеро, хотя уже сразу от берега начиналась темная глубина, сверху опутанная стеблями кувшинок.

Береза объявила:

— Внимание, товарищи бойцы! Просьба проследовать на пищеблок для принятия пищи.

Гелий иронически заметил:

— Текст для диабетиков: «Принятие пищи!..» Перед употреблением встряхнуть!

Он всегда острил, правда, не всегда удачно. Но Граня терпеливо подождала, пока он обуется, и пошла с ним рядом, пытаясь заглянуть в глаза.

Столы и скамейки в столовой были сработаны на скорую руку, топорно, но с учетом студенческого темперамента. Между неоструганными половицами пробивалась зеленая трава.

Во время раздачи каши появилась в столовой комиссар отряда, студентка пятого курса Люся Дерябина. Крупная, голенастая девушка с сельским румянцем на широком, излишне серьезном лице. Люся носила рыжеватый шиньон и, несмотря на сложности полевой обстановки, кое-как с ним управлялась. Из-под защитной форменной куртки белело кружево блузки, сколотое большой

ТРЕТИЙ

СЕМЕСТР

Отрывок из повести

И. ВЕЛЕМБОВСКАЯ

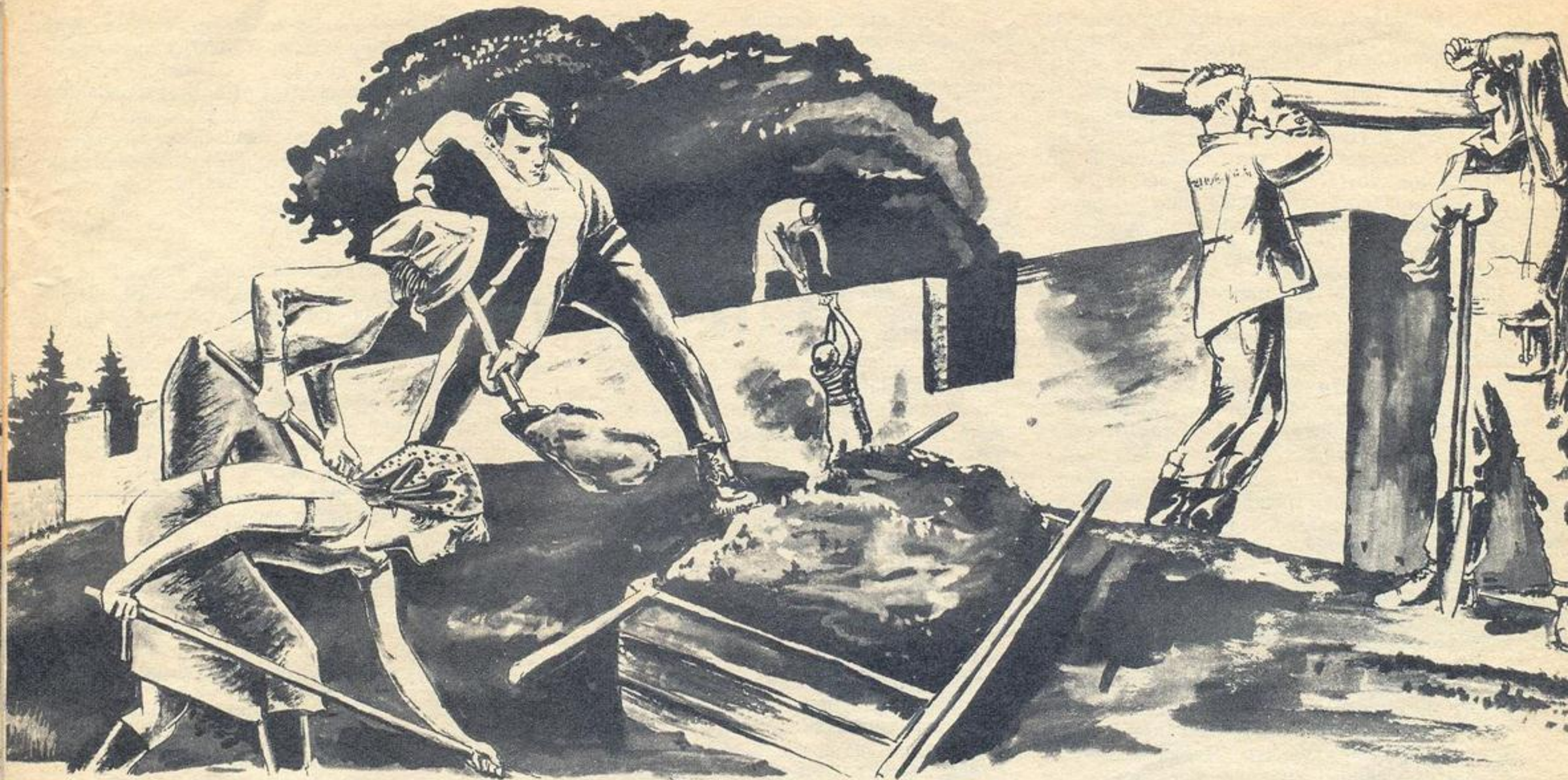

Рисунок Б. СОПИНА.

позолоченной брошкой. И брошка эта, и шиньон, и кружево розочками плохо сочетались с Люсиными мужественными манерами и недевической походкой.

— Товарищи,— громко сказала Люся,— у вас у всех дико антисанитарный вид! Неделю работаете, а уже совершенно заросли. Гелий поскреб ногтем присохший к майке большой шлепок серого раствора.

— Не говори, мать, самим противно!

Пшенная каша пахла дымом, пшено не уварилось. Но все это были болезни роста. И не могло быть никаких претензий, поскольку от должности повара все девчата сразу же решительно отказывались: записывались в студенческий строительный отряд, чтобы созидать, а тут тебе — вари кашу!

Объявили добавку. Гелий кинулся первым. Его соседка Граня, которой он за завтраком не уделял никакого внимания, грустно сидела над почти не тронутой кашей.

— Пошли, Аграфена! — сказал Гелий, насытившись наконец.— Труба зовет.

Через пять минут отряд стоял, построившись в две шеренги, друг дружке в затылок. Траву попирали тяжелые, грязные ботинки, облепленные глиной спортивные кеды, тапочки. Девчат в строю было совсем немного, и они были относительно чистенькие, еще не утратившие домашнего вида. А на ребятах были забрызганные раствором, набухшие кирпичной пылью футболки и майки, из карманов торчали покоробленные рукавицы; на головах — что попало: пилотки, шапочки из бумаги, тубетейки, кепочки.

Перед строем прохаживался командир отряда, студент-дипломник Андрей Серебrenников, парень совсем взрослый, женатый и некрасивый. Хмурому, простоватому лицу его явно не хватало красок, поэтому стоящая рядом с ним румяная Люся Дерябина казалась просто королевой.

— Подвели мы итог за неделю,— сказал Серебrenников.— И, значит, так... Первый день — осваивали лагерь, второй день — стройплощадку, третий день — кончали ос-

ваняться. Вчера приступили к кладке. Короче говоря, тридцать два человека положили восемнадцать кубометров. Мало это...

— Ну, так и больше будет,— заметил в строю Гелий.— Чи вы хотите все зараз?

Серебrenников глазами заметил Гелию, что разговорчики в строю не положены.

— Надо, ребята, скорее постигать это дело. А то ведь не заработаем ничего и заказчика подведем. Сами, небось, видели, какой здесь в колхозе коровничек.

— Бачили ненароком,— опять вякнул Гелий.— Как в фильме «Председатель». Только в первой серии.

Студенты хихикнули. А командир сказал:

— Боец Комаровский! Два шага вперед!

— Тю!.. А что я такое сделал?

Но накачки не последовало. Наоборот, Гелию было объявлено, что он с сегодняшнего дня назначается бригадиром вместо студента Павлушкина, который переводится из бригадиров в рядовые бойцы.

По строю прошло шевеление. Кто-то спросил осторожно:

— Андрей, а почему это?..

Серебrenников ответил хмуро:

— Иван грубости по отношению к девушкам допускает.

Все поглядели на разжалованного. Коротенький, одетый в солдатскую гимнастерку, кудрявый Павлушкин, ходивший в отряде под кличкой «Иван — крестьянский сын», стоял весь красный и скреб кедом землю.

— Тю, козел! — опять не выдержал Гелий.— Ведь предупреждали, чтобы без иностранных терминов.

В заключение от Люси Дерябиной поступило распоряжение, чтобы привести в санитарное состояние территорию лагеря, всем подстричься и сбрить усы и бородки.

— Мы тебя поняли, мать,— мрачно сказал Гелий.— Всякое неверие начинается с бороды...

По дороге на строительный объект новый бригадир спросил у Павлушкина:

— В нашей бригаде останешься, или самолюбие не позволяет?

— Какое еще самолюбие!.. — виновато сказал маленький, несчастный Павлушкин.

* * *

На ранней июльской заре проснулась и деревня под поэтическим названием «Тихий хутор». Малолюдная красавица деревушка, вся в рябинах и черемухах. Всего полторы дюжины крепких еще бревенчатых домов с крашенными в голубой цвет наличниками. В этом маленьком зеленом сельце сохраняла резиденцию многолетняя председательница колхоза «Великий путь» Матрена Федоровна Шувалова. Упорно не хотела переселяться в соседнюю большую деревню, где было и правление колхоза и сельский Совет. Собственными стараниями добилась асфальтовой полоски через лес, и дважды в день видели тихохуторцы на этой полоске малиновый «Москвич», принадлежащий председателю.

Утренний низовой ветер зашевелил красные мальвы под председательским окошком. Холодная роса в этих краях ложится даже в июле, но тем бодрее и красивее утро, когда протрешь запотевшее стекло и поглядишь из дома на серебряную улицу.

Стенные часы показывали половину шестого. Хозяйка спала на высокой постели, полураздетая, будто не дома ночевала, а в гостях, где тесно и неудобно раздеться. Накануне вечером Матрена Федоровна приехала с областного совещания по сенокосению. Всю дорогу каялась, что не поехала поездом: очень укачало в машине. За шофера у Матрены Федоровны был племянник жених, по совместительству заведующий клубом и почти единственный кавалер в «Тихом хуторе».

— Тетя Мотя, вставайте! Вы же к студентам ехать хотели.

Над Матреной Федоровной наклонилась племянница Катюшка. Молоденькая, в мини-юбочке; рыженькая, коротко остриженная головка вся была обсажена железными бигуди.

Матрена Федоровна с трудом отняла голову от большой пестрой подушки.

— Что спала, что нет, — сказала она, вздевая короткие, полные и уже слабые руки. — Когда-нибудь с совещания да прямо вперед ногами...

Катюшка заваривала чай из электрического самовара. Притащила горшок молока, накрытый зеленым лопуховым листом. В холодильнике «ЗИЛ» молочного не ставили: хозяйке казалось, что тогда уже молочным не пахнет. Поэтому крышки держали в темных, прохладных сенях, комок масла опускали в ключевую воду. В холодильнике же хранили Московскую минеральную, к которой Матрену Федоровну приучила Катюшка, шустряя до всяких культурных навыков.

— И когда это ты поспела? — ворчливо спросила Матрена Федоровна, указывая на племянницыны бигуди. — Или так и спала на бороне на этой?

Можно было уже садиться за чай, но Матрена Федоровна закрутила в маленький пучок свою реденькую, седую косенку и взялась за телефонную трубку. Набрала номер квартиры начальника районной конторы Межколхозстроя. Квартира эта долго не отвечала.

— Посыпает еще. Ничего, подымется!

Еще вчера поздно вечером, едва добравшись с совещания до дому, Матрена Федоровна не поленилась, проковыляла к выгону посмотреть, чего настроили приехавшие в ее отсутствие студенты. И так и охнула: от заготовленного кирпича остались почти одни кошкины слезы. С весны было завезено тридцать пятитонных самосвалов кирпича, десять машин песку, три здоровых ящика цемента под самую крышку. Песок и цемент еще держались, а кирпича — один бой. Матрена Федоровна сразу помянула недобрый словом начальника конторы, который ей по весне говорил: «Ты, Матрена, широкие планы не строй. Студенты к тебе приедут, будут в озере нырять да по лесу шастать. Им этих материалов на все лето за глаза и за уши». Она и сама грешным делом такое же представляла. Присылали ей в колхоз и раньше студентов на картошку. Разместишь их всех, устроишь, а потом на поле один визг да хохот, а картошка в земле. Только и радости, что деревенские девчата оживали.

Заслышав в трубке сердитое шуршание, Матрена Федоровна бодро заговорила:

— Встал?.. Ну с добрым утречком тебя, товарищ Кулякин! Шувалова это тебя беспокоила. Что же это ты, Кулякин милый, без ножика меня режешь?

Выслушав все доводы и оправдания, Матрена Федоровна холодно сказала:

— Привык ты, друг любезный, по межколхозовским пьяницам да по шабашникам равняться. Им бы этого кирпича, верно, лета на два. А это ведь наша интеллигентность советская приехала — студенты. Им в свое золотое время зря кувыряться во все ни к чему, им минуты дороги. Так что слезай-ка ты, Кулякин, со своего дивана-кровати и вези мне кирпич. А то ведь я буду в райком партии звонить. В «Правду» ненароком не желаешь попасть?

Матрена Федоровна повесила трубку, налила чаю на блюдечко и начала пить. Отломила кусок от калача.

Катюшка наливала, ухаживала за теткой. Та понимала, что девчонка выпрашивает согласие на свадьбу. Куда спешит, ведь еще восемнадцати лет нету! Своих детей у Матрены Федоровны не было. Осталась вдовой, взяла у брата племянницу-сироту, некрасивенькую, худенькую, рыженькую. Мачеха не хотела отдавать: Катя при двух детях сидела нянькой.

— Тебе яслей настроили, — почти с ненавистью глядя на дурковатую, толстую золотку, сказала тогда Матрена Федоровна. — Без батрачек обойдешься, девчонке в школу ходить надо.

Катюшку Матрена Федоровна увезла к себе, одела, обула, дала возможность десятилетку закончить с медалью. Обрекая себя на одиночество, хотела послать и в институт, но вот тут и навязался этот заозерский «красавец». Вчера еще по дороге из города он все приставал:

— Матрена Федоровна, как вы смотрите на возможность брака в ближайший период?

— Ты живую-то меня доведи, — сухо ответила будущая теща.

...Жених оказался легким на помине. Матрена Федоровна еще допивала чай, а он уже подкатил к окошку в помытом, заправленном «Москвиче».

У Матрены Федоровны была Звезда Героя Социалистического Труда. Подумала, сделала знак Катюшке, чтобы та прицепила на жакетку. Когда же еще и носить-то эту звезду?

...Отряд был уже построен. Студенты с любопытством и не тая улыбок, поглядывали на коренастую, круглую бабушку с гладко причесанными седыми волосами. Матрена Федоровна парилась в черном шевитовом пиджаке, до страха тесном и в плечах и в груди. В маленьком, темном ее кулаке зажат был беленький платочек с кружевом.

— Товарищи! — открыла встречу Люся Дерябина. — К нам приехала познакомиться наша заказчица, председатель колхоза «Великий путь», Герой Социалистического Труда Матрена Федоровна Шувалова. Отнеситесь, товарищи, очень внимательно...

Матрена Федоровна прошла вперед, покачиваясь уткой, и заговорила:

— Дорогие товарищи студенты!.. Душевный поклон вам на нашей заозерской земле! Для всех нас большая радость... Надеемся на вашу помощь в нашем плохом положении со строительством производственных помещений. Сами подумайте, кто нам тут построит? Город всех строителей съедает. А ведь поголовье у нас растет. Цифры говорить не буду, но уж поверьте... Летние условия у нас завидные, травы сладкие, укосные, а зимы долгие в нашем краю, скотина зябнет, худает, из-за этого план недодаем. Опять же и дояркам нашим ни подоить в чистоте, ни слить...

Она перевела дух и поглядела на студентов: как слушают? Может быть, усмеются над ее честными словами? Студенты, говорят, разные бывают. Но никаких смешков Матрена Федоровна не услышала. Ребята стояли тихо, облаченные в свои заляпанные и покоробленные раствором разнокалиберные спецовки. И председательница воспрянула духом.

— Как бы дождика нынче не было, — сказала она и утерлась платочком. — Парит с самого утра... Теперь скажите, в чем ваши нехватки. Колхоз наш не бедный, давно уж по миру не ходим. Можем для вас всякие условия создать. Молочка хватает ли вам?

— Хватает! — сказала несколько голосов.

— И мяса дадим, птицы набьем. Опять же мед скоро станем качать, картошка молодая пойдет. Еще хочу спросить, гороховой муки не хотите ли? У нас тут деревенские наши гороховый кисель очень уважают...

Серебренников, как будто конфузясь, спросил:

— Как насчет кирпича, Матрена Федоровна?

— Кирпич нонче же будет. Всех подрядчиков вниз рогами поставлю, а кирпичу завезем.

Попрощавшись, Матрена Федоровна боком протиснулась в свой «Москвич».

— Поезжай, Эдик, прямо в Заозерье, — сказала Матрена Федоровна, — самой надо достучаться насчет кирпича-то...

* * *

Красные стенки будущего коровника заметно поднялись над цоколем. Там, где работала бригада Гелия, кладка уже доходила каменщикам до пояса.

Над выгоном дрались густые, дымные облака. Было душно и томительно, хотелось сесть и откинуть голову. Обычно комары начинали донимать только вечером, а тут и днем лезли в глаза какие-то серо-грязные мошки, больно кусали и злили.

Голый до пояса Гелий снял с головы полотняную кепочку и вытер ею широкую мокрую грудь.

— Девочки, готовьте зонты и галоши. Быть дождю!.. Говорю вам это, как старый ревматик.

А кирпич был совсем на исходе. Среди груды лома попадались и целые, но это были почти черные, пережженные и бесформенные куски глины.

— Этот так называемый строительный материал надо отправить на Выставку достижений народного хозяйства, — поставив носилки, сказал Нагурский и достал из-за пазухи книжку.

— Да брось ты читать-то, — тихо заметил Павлушкин. — Нам бы еще хоть сотни две, угол доложить.

— Только половняк.

— Ну несите. Не стоять же...

Санька Лапшов думал только о своем: — Чего тут заработаешь? Ноги, на чем бежать...

— Тю! А тебе не надоело все время твердить одно и то же? — вдруг весело спросила Граня.

Это «тю», похищенное у Гелия, произвело впечатление. При других обстоятельствах Санька бы обязательно Граню отлаял. Но тут не решился. Граня в последнее время старалась. Вошла во вкус. Павлушкин с горечью констатировал, что это только ему она не хотела и кирпича подать, а у Гелия расширяется в лепешку. Он поначалу хотел проситься, видя все это, в другую бригаду или совсем в другой отряд, но потом притерпелся. Как-то ребята услышали, что он работает и посвистывает: «Нас оставалось только трое...».

...Кирпич привезли к обеду, сразу три самовала. Когда кузов опрокинулся, красная пыль заволокла все вокруг. Она еще не рассеялась, а вокруг груды свежего кирпича уже шла горячая схватка. Каждая бригада пыталась урвать для себя побольше.

— Я ноготь себе сломала!.. — шептала Граня, потеряв где-то свои рукавицы и хватая острые кирпичи голыми, белыми руками. — Геличка, где же вы все?.. Давайте скорее, а то сейчас все растащат!..

Руки ее вдруг столкнулись с руками Павлушкина. Он свои тотчас же отдернул, как от удара током, и они с Граней секунду молча смотрели друг на друга, словно не узнавали.

— Я тебя, кажется, ударила, Ваня? — тихо спросила она. — Ты прости, пожалуйста!..

Павлушкин ничего не ответил, он снял с рук свои рукавицы и протянул их Гране, она взяла, быстро надела, и оба опять накиннулись на кирпичи.

Ветер с ожесточением поднимал и сеял

вокруг себя песок, закручивал столбами кирпичную пыль. Горизонт обугливался.

— Запускай! — кричали кладчики растворщикам. — Парочку замесов до дождя успеем!..

Но Гелий подошел к столбу, на котором укреплен был щиток, и опустил ручку ру-бильника.

— Привет! — сказал он. — За технику безопасности расписывались? Гроза же вот-вот... Это элементарно.

На землю упали первые тяжкие капли. Еще минута, и по перевернутым носилкам, по растворному корыту, по брошенным ведрам дробно заколотил ливневый дождь. Пыль сначала вздулась, вспухла, потом осела и растеклась розово-грязными ручьями. А дождь, лившийся уже потоком, казался почти синим. Спрятаться от него на строительной площадке было некуда, и все бросились бежать к деревне, к сараям и ригам.

С Грани ветром сдернуло яркую косынку и разметало длинные, сразу намоченные волосы. Ливень хлестнул ее по лицу, она со страхом оглянулась по сторонам, будто ища защиты. А Гелий метался по строительной площадке.

— Тю, раззявы!.. А цемент кто накроет? Пушкин?

Небо зарычало. Ливень полоснул с новой силой, чуть не сбив Граню с ног, когда она хотела бежать.

— Иди сюда! — крикнул ей Гелий.

Он схватил ее за руку и помог забраться в пустой ящик из-под цемента. Прыгнул туда сам и надвинул сверху щит, обитый толем. Они с Граней сидели, скорчившись в этом ненадежном укрытии, и сквозь дыры в щите Гелию текло на голую, темную от загара спину.

— Ну как? — тихо спросил он.

— Хорошо... — чуть слышно ответила Граня.

Волосы ее почти касались его обритого, еще не почерневшего подбородка. Потом она робко положила свою мокрую голову на его такое же мокрое, голое плечо. И оба долго молчали.

— А ведь нельзя, Аграфена... — сказал Гелий. — Не положено тут. Нарушение устава. Комиссар Дерябина живьем съест.

— Зачем ты это говоришь? — еще тише спросила Граня.

— А что мне прикажешь говорить?..

Он поймал ее пальцы губами, потом стал их рассматривать. Они были посечены кирпичами, один палец кровоточил.

— Мне совсем не больно, — сказала Граня и опять поднесла свои пальцы к его рту.

...Дождь утихал. По прибитой траве перекатывались крупные чистые капли. Строительная площадка представляла собой печальную картину: в траншеях стояла коричневая вода, растворные корыта, ведра — все было полно до краев. Верхние ряды кладки основательно размыло.

— Тю!.. — пряча волнение, сказал Гелий. — Дождались милости от природы. Ах, какое же свинство!..

Брюки его, и без того достаточно грязные, теперь, после отсидки в цементном ящике, стали совершенно невыносимыми. Граня улыбалась и отжимала воду из своих длинных, пепельных, перепутанных дождем волос.

— А я рада, что была гроза! — счастливым голосом сказала она.

От «Тихого хутора» бежали во всю прыть такие же мокрые, грязные ребята. Еще минута, и загрохотала отдохнувшая бетономешалка, побежали подсобные с ведрами и носилками. И повис в освеженном грозой воздухе привычный окрик:

— Раствор!..

25 лет назад Румыния была провозглашена Народной республикой

МОЛОДОСТЬ ПИТЕШТИ

Город Питешти.

Фото Аджерпрес.

Сначала мы молча, не скрывая любопытства, смотрели друг на друга. Вот ведь как бывает: вторая в нашей жизни встреча состоялась в том же фабричном цехе текстильного комбината в закарпатском Питешти. Так же стучат пулеметной дробью станки, и так же улыбаются сквозь кисею нитей текстильщицы. А между минутами двух наших встреч — 20 лет!

Мы познакомились с Александрой Урзикэ, когда только что родившаяся Народная республика Румыния набирала силы для первой пятилетки. Нехватка кадров была острой проблемой для каждого становившегося на ноги предприятия. Помню, во время моей беседы с мастером цеха об учебе молодых текстильщиц к нему подошла женщина в белом платке с девочкой лет пятнадцати-шестнадцати: «Вот, товарищ мастер, это и есть моя дочка. Трудолюбивая, как пчелка. Разрешите поставить ее рядом с собой, пусть учится. Смена ведь нам нужна. Краснеть она не заставит...»

Вернувшись в Москву, я написал для «Комсомольской правды» очерк «Пришла девчонка на фабрику». И вот снова она стоит передо мной. Только зовут ее теперь не уменьшительно-ласково Сандра, а мастер Александра. Не робкая ученица — всеми уважаемый на комбинате передовик производства, многостаночница, автор многих технологических усовершенствований, активистка профсоюза. Недавно ее назначили контролером по качеству — это высокая оценка ее знаний и авторитета.

Александра рассказывает, что с подругами в смене они «очень хорошо сработались» и многое сообща придумали: организовали профессиональную учебу, открыли вечерний лицей, создали фольклорно-танцевальный ансамбль и дискуссионный «кружок социалистической этики».

Александра рассказывает о себе, о текстильном комбинате и о городе с чувством гордости, как человек, который не представляет своего личного благополучия без благополучия живущих вокруг людей. Она счастливая мать троих детей. Забот, конечно, хватает, но очень выручает их с мужем детский сад.

Солнечным утром следующего дня мы

путешествуем с супругами Урзикэ — Александрой и ее мужем — по крутым улицам старинного Питешти. Выходим из автобуса в южной части города, на высоком, обширном плато. На территории в сто гектаров раскинулись громады нефтехимического промышленного комплекса. Еще пять лет назад их не было, а сейчас питештский центр большой химии дает республике основное сырье для синтетических волокон и пластмассы, для синтетического каучука и производства красителей, для фармацевтической промышленности и для средств химизации сельского хозяйства. Нефтехимия Питешти поставляет продукцию более 20 наименований! Создается она с помощью Советского Союза, который прислал на комбинат надежную современную технику.

...Мы снова садимся в автобус и оказываемся в северном пригороде Питешти — Колибашу. Там в окружении кудрявых роц стоят корпуса другого крупного предприятия. Отсюда разъезжаются по всей республике десятки тысяч легковых автомобилей с маркой «Дачия». Этот завод — первенец румынского автомобилестроения. И здесь у автоматов и сложнейших приборов уверенно чувствует себя молодежь. И здесь место в общем рабочем строю прочно заняло немало энергичных, трудолюбивых девчат.

Среди цифр, которые мы видели на заводских плакатах, есть и такая, очень примечательная: за последние пять лет число женщин на предприятиях города и его окрестностей увеличилось на 12 тысяч.

...Древний город не перестает расти. Согласно прогнозам и планам, к 1980 году население его удвоится, причем каждые трое из четырех жителей станут новоселами. Я узнал об этом, познакомившись, опять-таки благодаря Александре Урзикэ, с Ионом Попеску, главным архитектором города. Ему тридцать лет. Когда Сандра Урзикэ впервые пришла на фабрику, он бегал в третий класс начальной школы. А сегодня они вместе украшают родной город. Она трудом у станка, он заботой о завтрашнем облике Питешти. И молодеет город, умножая славу республики.

С. ПЕТУХОВ

г. Бухарест.

«ПРОСИМ

РАССКАЗАТЬ

В ЖУРНАЛЕ...»

КОНКУРС
„ЗЕМЛЯЧКА“

Сколько писем, столько судеб. Да не в одиночку, а переплетенных с другими судьбами — им же и вовсе нет числа. И все-таки общее, родственное в них берет верх над тем, что их различает. Потому что это родственное — самое существенное и самое весомое, чем ценен и чем велик человек.

Каждый в свой срок пережили мы (а самые юные еще переживают) пору поисков и размышлений над вопросом: кем быть? И каждый стал либо кем хотел, либо кем смог. В ту же пору выбора — и раньше ее и потом — решали мы для себя, как жить. Этот вопрос не стоял перед нами в такой конкретной формулировке, его никогда не было ни в одной анкете. А в жизни...

Сегодня уже далеко не молоды люди, которые сохранили в памяти и в сердце печаль и боль январских дней 1924 года. Было трудное, полуголодное житье, неустроенность и нужда, а им запомнилось не это. Из всех бед и горестей запомнилась смерть Ленина. Траурный поезд у платформы Павелецкого вокзала, и бесконечная очередь к Дому союзов, и пятиминутный прощальный гудок на сотни, на тысячи голосов. Запомнилось первое смятение: как же без Ленина?

В тот горький час партия нашла слова, которыми убедила миллионы людей, что дело Ленина продолжает жить, а главное, нашла силы, чтобы воплотить эти слова в великие свершения.

Именно в те дни подала заявление в партию Прасковья Николаевна Гончарова, о которой нам написала Нина Бычко из Средней Ахтубы, Волгоградской области. Весть о смерти Ильича застала Пашу в Москве, в педагогической школе. Была она перед тем крестьянской девчонкой, нянькой в чужом доме, успела поработать и на Тульском патронном заводе, а теперь готовилась стать учительницей.

В другой час она, наверное, и не отважилась бы подать в парторганизацию свое заявление. Доросла ли? А тут явились соображения куда более важные: можешь ли ты, Паша Гончарова, поддержать партию, когда ей трудно, готова ли жить по ее законам — быть первой там, где всего тяжелее, не щадить себя ни в чем, подчинить свою жизнь интересам партии, делу коммунизма? И она ответила: «Готова!» Не одна она дала такой ответ на призыв ЦК РКП(б) пополнить партийные ряды «лучшими, наиболее стойкими, наиболее преданными, честными и смелыми сынами пролетариата». За какие-нибудь три-четыре месяца 1924 года партийные ячейки получили 240 тысяч заявлений.

В Среднюю Ахтубу Паша ехала уже Прасковьей Николаевной, учительницей. Ей было чему учить не только ребятшек. Рядом с грамотой стояла политграмота, а в ней было все — от того, как обобществлять единоличные крестьянские хозяйства до проблем мировой революции. Избиралась Прасковья Николаевна секретарем партийной ячейки, открывала читальни и школы ликбеза, воевала с кулачем, моталась по району в качестве инструктора райкома партии...

В тот же год, что и Прасковья Гончарова, вступила в ряды РКП(б) Анна Михайловна Бардина — о ней мы прочитали в письме, пришедшем из уральского города Миасса.

«Разве расскажешь обо всем, что сделала Анна Михайловна за 48 лет пребывания в партии, — пишет нам Николай Иванович Фостов (он и А. М. Бардина состоят нынче в одной парторганизации). — На напильном заводе, куда пришла она еще комсомолкой, а теперь уж и во всем городе каждый знает ее, страстного партийца, пропагандиста коммунистических идей. Таких, как Анна Михайловна, называют застрельщиками: начинали соревнования — была первой, трудно с освоением техники — училась и других учила. Да и сегодня не знает покоя ее партийная душа».

Перелистываем страницы, посвященные коммунисткам первых пятилеток. Не будь на конвертах свежих почтовых штемпелей, могло бы показаться, что мы давно уже знакомы с героями этих писем. В старых подшивках «Правды» и «Огонька», в родной своей «Работнице» таких или похожих встречали мы множество и радовались, что наши коллеги, журналисты постарше, зафиксировали, а значит, сохранили для истории дух кипучего времени, саму поступь первых пятилеток.

К своему восторженному рассказу об Анне Степановне Игич читательница Р. И. Коробова приложила несколько фотографий. Одна из них — фотокопия с обложки «Работницы» за 1928 год. «Член ВЦИКа тов. Игич — работница Вышневолоцкой мануфактуры на курсах советского актива» — напечатано под портретом.

На курсах потому, что грамотности у Анны Степановны было совсем немного, а дела поручались ей важные, государственные. Что было в ней, в простой ткачихе, такого, что позволило доверить ей эту большую работу? Была беспокойная душа коммуниста, была — мало сказать готовность — жажда быть полезной людям, государству, партии. Ей не требовалось разъяснений, что если к этой жажде приложатся знания, польза будет максимальной. И она садилась за книги и постигала премудрости одну непостижимее другой — от азбуки до науки управления промышленностью.

В 1929 году Анну Степановну выдвинули заместителем директора Вышневолоцкой мануфактуры. Спустя короткое время партия поручила ей самостоятельный участок: она стала директором Ногинской ткацко-отделочной фабрики.

Партия поручила... Партия послала... Партия доверила... Партия призвала... Эти слова встретишь почти в каждом письме о коммунистках. Ехать в глухое вятское село агитатором, как Ольга Семеновна Лобова, балахнинская работница, а ныне жительница с. Нема, Кировской области. Работать с беспризорными подростками, как Вера Макаровна Балкова, которая много лет спустя станет одним из секретарей Пермского обкома партии.

...А эти письма берешь в руки с особым волнением. Они про войну, про коммунисток-солдат и солдаток. Про тех, кто свой долг защищать Родину ощутил как веление сердца с первых же минут войны. Они приходили в военкоматы, требовали немедленной отправки на фронт, и главным их доводом, перед которым не могли устоять самые твердые военкомы, было: «я — коммунистка», «я — комсомолка».

«Аня Малафиевская была сначала политруком стрелковой роты на Волховском фронте, — написал в редакцию офицер запаса В. К. Рыков. — А к нам в артиллерийскую бригаду прибыла уже после ранения, с курсов командиров рот. Ей предложили было остаться при штабе, но она потребовала взвод, и как ее ни пытались убедить, что артиллерия в бою дело вовсе не женское, настояла на своем. Получила огневой взвод: два десятка батарейцев и пару пушек. И каким еще командиром стала! Орудия взвода лейтенанта Малафиевской дошли до Германии и одними из первых открыли огонь по врагу на его земле, а свои последние залпы сделали уже в Берлине».

...С портрета улыбаются немолодые глаза. Короткая, почти мужская стрижка. На бортах жакета тесно орденам. Нет, это не фронтовые награды. Фронтом М. П. Косогоровой была добыча угля. В годы войны коммунистка Косогорова была начальником шахты Зиминка в Кузбассе, той шахты, которая самой первой получила звание лучшей в Союзе и трижды награждалась Красным знаменем Государственного Комитета Оборона.

«На трудности в войну не жаловались, их преодолевали,— пишет москвич Петр Васильевич Шурыгин, приславший нам портрет Косогоровой.— Преодолевали благодаря таким солдатам партии, людям твердой воли и высокого долга, как Мария Прохоровна».

И таким, добавим от себя, как Мария Петровна Абрамович, коммунистка из Белоруссии, о которой нам написала читательница Т. И. Соловьева. «По партийной линии Маруся была командирована на строительство аэродрома,— рассказывает Татьяна Ивановна.— Пробивалась из окружения. Одной из первых откликнулась на призыв восстанавливать из руин и пепла героический Сталинград. А как только прогнали врага из ее родной Белоруссии, послала свое заявление в ЦК партии республики: «Я коммунистка с 1939 года, белоруска... Напишите, где я сейчас нужна». И через две недели Маруся была в Гомеле. Снова кирка, лопата, носилки».

Трудно в почте «Землячки», как и в судьбах людей, отделить прошедшее от настоящего. Жизнь продолжается, и в делах, которые волнуют нас сегодня, в поступках наших современников коммунистический видим мы те же черты, которыми драгоценны характеры коммунистического Ленинского призыва, грозных военных лет и трудных послевоенных.

«Уважаемая редакция! Мы, работники Московского ордена Ленина энергетического института, просим рассказать в журнале о нашей честной труженице, неутомимой общественнице, бесшумном парторге и мастере участка коммунистического труда, а главное, о Человеке и Коммунисте нашей эпохи Прасковье Семеновне Нечаевой». Это немногословное, но горячее письмо подписали тридцать два товарища Прасковьи Семеновны. И не только лестными словами о ней — самим фактом, что написали в редакцию коллективно, выразили свое безграничное уважение к высокому званию «коммунист нашей эпохи».

Что же понимают сегодня люди под этими словами? Какие черты коммуниста более всего ценят, особенно подчеркивают и выделяют?

Буквально в каждом письме находим мы строки об одержимости в работе. Не просто о трудолюбии — о таланте.

«Стремление работать на совесть — это сама ее душа», — рассказывает М. Боянжу о ткачихе жаккардового цеха Херсонского текстильного комбината Евдокии Андреевне Луновой.— Среди ткачих своего комбината она завоевала звание лучшей по профессии и первой получила право ставить личное клеймо на своей продукции. В рулонах Луновой самый придирчивый глаз не может обнаружить ни одного дефекта».

Из далекого Ульяновского района, Хабаровского края, две ученицы средней школы, Оля Галдусова и Наташа Иванова, сообщают, как уважают у них за отличную работу бригадира рыбаков коммунистку Дарью Ивановну Дявгада. «Вот уже сколько путин подряд в ее бригаде — самый большой улов», — с восхищением пишут девочки... Не знаем, выбрали ли Оля с Наташей для себя призвание — одно бесспорно: Дарья Ивановна с ее отважной профессией оставит в их жизни глубокий след.

Таковыми же самозабвенными в труде, талантливыми работницами предстают в письмах своих землячек сотни коммунисток. И этому таланту неизменно сопутствует еще одно качество: воинствующая непримиримость. К лениности и безответственности в работе. К бесчестности и рвачеству. Ко всему, что портит нашу жизнь.

«Анастасия Георгиевна Галанова — наш заводской кассир,— читаем мы в письме В. Д. Шпаченко с Калачевского металлопрокатного завода.— Веселая, заводная, в завкоме возглавляет культмассовый сектор, все праздники она организует. Но поглядели бы вы на Анастасию Георгиевну, когда она председательствует в товарищеском суде! Бездельники, пьянчуги, скандалисты — все перед ней трепещут».

Или строки из большого письма стрелочницы З. И. Бородиной из уральского города Коркино:

«У нас на участке отличается своей сильной натурой Галина Федоровна Иост. У нее на все хватает характера и выдержки. Кого Галя не терпит, так это разгильдяев, от нее они пощады не знают!»

Непримиримость ко всему дурному, стремление передавать людям свое, партийное отношение к жизни — не это ли побудило Галину Федоровну Иост стать пропагандистом в комсомольской группе. Как выражается автор письма, «без общественных нагрузок она и жить не может». И отнюдь не от избытка свободного времени: личная судьба у Галины Федоровны сложилась нелегко, она одна растит двоих детей. Работая, закончила курсы, железнодорожный техникум. Но, как видим, «сильная натура» ее проявляется не только в личных обстоятельствах.

Вчитаемся в строчки из письма Ганны Михайловны Киричак, работницы консервного завода с острова Шикотан. Ганна пишет о своей подруге Лидии Багишевой, коммунистке, ударнице коммунистического труда:

«Она моложе меня, а по мудрости будто бы старше. Потому что Лида дала мне много хороших уроков о жизни, о работе. Я делилась с ней всеми своими мыслями. И часто Лида находила, что я не права. Бывало и такое: она меня отругает, я плачу и все твержу, что правильно поступила. А она говорит: «Ганнушка, не горячись, подумай. Поставь себя на место того, кто тебя обидел — и все поймешь».

Даже в дружбе, даже в отношениях с близким человеком не поступает коммунист своими убеждениями. Душевный, чуткий («Лида помогла мне сохранить семью», — пишет Ганна), не покривит душой, не побоится сказать правду в глаза... За такими, как Лида, идут люди, им верят, за ними признают право старшинства, руководства — пусть оно и не выражается в чине, в большой должности.

Человек долга и дела, человек ясной, высокой цели, активный борец. Может быть, излишне громкими покажутся кому-то эти определения, если приложить их к каждой из героинь читательских писем. А перечитаешь письма одно за другим, перечитаешь уже напечатанные в журнале очерки и заметки читателей, присланные на конкурс «Землячка», и рождается именно такой образ коммунистки наших дней.

Качества идейных борцов, преданность общему делу безгранично ценил в своих товарищах по партии В. И. Ленин. Ценил и наивысший образец этих качеств являл самим собою. Без малого полвека назад, прощаясь с великим вождем и призывая партию быть верной его заветам, ЦК РКП(б) писал: «Каждый член нашей партии есть частичка Ленина».

Велика честь быть такой частичкой. Велика и ответственность.

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
Т. ПОЛИКАРПОВА

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» ПОДВЕЛА ИТОГИ КОНКУРСА «ЗЕМЛЯЧКА».

Первая премия присуждена:

И. КОЛОКОВОЙ, инженеру, г. Курган («Слово о матери», № 7);

Н. ПЕСТРИКОВОЙ, контролеру ОТК, г. Челябинск («Что в ней главное?», № 10).

Вторая премия присуждена:

В. САВЕЛЬЕВОЙ, доярке совхоза «Макинский», Целиноградская область («Золотой человек», № 6);

Н. КУПРИЙ, журналистке, Ленинград («Их было 39», № 10).

Третья премия присуждена:

М. БАРАБАНОВОЙ, Ферганская область («Партийный секретарь», № 6);

В. КАЗАКОВОЙ, г. Вольск («Лучше всех», № 6);

А. ШУШАРИНУ, журналисту, Челябинская область («Самый нужный человек», № 8).

Редакционная коллегия объявляет благодарность:

Н. Бычко (г. Средняя Ахтуба), **Р. Коробовой** (г. Орехово-Зуево), **Г. Киричак** (пос. Малокурильск), **З. Бородиной** (г. Коркино), **А. Гараган** (г. Невинномысск), **З. Фроловой** (г. Белгород), **Е. Борисовой** (Ленинград), **М. Гребенниковой** (г. Березняки), **А. Фурса** (г. Павлоград), **Т. Григорьевой** (г. Ворошиловград), **З. Турсуновой** (г. Семипалатинск), **О. Мухановой** (г. Муром), **А. Мелешко** (колхоз «Парижская Коммуна», Ставропольского края), **А. Старовой** (г. Алексин), **Л. Панариной** (совхоз «Донецкие зори», Ворошиловградской области), **Н. Анпиловой** (г. Прокопьевск), **Л. Ушнурцевой** (г. Нижний Тагил), **З. Алехиной** (г. Краснодар), **Е. Шевелевой** (г. Курск), **Н. Забирченко** (г. Краматорск), **П. Кесогло** (Ленинград), **А. Филатовой** (г. Саратов), **Н. Неусыпиной** (Москва), **Э. Головань** (г. Макеевка), **Н. Синековой** (г. Черкесск), **Т. Сарычевой** (г. Воронеж), приславшим на конкурс свои письма, зарисовки, очерки, которые были опубликованы в журнале.

НИЧЕГО НЕОБЫЧНОГО

РАССКАЗ О ТОМ, КАК НА РЯЗАНСКОМ ЗАВОДЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРИБОРОВ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ДОБИЛИСЬ ВЫСОКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА.

На завод я приходила рано утром. Шли на смену рабочие, и навстречу им неслась бодрая мелодия. Мелочь вроде бы. Но я видела, как менялось у людей выражение лиц, даже походка, и думала: на скольких заводах побывала, везде были радиоточки, а музыки, которая встречала бы идущего на работу человека, я не слышала нигде.

В одном из цехов увидела на стене странный прибор. «Что такое? Барометр?» Разноцветные полосочки шкалы, стрелки, цифры устремлялись к словам: «температура», «запыленность», «влажность». Главенствовала над всем этим большая стрелка, она показывала: «Вы работаете в зоне высокого производственного комфорта»...

Приятно работать в цехе, где условия труда хорошие. Но, согласитесь, еще приятнее, когда вас так наглядно и точно информируют обо всем, из чего складываются эти условия. Прибор, висящий в цехе, — одно из многих свидетельств заботы и внимания, которыми завод окружает работающих здесь людей.

Немало достижений у завода электронных приборов — за них он недавно награжден орденом Октябрьской Революции. Но в Рязани завод завоевал себе и особую славу — самого дисциплинированного коллектива.

Условия работы и отношение к ней человека связаны неразрывно. Раньше, например, весной и осенью по заводу без сапог и не пройдешь, а халат приходилось носить темный, хотя по технологии и полагался белый. Теперь... Короче, если не вдаваться в подробности, на заводе реконструированы все цеха, сделано максимум того, чтобы людям было приятно и удобно работать. И это сказало на всех сторонах жизни предприятия, в том числе и на трудовой дисциплине.

...Пожалуй, чаще всего я слышала на заводе слово «анализ» — касалось ли это качества продукции, техники безопасности, текучести кадров или дисциплины работников.

— Без анализа теперь никак нельзя, — говорил мне Евгений Андреевич Блинов, заместитель директора завода. — И в укреплении дисциплины мы не обошлись без четко налаженного контроля, информации, без изучения причин антиобщественных явлений.

Первое, о чем мне докладывают утром, — какие нарушения дисциплины были за предыдущий день. Фиксируют их еще в проходной. Стоит кому-то прийти на работу в нетрезвом виде, это отметят вахтеры. У них есть специальные бланки, журнал. Ошибки или, скажем, придирки исключены: выпивоху препровождают в заводскую поликлинику и составляют акт. А из проходной немедленно сообщают о случившемся в цех.

С этого момента нарушитель дисциплины оказывается в центре всеобщего внимания. Первая встреча — с начальником цеха. Встреча не из приятных, потому что на следующий день они уже вместе предстанут перед заводской комиссией по ежедневному подведению итогов соревнования. И теперь, даже если цех перевыполнит план, все равно не видать ему классного места.

Та же участь ждет и цех, где замечены опоздания на работу.

В комитете ВЛКСМ ребята показывали мне выпуски «Комсомольского прожектора» — небольшие листы и целые полотнища, которые вывешивались на самом видном месте. «Внимание! Сегодня на 10 минут раньше ушли с работы...», «Опоздали на 4 минуты...», «на 2 минуты»...

И не было такого случая, чтобы сигнал «Прожектора» остался незамеченным.

Естественно, что на пьяницу, прогульщика, опоздавшего недоброжелательно смотрит весь цех — ведь из-за них лишился премии, почета коллектив. Но не только это имел в виду заместитель директора завода, когда говорил об анализе, о научном подходе к фактам нарушения дисциплины.

Передо мной анкета. Полное ее название — «Анкета нарушителя трудовой дисциплины и общественного порядка». Столбиком выстроились вопросы: возраст, квалификация, заработок семьи... Эту анкету по просьбе начальника отдела кадров не так давно заполнили 32 «неблагополучных» члена коллектива — прогульщики, побывавшие в медвытрезвителе. Когда анкету проанализировали заводские социологи, выяснилось, что расхождение представления о нарушителях дисциплины неверны. Считалось, например, что прогуливают чаще всего самые молодые рабочие. Но в группе заполнивших анкету почти всем оказалось больше 25 лет, а 24 человека работали на заводе свыше 6 лет... Да и заработок у большинства оказался вполне приличный. Словом, когда данные социологического исследования огласили на диспетчерском совещании, зал притих. Было над чем задуматься. Почему, например, большинство нарушений трудовой дисциплины приходится именно на первую неделю месяца? Может, оттого, что в это время получают зарплату, а не аванс, сумму которого от семьи не утаишь? А может, эти рабочие не слишком загружены работой? Наводил на серьезные размышления и тревожный вывод социологов: «Прогульщики и пьяницы оторваны от жизни коллектива». Они не посещают собраний, не знают, чем живет их цех, завод. Пришел, отработал, ушел, а дальше — хоть трава не расти. Как же преодолеть такую пассивность?

...Их было 15 человек. Самых злостных прогульщиков и пьяниц, вызванных к директору завода. Один думал: «Опять про-

рабатывать будут». Другой ломал голову: «Как бы выкрутиться и на этот раз?» Третий угрюмо рассматривал свои башмаки... И вдруг дни услышали:

— Товарищи, мы хотим с вами посоветоваться. План, как вы знаете, мы в прошлом месяце перевыполнили. Так что дела идут неплохо. Но кое-что еще подрывает авторитет нашего завода да и делам нашим мешает. Давайте посчитаем, сколько мы теряем из-за прогулов только за один день...

Все пятнадцать не знали куда девать глаза.

Не надо думать, что все внимание сосредоточено только на нарушителях дисциплины. Атмосфера в коллективе во многом зависит от тех, кто призван руководить людьми. На заводе руководящие кадры постоянно учатся, проводятся, например, научно-практические конференции мастеров, где прежде всего идет речь о воспитании коллектива. Заслушиваются отчеты начальников цехов: что они делают для воспитания рабочих.

Что они делают... Это я поняла, познакомившись с начальником одного из цехов — Галиной Яковлевной Островской. «Хуже одиннадцатого у нас не было. А теперь»... — так рекомендовали мне ее цех.

Одиннадцатый — это стекольный. От его работы многое зависит на заводе: в цехе изготавливают и разные мелкие детали из стекла, входящие в электронный прибор, и колбы, куда вставляются все «внутренности» прибора. Стекольный почти сплошь, если так можно выразиться, мужской. И то сказать — работа здесь не из легких. Тут и ловкость нужна и сила.

Неважно шли дела в этом цехе, хотя и оборудование нормальное и работали не новички. Но весь завод лихорадило из-за стекольного: то один запьет дня на четыре, то другой загуляет.

Таким и приняла цех Галина Яковлевна Островская. Знала ли она, на что шла, когда ее назначили начальником цеха? Знала: не один год уже работала здесь технологом...

Рассказывает Иван Епифанович Никулин, член цехкома:

— Перво-наперво у Галины Яковлевны авторитет. Прежде начальник подойдет к рабочему и скажет: «Да как ты делаешь?» А рабочий ему: «Покажи, как». Ей такого не скажешь: любую операцию знает, даже колбу выдуть может, правда, не очень большого размера.

Рассказывает работница Прасковья Дмитриевна Родионова:

— Как у нас было раньше? Явится прогульщик — поругаем промеж собой и только. В общем, сам по себе каждый был. А при Галине Яковлевне мы объединились все...

Слушая рассказы работников цеха, а потом и Галины Яковлевны, я тоже думала

о том, что все методы вроде бы давно известны. Ничего необычного. Однако постепенно вырисовывалось главное: все, что здесь делается, делается серьезно, неформально. Все тщательно продумано. Взять хотя бы название сатирической газеты «Хальмоз». Такое название могло появиться только в стекольном цехе: хальмовать — значит счищать со стекла грязь, и стоит кому-то из цеха совершить проступок, «Хальмоз» уже вывешен.

Или, скажем, контакт с семьями. Тоже выражение знакомое, но как часто все ограничивается визитом в семью пьяницы кого-то из членов месткома. В стекольном не так: семьи стали союзниками цеха.

Рассказывает И. Е. Никулин:

— Что еще нам помогло, так это сощобязательства. И раньше, конечно, брали их. Но теперь иначе: месяц прошел — соседней бригаде при всем честном народе выпелы вручили и премии. А народ у нас, знаете, какой — с гонором: «Что же мы, хуже, что ли?» И началось. В былое время и выпил бы лишний раз, а тут... что за работа с похмелья. И другое. Попробуй перегнуть, если кто-то в твоей бригаде вообще не вышел на смену. И так сложилось, что прогульщик не знал, как потом в цех войти. Подойдет товарищ, такой, как Баранов, например, тихо скажет: «Опять ты за свое?»

Иван Семенович Баранов пользуется в цехе авторитетом непререкаемым. Его фотография на Доске почета, он член цехкома. А когда-то слыл горьким пьяницей и прогульщиком. Долго колебалась администрация — прессовщик он отменный — и все же решила уволить. Тогда-то и забегал Баранов: «Как же так?» Собрал он все справки — и к Островской: «Возьмите обратно. Решил лечиться»...

Слышали бы вы, как теперь Баранов распекает пьяниц на цехкомме: «Да ты на меня посмотри. Ведь пересилил же я себя. Да ты ко мне домой приходи, увидишь, как я теперь живу». Что остается делать прогульщику? Дать обещание. А если он забудет о нем? Тогда в действие войдет приказ: «Отпуск — только зимой. Путевку не жди. Квартиру — в последнюю очередь».

Нельзя сказать, что в стекольном теперь с дисциплиной полный порядок. Но если кто-нибудь «сорвется», это уже ЧП. И все, что сегодня здесь происходит, — несомненный путь к тому, чего достиг уже коллектив другого цеха — заготовительного, где слово «дисциплина» если и упоминается, то только в сочетании со словом «технологическая». В заготовительном давно уже нет работы товарищеским судам, два года не было даже мало-мальского опоздания.

Здесь каждый без исключения рабочий ощущает свою причастность к делам цеха и завода.

Рассказывает Таня Анохина, секретарь цеховой комсомольской организации:

— Начинается новый месяц — у нас обязательно в цехе собрание. Выходит начальник цеха: «Вот, товарищи, какой надо выполнить план, какие приборы надо освоить». И каждая бригада потом следит сама: «Это мы уже сделали. А здесь что-то отстали». И те, кто может помочь, без подсказок переходят на «узкие» места».

Не потому ли знамя победителя внутризаводского соревнования чаще всего вручается заготовительному цеху.

Итак, у каждого цеха свои приемы, свои методы. Все вместе они и создают тот особый микроклимат равнодушия и нетерпимости к каждому нарушителю общего порядка, который и снискал Рязанскому заводу электронных приборов славу самого дисциплинированного предприятия города.

Л. СТИШКОВСКАЯ

26 ИЮЛЯ 1972 ГОДА ЧЕТЫРЕ СОВЕТСКИЕ АЛЬПИНИСТКИ — ГАЛИНА РОЖАЛЬСКАЯ ИЗ ЧЕЛЯБИНСКА, ЭЛЬВИРА ШАТАЕВА ИЗ МОСКВЫ, ИЛЬСИЯР МУХАМЕДОВА ИЗ ДУШАНБЕ, АНТОНИНА СОН ИЗ АЛМА-АТЫ — СОВЕРШИЛИ БЕСПРИМЕРНОЕ В ИСТОРИИ АЛЬПИНИЗМА ВОСХОЖДЕНИЕ: ОНИ ПОДНЯЛИСЬ НА ПАМИРСКИЙ ПИК ЕВГЕНИИ КОРЖЕНЕВСКОЙ ВЫСОТОЙ 7105 МЕТРОВ. ЕЩЕ НИКОГДА И НИГДЕ В МИРЕ ОДНИ ЖЕНЩИНЫ БЕЗ МУЖЧИН НЕ ПОДНИМАЛИСЬ НА ТАКУЮ ВЫСОТУ. СВОЙ ВЫДАЮЩИЙСЯ УСПЕХ АЛЬПИНИСТКИ ПОСВЯТИЛИ СЛАВНОМУ ЮБИЛЕЮ — 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА ССР.

«СЕМИТЫСЯЧНИК»

ВЗЯТ!

Вот и осуществился смелый замысел, который они вынашивали долгие месяцы. К восхождению готовились, как к великому празднику. И теперь, когда оно осталось позади, к радости примешивалось горьковатое ощущение утраты.

— Будто дочку выдала замуж, — говорит Галина Рожальская. — И радостно и грустно...

Ей знакомо это чувство: минувшей весной она отпраздновала свадьбу дочери. Свадьба была красивая, невеста и жених радовали сердце матери. Среди гостей было много друзей с завода и друзей-альпинистов. «На будущий год еще один рекорд поставишь, — шутили друзья, — будешь первой в мире бабушкой, поднявшейся на высоту семь километров. Мы же знаем, что ты не усидишь дома...»

Конечно, не усидит! Даже сейчас, после труднейшего восхождения, ей опять хотелось в горы. Нравилось ощущение силы своего тела, ловкости, способности преодолевать трудные, порой опасные препятствия. А разве может с чем-то сравниться чувство победы над силами природы, когда стоишь на вершине и кажется, что у тебя крылья и ты можешь парить над бездной. У твоих ног от горизонта до горизонта поднимаются волны хребтов, возвышаются белоснежные пики, а где-то далеко внизу, над долинами, пенными кружевами висят облака...

Нет, пока есть сила в ногах, она будет ходить в горы. На Челябинском металлургическом заводе, где она проработала 25 лет и работает теперь диспетчером прокатного цеха, Галину Рожальскую знают как страстную пропагандистку альпинизма. Сколько молодых парней и девчат сманила она в горы! А сколько спортсменов воспитала в альпинистских лагерях Кавказа, Памира и Тянь-Шаня, где работала инструктором! Галина и сегодня чувствует себя

совсем молодой. Ничуть не старше других женщин, с которыми ходила на пик Корженевской. Может быть, только опытней...

Они встретились впервые в базовом лагере Международной альпиниады, где собрались спортсмены из всех союзных республик и восьми социалистических стран. Это стало традицией — в честь знаменательных дат совершать массовые восхождения на крупные вершины. Вот и теперь 150 советских и зарубежных альпинистов, в том числе несколько женщин, решили вместе подняться на самую высокую и труднодоступную вершину в нашей стране — пик Коммунизма высотой 7 495 метров.

А четверо альпинисток условились по-

Участницы восхождения (справа налево) Г. Рожальская, И. Мухамедова, Э. Шатаева и А. Сон.

Фото М. Ануфрикова.

своему отметить юбилей Союза: подняться женской группой на соседний «семитысячник» — пик Евгении Корженевской, названный именем жены известного ученого, исследователя Памира В. П. Корженевского.

Базовый лагерь, откуда начинался штурм, расположился в самом сердце Памира, над ледником Фортамбек. Сюда, на высоту 4 тысячи метров, альпинистов доставили на вертолетах. Здесь встретились и наши героини. Замысел у них был дерзкий, в мировой практике альпинизма такого еще не было. Международная женская экспедиция француженки Клод Коган при попытке штурмовать подобную вершину в Гималаях потерпела катастрофу.

Задачу осложняло и то, что альпинистки не были знакомы до восхождения. Заочно они знали друг друга, а Эля Шатаева и Элла Мухамедова встречались на Памире год назад, когда со своими группами поднимались на пик Коммунизма. Опытные высотницы, они понимали опасность того, что «несхожены». Психологическая несовместимость на трудном маршруте — страшная вещь. Поэтому альпинистки сразу условились: быть предельно искренними. Честно рассказать друг другу об особенностях своего характера, склонностях и привычках. И главное — о плохих, чтобы в трудную минуту не было «сюрпризов».

Москвичка Эля Шатаева работает инструктором в районном совете спортивного общества «Юность». Очень женственная, чуть взбалмошная, влюбленная в горы, она с детской непосредственностью признавалась подругам: «В горах мне иногда хочется то смеяться, то плакать...»

— И еще учтите, девчата: обидчивая я. Всегда вижу в словах два смысла и подозреваю худший. Мнительность, что ли. Со мной проще надо.

В горы она ходила легко и весело. Очень следила за своей внешностью, даже на восхождениях не расставалась с зеркальцем. Но когда от мороза и от ветра трескались щеки, она засовывала зеркало в рюкзак и, смеясь, говорила:

— Вернусь в Москву, красивой буду... Это наши городские «куры» боятся на солнышке нос облупить. Ну и трусы же, природы боятся! А она, девки, бьет, но не калечит, ранит, да лечит... Знаете, в юности у меня был порок сердца. Доктор Гаджиев, главный врач Альпиниады, десять лет назад забраковал меня: «Тебе, девочка, в горах не место...» Теперь мы снова встретились... Выслушал он меня и развел руками: можешь шагать, говорит, хоть на пик Коммунизма. Опоздал с разрешением: в прошлом году я уже там побывала!

Полной противоположностью ей казалась Элла Мухамедова. Женщина волевая, с трезвым, даже ироническим взглядом на вещи, она работает в Душанбе ассистентом на кафедре физики медицинского института. Студенческая среда наложила на Эллу свой отпечаток — она любит острое слово, порой кажется резкой. Элла признавалась сокрушенно:

— Вспылю, а потом выясняю, что к чему, и себя ругаю. Мне уступать надо.

И в ней живет душа романтика: любит и понимает песню, может без конца на память читать стихи о горах.

...О этот зов сияющих вершин,
Мы за него такой ценою платим!
Немыслимые подвиги вершим,
И жжем мосты, и темной ночью плачем...

Позже всех в группе появилась Тоня Сон — кореянка, преподаватель философии института народного хозяйства из Алматы. Поначалу была очень сдержанной,

даже казалась замкнутой. Но скоро освоилась и в разговоре удивляла подруг широкими знаниями и умением рассуждать в поучительном тоне — черта чисто профессиональная.

— Я убеждена, — говорила она, — если бы все люди занимались альпинизмом, человечество было бы неизмеримо чище и морально здоровей.

— Имеешь в виду себя? — спросила Элла.

— Да, и себя. После месяца или двух в горах я лучше думаю о людях, которые меня окружают, интереснее живу и работаю.

Все четыре — очень разные на первый взгляд женщины — быстро подружились. Этому во многом помогла руководитель группы Галя Рожальская.

— Мы пытались представить себе — какая Галя, — рассказывали альпинистки. — Пугало известное имя, множество титулов: первая женщина, поднимавшаяся на пик Коммунизма, «снежный барс», побывала на всех семитысячниках страны, мастер спорта международного класса... Думали: будет строга, эдакий волевой «кулак». А оказалась милая и приветливая женщина, сумевшая сразу объединить нас своей душевностью.

...Гора встретила их непогодой. Сразу же вышли на акклиматизацию. Прежде чем взойти на вершину, нужно подготовить маршрут: организовать промежуточные лагера, забросить туда запас продуктов, часть снаряжения, чтобы не перегружаться во время решающего штурма. Заодно организм постепенно привыкает к высоте.

Но акклиматизационный выход оказался неудачным: непогода не пустила их выше пяти тысяч метров. Спустившись вниз, они решили не делать второй попытки, а выйти сразу на штурм, как только улучшится погода.

...Они шли не спеша, уверенно преодолевая крутые снежные взлеты, где ботинки впереди идущего оказываются на уровне твоего лица. Проходили рассеченные глубокими трещинами ледяные поля, поднимались по обледеневшим скалам.

На высоте шести тысяч метров встретили «контрольную» группу — альпинистов Камчатки под руководством мастера спорта Г. Аграновского. У камчадалов была своя задача и свой маршрут, но попутно в их обязанность входило подстраховать женскую группу. Вместе дошли до большой снежной поляны на высоте 6250 метров. Отсюда связались по радиации с начальником Альпиниады В. М. Абалаковым, доложили обстановку.

Ребята вымотались. Женщины тоже устали. Сказывалась недостаточная акклиматизация. Появилась вялость, головная боль, начисто пропал аппетит, если бы не поварской талант Эллы, не ее пунктуальность, есть, кажется, вообще бы перестали. Одна повариха не страдала отсутствием аппетита.

— Девчата, отличное едо! — восхищалась она, облизывая ложку с супом или намазывая ломоть хлеба черной икрой. Галя Рожальская только страдальчески морщилась и отворачивалась.

Тоня временами засыпала на ходу, а ночью не смыкала глаз. Шатаева и Мухамедова пытались веселить себя и подруг: они сбрасывали пуховки, и где-нибудь под скалой или на пятачке над обрывом начинался «танец дикарей»...

Рано утром камчадалы ушли по ребру к вершине. Ребятам хотелось облегчить дорогу альпинисткам, проложить для них следы.

Но спортсменки не хотели упрощать свою задачу.

— Мы — самостоятельная группа и должны прокладывать следы сами, — сказала Галя.

Решили задержаться на сутки, пока непогода заметет следы ушедших парней. И непогода постаралась: за день палатку занесло снегом наполовину. На следующее утро женская группа собралась штурмовать вершину.

Однако нарушение графика чуть не сорвало восхождения. Подумав, что женщины чрезмерно устали, руководство Альпиниады по радиации порекомендовало им вернуться вниз вместе с группой Аграновского. А до вершины оставалось 300 метров!

Целую минуту женщины молчали. За это время в памяти пронеслось все, что они пережили за последние десять дней, о чем мечтали долгие месяцы подготовки. И все это должно рухнуть из-за какого-то недоразумения.

— Пусть нас дисквалифицируют, пусть снимут все звания, но мы должны подняться на вершину, — срывающимся голосом сказала наконец Эля Шатаева.

— Сегодня же! — добавила Элла Мухамедова.

— Сейчас же, — как эхо откликнулась Тоня Сон.

— Хорошо. Я принимаю решение, — твердо сказала Рожальская. — Выходим через двадцать минут, палатку оставляем здесь.

...Шли в кошках, связанные одной веревкой. Передний менялся через каждые 100 метров. Кое-где во льду рубили ступени. Наконец, на пологом участке лед сменился снегом. Только чуть вздохнули — в трещину провалилась Шатаева, повиснув на веревке. Вытащили ее, посидели, отдышались, двинулись дальше. На скалах было еще тяжелее. Камень выветренный, крошится под руками. Снимешь перчатку — рука примерзает, в перчатках зацепку не отыщешь... Поднимались, не снимая кошек, подтягивая друг друга, балансируя над бездной. Гребень узкий — отвес слева, стена справа... Кое-где для верности забивали крючья, навешивали перила.

Но вдруг под ногами плотный снег, как пол. Ура! Купол. Нет, еще не вершина, до нее минут двадцать ровного наста, рукой подать!

На связь с Абалаковым вышла Эля Шатаева, у Рожальской сдали нервы.

— Виталий Михайлович, не волнуйтесь и не беспокойтесь, — говорила Эля, — мы почти на вершине. У нас всего достаточно, и еды, и бензина. Даже примус взяли с собой...

И вдруг на той же волне откуда-то сверху, с пика Коммунизма, ворвался голос тренера Юры Арцишевского:

— Молодцы, девчата, так держать! Абалаков крикнул и сказал:

— Ну что ж, добре...

...Они стояли на вершине, окрыленные успехом, преодолевшие все трудности восхождения. Под ними — семикилометровая высота, они на вершине мира! Любоваться грандиозной панорамой Памира, открывающейся отсюда, мешала пурга. Лишь временами приоткрывались картины, одна фантастичнее другой: уходящие вдаль цепи гор надвигались и растворялись, словно накрытые белой кисеей. Горы танцевали танец бесконечности...

— А теперь, девчонки, вниз! К людям...

Три дня продолжался спуск. А когда они вернулись в лагерь, узнали, что в тот же день первый отряд Альпиниады успешно штурмовал пик Коммунизма.

Юрий ЦЕНИН

«МЫ ПО-ИНОМУ НЕ МОЖЕМ ЖИТЬ»

А. ЛЕВИНА

Все, что видит вокруг глаз,— и земля, по которой ступают ноги, и пыль, что тучей носится в воздухе, и дно ручья, падающего в ложбину,— все рыжего, желтого, охристо-коричневого цвета. Словно сто тысяч лисиц вплотную друг за другом несутся по степи. Не потому ли и звалось издавна это место Лисаковка, или по-нынешнему Лисаковск?

Причина одна: и земля под ногами, и пыль, и дно ручья—все это железная руда, так называемый бурый железняк.

— Даже мне, геологу, первое время было странно,— говорит моя спутница Галина Мажитовна Алимжанова, старший геолог Лисаковского горно-обогатительного комбината.— Привыкли: руда — это глубоко, до руды надо добираться, строить шахты, рудники или, как в Рудном, разрывать гигантские карьеры. А здесь ничего этого не требуется. Разрезал небольшую траншею, поставил экскаватор — и черпай. Лисаковское рудное тело огромно — 600 квадратных километров и на 40 метров в глубину.

Но я уже знаю: открытые много лет назад залежи до сих пор почти не тронуты. Почему?

— Не все то доступно, что на поверхности,— смеется Галина Мажитовна.— Вот обратите внимание, какие тут оттенки!

В самом деле, чем дальше идем мы вдоль карьера, тем больше я замечаю, что отнюдь не все здесь рыжее, бурое. Вот куски руды — красные, фиолетовые, с сиреневым отливом. И эти мазки на природной палитре не случайны, они опознавательные знаки десятка элементов менделеевской системы, которые вместе с железом и составляют лисаковскую руду. Круглые, удивительно правильной формы гранулы, как бы крошечные окатыши, испеченные когда-то самой природой. Когда и как? Это и есть вопросы, на которые ищет ответ геолог Алимжанова.

Ответ нужно получить не для истории — для сегодняшнего дня, для производства. Иначе не подсказать, как быстрее, дешевле высвободить лисаковский маломангнитный железняк из цепких лап спутников, чтобы металлурги «дрались» за лисаковский концентрат так же, как за рудненский.

Галина Мажитовна с благодарностью говорит о тех, кто помогает казахстанским геологам разгадать загадку лисаковской руды: Прежде всего это коллеги с Украины: сотрудники научных институтов и Камышбурунского горно-обогатительного комбината в Керчи. Лисаковские руды похожи на керченские. Туда-то и отправляли их испытывать «на обогатимость». По результатам этих испытаний было принято решение — строить обогатительный комбинат. И он строится. По проекту, разработанному ленинградским научно-исследовательским институтом «Механобр», — и в этом опять-таки коллективный, всесоюзный характер стройки. Кроме обогатительных фабрик с уникальным оборудованием, здесь будет выстроен и экспериментальный цех, где впервые в мире в промышленных, а не в лабораторных условиях станут разрабатывать, проверять новые методы обогащения маломангнитных руд.

Старший прораб и парторг «Промстроя» Зинаида Митрофановна Павловец говорила мне, показывая сложнейшие устройства корпуса суши:

— Вот, кажется, сама строю и сама каждый день удивляюсь. Уникальнейшее сооружение! Конечно, на такой стройке трудно работать, это не жилье — один дом сдал и другой такой же. Что ни день — новая задача, новое решение. Зато интересно.

Да, лисаковская фабрика — сооружение сложнейшее, поэтому любой ее участок, даже фундамент для каждого агрегата, строители сдают дирекции Лисаковского комбината по специальному

акту. На фронтоне корпуса рядом со строчкой «До пуска осталось... дней» светится и другая, не менее, видно, важная строка «Сдано — ... актов». И по мере того как уменьшается цифра в первой строчке, день за днем увеличивается цифра во второй. Всего актов должно быть около четырехсот. Но пока не подписаны торжественные акты сдачи, главный документ стройки — рабочие чертежи. Сотни их, захватанных пыльными пальцами, потертых на сгибах, оттого что таскали их во внутренних карманах прорабских курток, собраны на полках обычного строительного вагончика, где помещается ПТО — производственно-технический отдел «Промстроя». Но, кроме того, чуть не все они необъяснимо умещаются в памяти начальника ПТО — Надежды Васильевны Новиковой.

И Зинаида Митрофановна Павловец и Надежда Васильевна Новикова приехали в Лисаковск из Рудного (об этом городе мы рассказывали в предыдущем номере). Там прошли они, так же как и геолог Галина Алимжанова, суровую и обогатившую их опытом школу.

Секретарь Лисаковского горкома партии Анатолий Григорьевич Жеглов определил это так: «У нас весь город на выросте. Каждому как бы выдан аванс доверия, который предстоит отработать». В самом деле, каждый здесь принял повышение не только в должности, а я бы сказала, повышение меры ответственности. Те, кто был в Рудном мастером, здесь стал прорабом, инженеры — главными инженерами, начальники участков — начальниками крупных строительных управлений.

Эта связь, эта лесенка—Рудный—Лисаковск—в нашей стране обычна. Те, кто выстроил Братск, поднимают Усть-Илимск, бывшие дивногорцы — Саяно-Шушенскую ГЭС. Те, кто уже вывел линию Абакан — Тайшет, ведут дорогу Тюмень — Сургут. И основу, каркас коллектива каждой новой стройки девятой пятилетки составляют те, кто вырос на стройках восьмой.

Рудничане принесли в Лисаковск опыт Рудного, его закалку и его уроки. И первый наиглавнейший урок — строить город без черновиков, без одноэтажных временок. В Рудном первыми домами были одноэтажные бараки. Первый дом, построенный в Лисаковске, имел пять этажей, балконы и ванны, этакий остров благоустройства посреди степи. Сейчас в Лисаковске семьдесят таких домов. И если в центре города выйти на балкон пятого этажа, осмотреться, то, пожалуй, может показаться, что ты где-то в новом районе столицы. Прямо перед тобой красавица школа с высокими окнами актового зала, специальным зданием школьных теплиц и спортивным комплексом. Во дворах столы для пинг-понга и удобные площадки для хозяек, у каждого детского сада целый зеленый микрогородок с беседками и горками, в торговом центре искрятся стеклянные двери кафе.

Но вот взгляд отсчитывает в сторону пять домов, а дальше — голая, ровная, без единой зацепки на горизонте степь. И в другую сторону тоже пять домов и степь... Нет, это не столица, это совсем маленький город, где всего 24 тысячи жителей. Но в том-то и особенность, в том-то и новизна Лисаковска по сравнению с новостройками предшествующих пятилеток, что он сразу задуман и строится с прицелом на будущий рост. Не черновик будущего города, в котором со временем предполагается поселить 200 тысяч жителей, а его первая глава.

Но это вовсе не значит, что у Лисаковска нет своих проблем. Есть, и немалые. Остро не хватает детских учреждений, на очереди — 1 500 малышей.

— Как депутатский прием,— рассказывает секретарь исполкома горсовета Ольга Константиновна Игнатенко,— так все с одним вопросом — сады и ясли. Получается у нас так: микрорайон

строится, а запроектированные в нем детские сады — нет. Стройке нужны люди, а опытные строительницы вынуждены сидеть дома с детьми. Помогли бы вы лисаковским женщинам, а?

Кто же породил «детсадовскую проблему» в Лисаковске — городе, где много молодых семей, где рождаемость выше средних норм?

Заказчик — Министерство черной металлургии СССР уверяет: так как большинство населения города пока составляют строители и три четверти жилья построено на средства строительных организаций, то и средства на детские сады должны отпустить они же. А Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии Казахской ССР рассуждает так: «Мы построим, а потом в ясли и сады будут ходить дети обогатителей». Но пока министерства ведут ведомственные споры о «наших» и «не наших» детях, 800 лисаковских работниц сидят по домам.

Надо думать, что выступление журнала поможет министерствам выяснить, кто из них должен отпустить средства на уже запроектированные в новых микрорайонах детские сады. А уж сами строители Лисаковска не зятянут «освоение» этих средств.

— Сверхурочно, народной стройкой выстроим, — говорила мне мать двоих детей, бригадир маляров, депутат Верховного Совета Казахской ССР Мария Васильевна Сусло. — Чтоб хватало у нас детских садов, как в Рудном.

Это равенство на Рудный не случайно: Мария Сусло тоже прошла рудненский университет. Свой первый в жизни рабочий разряд получила она в бригаде прославленного рудненского бригадира отделочников Надежды Алексеевны Старых.

И вместе с бывшими рудненцами эстафету от Рудного к Лисаковску несут те, кто не участвовал в строительстве Рудного, по той простой причине, что, когда закладывался этот город, их еще самих водили в детские сады. Это лисаковские девчата. О многих из них хотелось бы рассказать. О комсорге «Промстроя» геодезисте Наде Шумковой. Вглядываясь в окуляр нивелира, делала Надя «разбивку» первых осей обогатительной фабрики, а сейчас «разбивает» уже 46-ю — на второй очереди.

— Даже не верится, что сама эту махину разбивала, — говорит Надя, глядя на корпус фабрики. — Я всего три года здесь после института, а кажется, всю жизнь.

Да, когда ты причастен к такой стройке, окуляр нивелира становится тем магическим кристаллом, сквозь который можно увидеть будущее. Девчата это понимают. И на трудности — а их здесь немало — тоже умеют смотреть сквозь этот магический кристалл. Поздно вечером сидели мы в девичьем общежитии и гово-

рили о разном. О больших городах: Новосибирске и Усть-Каменогорске, Кустанае и Магнитогорске, — где остались их мамы, их институты, их друзья, театры, выставки и музеи. О том, что в Лисаковске зимой снежные бураны, и город — ведь он еще такой маленький — продувает насквозь. О том, что в общежитии нет кухни — не положено, а так хочется иной раз похозяйничать, да и в столовой, на взыскательный женский вкус, не все ладно... И все же — нет, не отработывают они здесь свои три года после диплома, а работают, не отсчитывая дни в этих трех годах!

Разные ответы приходят в голову, когда думаешь, что же держит их всех здесь, в степи, в маленьком, хотя и спроецированном в будущее Лисаковске.

По-моему, самый точный ответ на этот вопрос нашла я в тетрадке, которую дала мне почитать одна из лисаковских девушек — заместитель секретаря комитета комсомола Тая Шевченко. В тетрадке стихи. И когда только она их пишет? Кажется, целый день в бегах — на участках, в штабе стройки, на совете молодых специалистов. А вот пишет, не может, видно, не писать.

Стихи у Таи о разном — о студенческом стройотряде, где еще недавно была комиссаром, об агитбригадах, с которыми ездит по совхозам, о школе, где учила она ребятшек математике. Но больше всего в тетрадке стихов о Лисаковске.

Этот город для Таи как живое существо.

«...Гаснут окна
усталые,
Доброй ночи,
мой город!
Я порой уезжаю —
Это нужно, наверно.
Просто я проверяю
Свое сердце на верность.
Если ты не окликнешь
Меня ночью бессонной,
Кто-то скажет: «Привыкнешь»,
А я стану бездомной».

Этот дом — Лисаковск — будет с Таей, как и с остальными лисаковскими девчатами, всегда. Они живут здесь, потому что, как верно сказано в Таинных стихах:

«Мы по-иному
Не можем жить».

ИЗ ТЕТРАДИ КОМСОМОЛЬСКОГО ВОЖАКА СТРОЙКИ ТАИ ШЕВЧЕНКО

АГИТБРИГАДА

Опять дорога
Уводит нас,
Устал немного
Наш контрабас.
Агитбригада —
Гитара, ночь...
Поспать бы рады,
Поест не прочь.
Но только просим:
«Шофер, нажми!
Начало в восемь!
Поспеть к восьми —
Не разлетимся!»
Дрожит стекло.
Вот это мчимся!
Уже темно.
Охрипнут трубы
И ветер-шут,
Но там у клуба

Нас люди ждут.
Опять не дома —
Кого винить?
Мы по-иному
Не можем жить.
Пусть днем работа
Пусть днем дела,
Крупинки пота
Сбегут со лба,
И как награда —
Усталость прочь —
Агитбригада,
Гитара, ночь...

ПРОЩАНИЕ СО СТУДЕНЧЕСКИМ ОБЩЕЖИТИЕМ

Вот и пришла моя очередь
Уехать из этого дома...
Словно погаснув ночью,
Скроются окна знакомые.

...Лестница общежития,
Каменные ступени...
Разве смогу забыть я,
Как по ним дни летели?!
По ним тишина спускалась,

С шумом играя в прятки.
И так хорошо мечталось
Возле окна, на площадке.
Здесь каблочки стучали
В восемь и в полвторого...
Лодкою на причале
Качалась внизу столовая.
Фойе, коридоры длинные,
Окна, ступенек елочка,
Лестница моя милая,
Ступеньки твои, что полочки,
Где памятью все разложено.
Здесь в окнах дорожки лунные...
Лестница моя сложная,
Лестница моя шумная...
И радости тут и горести,
Пестрая околесица...
Когда я приду сюда гостьей,
Узнай меня, моя лестница!

СТЕПЬ МОЯ

Я без тебя, что путник без воды,
Я задыхаюсь в городских кварталах,
А по степи хоть тридцать три версты
Без отдыха идти бы не устала.
Я так люблю твои дороги длинные,
И травы, и поля твои бескрайние,
И горизонта тоненькую линию —
Начало неба и земли окраину.
Сейчас весна, сейчас в степи тюльпаны,
А у меня дела, дела, дела...
Неужто, степь, в заоблачные страны
Ты вместе с детством от меня ушла?

Эти снимки наш фотокорреспондент Н. Маторин сделал на двух крупнейших горно-обогатительных комбинатах Казахстана — Соколовско-Сарбайском и вновь строящемся Лисаковском. На верхнем снимке — старший геолог Галина Алимжанова из Лисаковска. На нижнем — маркшейдеры Соколовского рудника.

Новогодний карнавал

Наверное, во многих школах ребята захотят посвятить свой новогодний карнавал большому торжеству — юбилею СССР. На нашей вкладке несколько костюмов (русского пастушка, латвийской девочки, украинки, таджички и молдаванина), которые ребята смогут соорудить себе (с помощью взрослых, конечно), переделав и раскрасив старые платица, используя марлю, бумагу и разноцветные лоскутки.

Обратите внимание на особенности каждого костюма — характер орнамента, сочетание цветов. В русском костюме — рубашка-косоворотка, подпоясанная толстым витым шнуром. Вряд ли вы найдете лапти, но их можно заменить тапочками, а ноги перетянуть шнурками или бечевкой. Платица из крашеной и крахмаленной марли легко разрисовать густой акварелью. Бубен для таджички украсьте ярким узором, в косички вплетите разноцветные кисти из ниток. Если у вас нет красных сапожек для костюма украинской девочки, сшейте их из плотной красной материи, наверху проденьте резинку. Юбку для латвийского костюма сшейте из долевых разноцветных лоскутков, шаль может быть из любой ткани, брошь — из серебряной бумаги. Барашковую шапку для молдавского костюма можно заменить фетровой шляпой с пером и репсовой лентой.

Т. АЛЕКСЕЕВА

И. ДАВИДОВ

РАССКАЗ

«ШИЛО»

Вобще-то его звали Костей. А фамилия была Шильников. Но и в детском саду и во дворе все ребята звали его «Шило». И он откликался. Не все ли равно, как назовут? Лишь бы не дразнили. Костей его звали только дома, в большой квартире, где, кроме них с мамой, жили еще три семьи. А воспитательница в детском саду, Лидия Анатольевна,

звала — Шильников, потому что в группе было еще два Кости.

Лидия Анатольевна была очень строгая и часто наказывала Шильникова — гораздо чаще, чем других. И в угол ставила и сажала рядом с собой на стул, когда все ребята играли, плясали или пели, а если в это время группа уходила на прогулку, даже оставляла его в помещении с няней. Однако Шильников на Лидию Анатольев-

ну совсем не обижался. Наверное, потому, что очень любил. И почему-то был уверен, что она тоже его любит. Просто зачем-то скрывает. Этих взрослых разве поймешь? А что наказывает часто, так он ведь сам виноват. Вечно у него получается что-нибудь такое, за что положено наказывать.

Совсем недавно, перед самым праздником, когда все старшие группы пошли во Дворец культуры смотреть в исполнении кукольного театра «Красную Шапочку», Лидия Анатольевна плакала из-за Шильникова. Он сам видел. Вышла из зала в коридор, уткнулась в красную бархатную штору у дверей и плакала. Даже плечи вздрагивали. А он смотрел и думал, что штора пыльная и Лидия Анатольевна может испачкаться. Она всегда боролась с пылью и выговаривала няне, если замечала где-нибудь в группе пыль. А теперь вот плачет, уткнувшись в пыльную штору.

Шильников знал, что кругом виноват, он был готов к тому, что его накажут, но он же не хотел сделать ничего плохого. Просто очень радовался, что во Дворец культуры приехал кукольный театр и можно будет посмотреть «Красную Шапочку», которая ему очень нравилась. И что он, собственно, сделал? Просто нагнулся через красный бархатный барьер, заглянул в оркестровую яму и плюнул туда, вниз, как плевал дома в пролет лестницы, перегнувшись через перила. А в яме, как назло, сидела какая-то женщина, кажется, музработник... Сидела возле большого черного пианино. И Шильников попал как раз ей в голову, хотя совсем и не целился. Он ведь увидал-то ее после того, как плюнул.

Если бы ему кто-нибудь нечаянно плюнул на голову, он бы вытерся и промолчал. Ну, может, стукнул бы за это. Но никогда не стал бы кричать и жаловаться. А эта женщина-музработник сразу выскочила в зал, закричала, позвали заведующую, потом — Лидию Анатольевну, Шильникова в это время кто-то крепко держал за руку. Он оглянулся и увидел, что за руку его держит незнакомая толстая тетя.

Лидия Анатольевна, узнав о том, что случилось, сразу побледнела, от этого темные ее волосы и черные глаза стали еще темнее. Она вывела Шильникова в коридор и тихо сказала:

— Больше я тебя никуда не возьму! Понимаешь? Никуда! — Отошла и уткнулась в пыльную красную штору.

Шильников тогда думал, что его сразу отправят домой и ничего он в кукольном театре не увидит. Но его не отправили. Лидия Анатольевна в конце концов отошла от шторы, вытерла платочком глаза, взяла Шильникова за руку, отвела в темный, уже затихающий зал и посадила возле себя. И все время держала его за руку. До самого конца, пока артисты с куклами не стали выходить на сцену.

Потом вся группа построилась парами и пошла в детский сад. А Лидия Анатольевна всю дорогу вела Шильникова за руку и то и дело спрашивала:

— Что же мне с тобой делать, Костя? Что мне с тобой делать?

Мама тоже часто так спрашивала и тоже плакала из-за Шильникова. Но что им посоветовать, Шильников не знал. Один только дядя Вася знал, что с ним делать. Он прямо так и говорил:

— Я знаю, что с ним делать! Я вот сейчас как сниму ремень!..

И делал вид, что действительно снимает с черных брюк ремень. Но Шильников этого ни капельки не боялся, зная, что ремня дядя Вася никогда не снимет и пороть не

станет. Потому что он Шильникову неродной. Все соседки так и говорили:

— Если бы родной был, порол бы такого парня нещадно. А неродному нельзя.

И Шильников был доволен, что дядя Вася ему не родной, а просто познакомился с мамой в соседнем «Гастрономе», где мама работает кассиршей. И хорошо, что родного нет. Шильников не хотел бы, чтоб его кто-нибудь порол нещадно. Даже самый что ни на есть родной. Мама ладошкой шлепнет, и то больно. А если ремнем?

Дядя Вася вначале был хороший, добрый и всегда бритый. По выходным он давал Шильникову полтинник и говорил:

— Купи себе, что хочешь.

Шильников, зажав монету в ладони, бежал в «Гастроном» и покупал мороженое, газированную воду или конфеты — чего захочется. Только платил не в ту кассу, где мама, а в другую.

Но потом дядя Вася перестал по воскресеньям давать ему полтинники, был небритым, пьяным и, тараща на Шильникова мутные серые глаза, спрашивал:

— Ты не знаешь, парень, где взять рублевку? Был бы мужиком, достал бы! В-о как нужна! — И проводил пальцем по горлу.

Мама от этого стала по выходным сердиться.

— Зачем мне такое терпеть? — говорила она. — Был бы хоть родной... А так, зачем терпеть?

А потом дядя Вася исчез. Будто его и не было. И два больших коричневых чемодана с его вещами тоже исчезли. Шильников спросил как-то у мамы про дядю Васю.

— Забудь про него, — ответила мама.

Шильников честно пытался забыть, даже глаза закрывал, чтобы забыть получше, но не мог. Почему-то особенно часто он вспоминал дядю Васю бритого, доброго, когда он давал ему белые полтинники и в День Победы водил на площадь Славы, где стоял громадный, до самого неба, белый памятник и горел Вечный огонь.

Недавно в детском саду было занятие по рисованию, и Лидия Анатольевна сказала:

— Рисуйте кто что хочет.

Шильников подумал и решил нарисовать площадь Славы с белым острым памятником до неба и красным Вечным огнем. Рисовал он быстро — он все делал быстро, — а когда кончил, подумал, что надо бы пририсовать рядом новую девятиэтажку, которую недавно построили. Девятиэтажка была серая, и Шильников нарисовал ее простым карандашом. И окошки разметил. Получилась она выше памятника, и это было неправильно, потому что памятник — до самого неба. Поэтому Шильников продолжил памятник до края листа и прямо возле него закруглил желтое солнце. Чтоб понятно было. А потом покусал карандаш, подумал еще и возле красного Вечного огня нарисовал коричневых человечков — одного побольше, другого поменьше.

Лидия Анатольевна подошла, заглянула через плечо и спросила:

— А это кто ж стоит?

— Это мы с дядей Васей, — ответил Шильников. — Мы туда ходили. В День Победы.

Лидия Анатольевна глубоко вздохнула и отошла. А Шильников сказал ей вслед:

— Я совсем кончил.

Она вернулась, взяла в руки рисунок и громко похвалила:

— Молодец, Шильников! Сегодня ты нарисовал очень интересно. Я это на выставку пошлю.

Не успела она положить рисунок на подоконник, как неведомая сила подхватила Шильникова, он встал на руки и, болтая в воздухе ногами, прошелся на руках среди столов, за которыми рисовали ребята. А когда попытался встать на ноги, задел тапкой Светку Юровскую. Светка закричала, все повскакали с мест, чтобы посмотреть, что случилось, а Лидия Анатольевна опять рассердилась.

— В угол становись, Шильников! — приказала она. — И что за человек, на минуту глаз с него спустить нельзя!

Шильников стаял в углу и думал, что Светка зря закричала. Он же ее совсем чуть-чуть задел. Да и тапка была мягкая. Наверняка не больно было, и чего кричать? Но так уж, наверное, эти девчонки устроены: чуть что — сразу в крик. Или жаловаться. Но все равно к девчонкам надо относиться по-рыцарски. Так всегда говорит Лидия Анатольевна. И, стоя в углу, Шильников еще раз решил, что даже к Светке будет относиться по-рыцарски.

А сегодня утром, после завтрака, Лидия Анатольевна повела всю группу на прогулку в лес и Шильникова тоже взяла. Только поставила его в первую пару, как раз со Светкой Юровской. Они шли по тропинке через пустырь, заросший высокой высохшей травой.

Тропинка вначале петляла между камнями, а потом взобралась на вал и дальше вдоль ручья уже тянулась по валу. Никак по этой тропинке вдвоем не пройти. Только по одному. И Шильников решил, что по тропинке должна идти Светка, а он пойдет рядом, по склону. Это, конечно, не так удобно, идти по склону, но ведь надо ж по-рыцарски!..

И он вывел Светку на тропинку, а сам пошел рядом, путаясь в высокой траве. Лидия Анатольевна шла впереди и вначале ничего не видела. Потом обернулась, поглядела на Шильникова, и темные, строгие глаза ее стали блестящими. Будто наполнились слезами. Но она, ничего не сказав, тут же отвернулась и двинулась дальше. И так до самого леса. Только время от времени оглядывалась. А едва вошли в лес, погладила Шильникова по голове. Похвалила:

— Шильников сегодня был настоящим рыцарем. Всем бы нашим мальчикам надо у него поучиться.

И, когда возвращались из леса обратно в детский сад, все мальчики вели девочек по гладенькой, хорошо утоптанной тропке, а сами шли по склону, путаясь в сухой траве и спотыкаясь о камни. И Шильников, конечно, тоже. И ничего за эту дорогу плохого не случилось. И потому Шильников точно знал, что наказывать его не за что.

Тем более что в детском саду уже перед самым обедом Лидия Анатольевна снова погладила его по голове, вздохнула и улыбнулась.

— А ведь, кажется, выйдет из тебя человек, Шило, — тихо, чтобы слышал только он один, сказала она. — Как мне хочется, чтобы, несмотря ни на что, из тебя вышел человек!

И Шильников был так рад, что его хвалят, гладят и, наверное, сразу не будут наказывать, что даже не заметил, как Лидия Анатольевна впервые назвала его, как все ребята, Шилом. А когда он вдруг понял это, снова какая-то неведомая веселая сила подхватила его, и он прошелся на руках через всю группу, к самому окну, а когда переворачивался, сбил тапкой цветочный горшок с подоконника. Горшок глухо треснул и сразу развалился на куски.

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!

Все началось со статьи «Хозяйки текстильного края», которая была опубликована год назад в журнале «Работница». Много писем пришло после этого в адрес Ивановского городского женского совета. Одно из них — от активисток украинского города Никополя.

В погожий июньский день никопольчанки приехали к нам в гости. В составе делегации — инженеры, преподаватель техникума, швея, агроном, железнодорожница, заведующая клубом — все активистки женских советов.

Четыре дня провели они в нашем городе. Посетили Дворец культуры меланжевого комбината, профилакторий, где в течение 26 дней одновременно до ста текстильщиц без отрыва от работы лечатся и отдыхают. Побывали на камвольном комбинате. С большим одобрением отозвались об условиях труда камвольщиц — они работают в просторных, залитых светом и воздухом цехах, — о той обстановке доброжелательности и теплоты, которая поддерживается в коллективе. Побывали гости и на фабрике имени рабочего Ф. Зиновьева и на швейном заводе № 3, встречались с женским активом города. Уезжая, никопольские подруги пригласили нас к себе.

И вот мы на земле братской Украины. Песни, цветы, огромный караван хлеба на рушнике. Рушник яркий, нарядный, на нем радугой красок горят гербы РСФСР и УССР, цифра «50».

Первая встреча с женщинами — на Южнотрубном заводе. В хрустальных вазах пятьдесят красных и розовых гвоздик, символизирующих полувековой юбилей Союза ССР. За столом — активистки женских советов завода и мы, ивановцы, посланцы города текстильщиков и машиностроителей. Обмениваемся опытом работы.

Южнотрубный завод — одно из крупнейших металлургических предприятий страны. Огнедышащие печи, раскаленные докрасна трубы, спокойные, размеренные движения рук, управляющих автоматами. И цветы. Море цветов. Они всюду: и на заводской территории и в цехах. Цветы — это забота женщин.

На Южнотрубном запомнился нам электрифицированный стенд «Наши рационализаторы». Здесь можно узнать судьбу каждого предложения. Нажимаешь кнопку против фамилии рационализатора — на световом табло загорается одна из шести надписей: «На рассмотрении», «На разработке и внедрении», «На подсчете экономического эффекта», «На проверке в ОРИЗе», «Получить деньги», «Отклонено». Сделано просто, но с большим уважением к творческой мысли рабочего. Недаром ежегодный экономический эффект от внедрения предложений на заводе составляет около 3 миллионов рублей. Неплохо бы, подумали мы, использовать это нововведение и на наших предприятиях.

А на другом предприятии, заводе строительных машин, наше внимание привлек красочный плакат — мальчик и девочка, обращаясь к рабочим, говорят: «Папы и мамы! Будьте осторожны, соблюдайте правила техники безопасности. Мы ждем вас домой здоровыми». И мы убедились, что техникой безопасности здесь занимаются действительно всерьез и успешно.

Интересными были встречи на ферросплавном заводе, где мы знакомимся с условиями труда рабочих, состоянием бытовых помещений, организацией питания.

Радушные хозяйки Никополя показали нам также дошкольные учреждения, молодежное общежитие, ателье мод, яхт-клуб Южнотрубного завода. Побывали мы на заседании заводского женского клуба «Южанка», познакомились с деятельностью городского штаба выходного дня. Словом, все пять дней в Никополе мы внимательно приглядывались к опыту активисток, запоминали, учились.

...У ивановцев давние связи с Украиной. Большую партийную работу вел в братской республике сын ивановского ткача П. П. Постышев. Летом 1920 года в составе 7-й Краснознаменной стрелковой дивизии иваново-вознесенские рабочие громили на украинской земле белополяков. На запорожской земле, неподалеку от Никополя, пролил свою кровь за дело революции депутат Ивановского — первого в России — Совета А. А. Андрианов.

С фотокарточки на нас смотрит молодое улыбающееся лицо. Паша Халчева — партизанская кличка «Валя» — ивановская текстильщица. Портрет ее висит в музее колхоза имени Горького, что расположен под городом Никополе, в одном ряду с фотографиями жителей села, прославившихся в боях за Родину. Осенью 1943 года двадцатилетняя радистка-комсомолка была заброшена в тыл врага, в село Покровское, Никопольского района, для обеспечения связи с партизанами. Немцам удалось обнаружить партизанский отряд. Вместе с другими патриотами Паша была расстреляна.

В центре села, окруженная зеленью и цветами, возвышается братская могила с обелиском в честь павших героев. Здесь похоронена и партизанская радистка Пелагея Егоровна Халчева из города Иванова.

...Нас было пятнадцать. А душевного тепла и щедрости, которыми нас одарили в Никополе, хватило бы на всех активисток, работающих в женских советах Иванова. На очередной встрече Ивановского городского клуба женщин, который начал свой пятый сезон, мы рассказывали о нашей поездке на Украину.

Мы выполнили поручение наших подруг из Никополя: вручили городскому клубу женщин их подарок — красную косынку. Тогда же возникла и мысль назвать наш клуб «Красная косынка» в знак сердечной признательности и уважения к делам женщин первых лет революции.

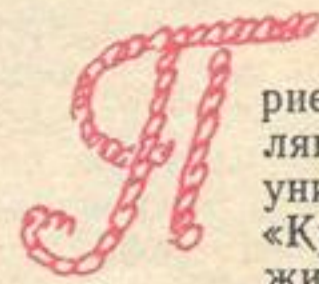
А дружба наша с женщинами Никополя продолжается и крепнет.

В. ПАНКРАТОВА,
член городского женского совета

г. Иваново.

«...Помогите нам, матерям из города Ярославля, одеть наших новорожденных. Уже не один месяц я без толку бегу по магазинам. Хочется, например, купить распашонки с нежными кружевчиками, а мне предлагают отделанные грубой зеленой тесьмой.

Татьяна Мошкина».

Приехав в Ярославль, отправляюсь по магазинам и я. В универсаме по соседству с «Красным Перекопом», где живут Мошкины, были лишь фланелевые ползунки и такие же кофточки. Добравшись на трамвае до центра, захожу в детский магазин «Смена». И здесь выбор не многим больше. Молодые женщины рядом со мной, рассматривая детские вещицы, вздыхают.

— Нет ли конвертов? — спрашивает одна.

— Нет.

— А комплектов для новорожденных? Чтобы все сразу? — интересуется молодой папаша.

— И комплектов нет.

— А что-нибудь понаряднее бывает? — вступаю в разговор я.

— Все бывает, — отрезала продавщица.

Но сейчас на полках не видно ничего такого, что хотелось бы купить. Узкие пленки — в них не завернуть малыша. Фланелевые, блеклых расцветок вещи, которые не выглядят красивее от безвкусной вышивки.

Отправляюсь на Ярославскую областную торговую базу. Товаровед Галина Червякова вместе с другими сотрудницами показывают, какое белье для малышей есть на складе. При этом они сами с нетерпением заглядывают в пакки, прибывшие накануне из Сафонова, от одного из поставщиков базы — филиала смоленского швейного объединения «Восход».

— У сафоновцев каждый раз что-нибудь новое, — говорит Галя и с гордостью, как будто сама их делала, раскладывает передо мной ползунки из веселого ситца, нежные фланелевые кофточки сплошь в забавных рисунках.

Ничего подобного в магазинах я не видела.

— И не увидите: за сафоновским бельем у нас очереди. Вот еще, посмотрите, пленка-конверт.

Галя показывает, как удобна эта новинка: в верхней части напоминает сарафанчик, руки ребенка свободны; низ подворачивается, не стесняя движений ног. Хорошо придумано.

— А вот...

Галя вытаскивает еще одну пачку откуда-то снизу, в ее голосе сердитые нотки:

— Это Мстера присылает!

Да, эта распашонка радует глаз не больше, чем та, что отделана зеленой тесьмой. Серо-голубой цвет фланели кажется и вовсе мертвым из-за синей вышивки и розовой ленточки, нашитой на перед распашонки. На ощупь перед жестковат: ленточка-то настроена неспроста, под ней прячется шов. Известно: для нежной кожи грудничков каждый лишний шов — проблема. А тут поперек грудки... Зачем?

Оказывается, фасон такой. Во всяком случае, на этикетке написано: фасон номер 237.

Из Ярославля отправилась я в Мстеру Владимирской области. Главный инженер швейной фабрики Л. И. Марченко объясняет, откуда взялся поперечный шов на распашонке. Так экономится ткань. Фасон раз-

Распашонка с зеленой тесью

работан тут же, на фабрике. Как положено, утвержден.

Разговариваем мы с Л. И. Марченко в цехе, как раз там, где швеи строчат и строчат распашонки за номером 237. К сожалению, и другие вещи, которые я здесь вижу, некрасивы и вряд ли порадуют покупателей.

Попробуем же разобраться, кто ответствен за то, что на фабриках шьют для малышей изделия, не пользующиеся спросом.

Начнем с магазинов. Скажем честно: «уродцы» вроде мстерских распашонок редко отсюда уходят, разве что снова на склад, люди предпочитают более красивые вещи. Предпочитают их и директора магазинов. Получая товар с базы, они всячески стараются отбиться от того, что похуже. Но удается это далеко не всегда. Работники торговых баз проявляют железную настойчивость.

— А как же нам быть? — объясняла мне главный товаровед Ярославской торговой базы Л. А. Ельшова. — Получим с фабрики что надо и что не надо, ну и...

Позвольте, как же так? Ведь сами работники торговой базы ежегодно на ярмарке отбирают швейные образцы! И уже на ярмарке ясно, что вряд ли кому понравятся пеленки-недомерки, распашонки, ползунки, будто топором вырубленные. Зачем же их заказывать? Зачем получать «что не надо»?

Есть неписанный закон, о котором обычно не говорят, но который, увы, все еще действует: если хочешь сбыть ненужные вещи, к двум неудачным добавь одну, пользующуюся повышенным спросом. Так торговая база и оказывается в положении покупателя, которому вместе с нужными

перчатками вручили в придачу «Подарочный набор» духов. Так фабрики навязывают базам продукцию, которая — это заранее известно — не привлечет покупателя.

Чем объяснить такую позицию фабрики? — Ярославская база весь год молчала, — говорит инженер Мстерской фабрики, — а теперь нам поздно перестраиваться.

Допустим, база молчала, но швейники могли и сами поинтересоваться, как продаются их изделия, нравятся ли они. Пусть далеко Ярославская область, Костромская, Коми АССР, для которых шьет Мстера. Но своя-то, Владимирская, рядом. И чего проще зайти в универмаг, что через дорогу от фабрики.

А там продавщица только рукой махнула, когда я спросила, покупают ли распашонки со швом под ленточкой. Лежат они, не берет никто.

Но есть у швейной фабрики и реальные трудности. Когда она заказывает ткани, тоже не обходится без принудительного ассортимента. В довершение к тканям радостных расцветок идут материалы неудачных тонов. К широким — узкие.

Как ни удивительно, но в настоящую проблему превратилась и отделка белья для новорожденных. Грубую зеленую тесьму, от которой шарахаются матери в Ярославле, пришивают к распашонкам потому, что не хватает хлопчатобумажного кружева. Выпускает его одна-единственная фабрика — имени Тельмана в Москве. В этом году выпуск белья для новорожденных вырос на 51 процент, а фабрика имени Тельмана плана своего не увеличила. Откуда же взяться распашонкам с кружавчиками?

Швейные фабрики стараются сделать и без кружев вещи понаряднее. В экспери-

ментальном цехе той же Мстерской швейной фабрики мне приглянулись рубашечка и ползунки из ситца, по которому рассыпаны яркие ромашки.

— Где-то тут и «нецарапки» к ним были. — Поискав, Марченко показала мне крохотные варежки, тоже с ромашками.

Очень пригодился бы малышам такой набор.

— Не выпускаем, — вздохнула главный инженер. — Еще в прошлом году подготовили к ярмарке, а согласовать образец, как это положено, с нашей областной торговой базой не удалось. Только и сказали на базе: кому это надо?

Почему работники базы закрыли дорогу красивой и нужной вещи? Почему не сняли с производства некрасивую распашонку с ленточкой? Сыграла ли тут роль их некомпетентность в отношении спроса или отсутствие вкуса?

Я рассказывала уже, что в Ярославле не нарадуются продукции швейников из Сафонова. Приехала туда и убедилась, что самито сафоновцы хотели бы (и могли бы!) работать еще лучше. Хорошие замыслы были у швейников: выпускать детские вещицы в комплектах для разных возрастов. Ребенок лишь родился — ему нужен комплект «Колыбельный». Научился сидеть — подойдет комплект «Ладушки». А «Топ-топ» — когда начнет ходить. Но дальше образцов дело не пошло. Фабрика не получила тканей, из которых можно было бы сшить эти новинки.

Много вопросов накопилось у меня, пока я выясняла историю распашонки с зеленой тесьмой. Хотелось бы узнать, что думают по этому поводу в Министерстве легкой промышленности РСФСР, а также в Министерстве торговли РСФСР.

— В чем же вы видите проблему? — спросил меня начальник отдела швейной промышленности планово-экономического управления министерства легкой промышленности Е. А. Шенин. — С бельем для новорожденных никакой проблемы нет, мы ее решили.

Он-то и назвал мне цифры роста. Сказал, что заказ министерства торговли на белье для новорожденных размещен даже с превышением. В этом году покупатели получают такого белья пятьдесят три миллиона штук вместо тридцати пяти миллионов в прошлом году.

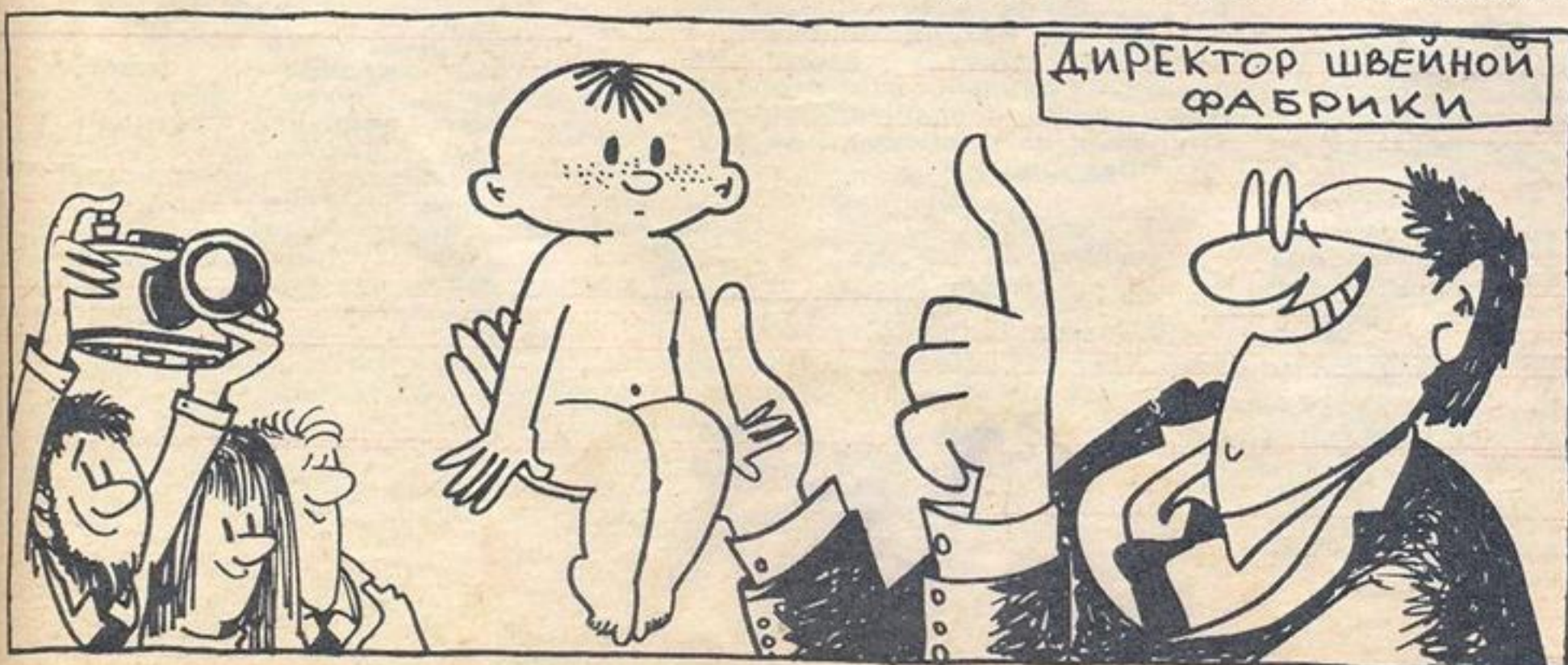
— Правда, — сделал оговорку товарищ Шенин, — мы даем меньше комплектов для новорожденных, чем заказано, но перекрываем это бельем вразбивку.

— Мы не считаем, что наш заказ выполняется, — возразил на это заместитель начальника «Росторгодежды» А. Д. Гридин, с которым я беседовала в Министерстве торговли РСФСР. — При такой замене страдает качество: вне комплектов белье делается из случайных тканей, без красивой отделки. И ассортимент обедняется. Комплекты необходимы.

Чтобы белье для новорожденных было красивым, удобным, и торговля и швейная промышленность должны быть крепко связаны между собой, к примеру, как в Москве. Здесь фирма «Детский мир» работает в тесном контакте со швейной фабрикой «Малютка» и Трехгорной мануфактурой. На «Малютке» заведен порядок: в определенные дни ее сотрудницы становятся за прилавком магазина. Они частые гости и на «Трехгорке», вместе с текстильщиками подбирают самые подходящие ткани. Вот и не приходится им краснеть перед покупателями.

Т. БАНГЕРСКАЯ

— Это самый любимый мой клиент: жалобы писать не умеет!.. Рисунок Е. Шабельника.

ПЕРСОЛЬ

Работница треста «Магнитострой» Р. Г. Евстифеева решила порвать с родным предприятием, на котором проработала 15 лет. Ходят слухи, что ее примеру хотят последовать сотни женщин-строителей. Когда эти слухи дошли до отдела кадров Магнитогорского металлургического комбината, там возликовали.

— Полный ажур! — докладывали кадровики дирекции комбината. — Операция под кодовым названием «Жень» развивается успешно.

Все началось с инструкции, изданной дирекцией комбината. Она гласит: «Не выделять новоселам комбината ни одного сантиметра жилой площади на их жен, если последние не работают на комбинате».

А у мужа Р. Г. Евстифеевой, работающего на комбинате, скоро подойдет очередь на квартиру. Пораскинули мозгами супруги и решили: жена-строитель тоже перейдет работать на комбинат в обжиговой цех.

А что если почину жен-строителей последуют жены-учителя, жены-врачи, жены-продавцы, жены-портнихи и даже жены-стюардессы? Конечно, благодаря находчивости дирекции приток рабочих рук на металлургический комбинат обеспечен. Мы, правда, сомневаемся, что эта находчивость поможет подыскать в цехах работу по специальности учителям, врачам, продавцам, швеям и тем более стюардессам. Впрочем, со стюардессами легче. Их хоть раз два и обчелся. Но зато порядком осиротеют в городе Магнитогорске стройки. Стройки жилых домов для тех же металлургов. Лишатся своих учителей дети металлургов. Осиротеют в городе поликлиники, магазины, ателье...

Операция «Жень» продолжается. Вопреки закону и здравому смыслу.

Факты, присланные нам читателями, «оперсолили» А. Зуев, О. Корнев, Н. Монохов, М. Раскатов.

Авторы «Новогодних снежинок» и «Персолинок» — О. Сеин, Ю. Никольский, Ю. Шанин.

ПО ПЕРВОМУ РАЗРЯДУ

Вот такая история произошла в городе Светловодске, Кировоградской области. Завод объявил массовый набор рабочих и учеников. Вслед за этим в конторе завода появилась большая группа девушек. Их встретили восторженно.

— Добро пожаловать, девицы-красавицы! Специальности нашего профиля имеете? Нет? Не беда! Хотите учиться на слесарей-сборщиков?

— Еще как хотим! — хором отозвались девушки. — За тем и пришли.

— Ну, до чего приятно с вами иметь дело! — восхитились в конторе. — Вас даже уговаривать не надо. Значит, так. Четыре часа вы будете заниматься в классе, четыре часа осваивать будущую специальность в цехе. Стипендию положим вам в сумме 43 рублей. По рукам?

Аудиенция закончилась в атмосфере полного взаимопонимания.

Через несколько дней девушек в классе навестило начальство.

— Выручайте, девицы-красавицы! Завод наш молодой, растущий. Строится востро. Запарна вышла на стройке. Значит, так. Четыре часа вы будете заниматься в классе, четыре часа работать на стройке. По рукам? Спасибо, девушки! До чего приятно иметь дело со сговорчивыми людьми!

Прошло еще несколько дней. Снова девушек навестило начальство.

— На вас вся надежда, девицы-красавицы! Давайте на время отложим учение. Значит, так. Теперь вы будете только работать на стройке. Что? Говорите, раз надо, значит, надо?

Дни летели. Ученицы славно потрудились на стройке, потом на прополке кукурузы в подшефном колхозе, затем снова на стройке.

Однажды девушек пригласили в контору.

— Поздравляем! — сказали им. — Вы отлично учились... то есть, простите, отлично работали на стройке и на прополке кукурузы. За это всем вам присвоен первый разряд слесарей-сборщиков. Пляшите, девицы-красавицы!

Однако девицы-красавицы застыли в изумлении.

— Извините, — сказали они. — Но как же мы будем работать слесарями-сборщиками, если ничему не успели научиться?

— А кто вам сказал, что вы у нас будете работать слесарями-сборщиками? Нет, милые, нам не нужны слесари-сборщики, которые ничего делать не умеют. Из прорыва вы нас выручили. Вот, чтобы отблагодарить вас по первому разряду, мы и присвоили вам первый разряд. Но ведь это только мы знаем, что разряд липовый, а в других местах этого не знают. С руками вас оторвут. Прощайте, слесари-сборщицы! Трудовых вам успехов... на других предприятиях.

Дорогая «Персоль», пишут тебе работницы Антюбинской трикотажной фабрики имени 50-летия Октября. Раньше первая смена на нашей фабрике начиналась в 8 утра, и мы имели возможность отвести детей в ясли, которые открываются в 7 часов 30 минут. Теперь у нас первая смена начинается тоже в 7 часов 30 минут, и проблема отвести ребенка в ясли и не опоздать при этом на работу превратилась в неразрешимую.

Работницы вязальных, швейных и красильного цехов (всего 14 подписей)

Наверно, мам бросает в дрожь — Ведь как тут быть, не угадаешь? Ребенка в ясли поведешь, Так на работу опоздаешь! Приедешь на работу в срок, Тогда куда ж с ребенком деться?

Закрывают ясли на замок, Хоть в цех с собой носи младенца!

«Персолички»

— Дочка, ведь это каторжный труд — годами ничего не делать. — А меня, мама, трудности не пугают. С твоей помощью выдержу.

Совесь ей кое-что подсказывала, но подсказками она не пользовалась принципиально.

Помните, как дорого обошлось спасение троллейбуса водителю Н. К. Сагайдачных (заметка в «Работнице» № 10)? Руководство Воронежского трамвайно-троллейбусного управления вместо того, чтобы поблагодарить водителя Сагайдачных, удержало с нее стоимость пропавших абонементных талонов.

После «оперсоливания» этой истории справедливость восстановлена. Руководство управления принесло Н. К. Сагайдачных извинения. Деньги ей возвращены.

НОВОГОДНИЕ СНЕЖИНОЧКИ

— Какая ты еще зеленая! — сказал Пень Елочке.

Строители отлично подготовились к новому году: заморозили... строительство клуба.

У Бабы Яги было хобби: играть роль Снегурочки.

Снегурочке организовали такую теплую встречу, что она растаяла.

В магазине продавали елочные игрушки, достойные самой высокой уценки.

Иногда это маленький старинный особнячок, спрятавшийся в глубине сада. Иногда новое здание, гордо сверкающее стеклянными стенами. Но если вы захотите этот дом найти, вы не заблудитесь. У вас будет верная примета: все время будут вас обгонять мальчишки и девчонки, маленькие и постарше, с портфелями, хозяйственными сумками, просто с газетными свертками, прижатыми к животу. Одни идут степенно, другие несутся вскачь, как будто впереди их ждет огромное удовольствие. Или вдруг на встречу вам выплывает из уличной толпы маленькое существо, совершенно не замечающее окружающего мира. Шапка набекрень, сумка волочится сзади, а перед ним раскрыта книжка. Не дошел до дому — сунул в книгу нос.

Так вы и дойдете по широкому проспекту или сельской улице к дому с вывеской: «Детская библиотека». В Советском Союзе специальных детских библиотек шесть тысяч сто сорок одна. И еще сто шестьдесят шесть тысяч библиотек школьных. И еще во взрослых библиотеках детские отделения. И еще... Только в сельской местности зарегистрировано одиннадцать миллионов шестьсот тридцать три тысячи читателей-детей. А в городах куда больше.

И поверьте, что бегут ребята в библиотеку не только за новой книжкой. Как правило, им в библиотеке вообще хорошо. Почему?

Пожалуй, ни одно детское учреждение не предоставляет ребенку такого права на самостоятельность, такой большой свободы выбора. В библиотеке ты можешь быть кем угодно. Сегодня моряком, завтра летчиком, послезавтра артистом. Потому что книги здесь есть обо всем.

Мальчика заботливо спросят:

— Чего ты хочешь, какую тебе сегодня дать книгу?

И дети увидят, какая огромная, безграничная жизнь раскинулась перед ними, сколько в этой жизни прекрасных возможностей и дорог.

В последние годы в библиотеках нашей страны широко распространился так называемый «свободный доступ» к книжному фонду. То есть основная масса книг выставлена в зале на открытых стеллажах, и не библиотекарь достает неведомо откуда нужную читателю книгу, а сам читатель выбирает себе что хочет.

Такой метод удобен для взрослых. Но особенно любят его дети. Стоит перед тобой огромное богатство. И каждую книжку можно потрогать, взять в руки, полистать...

Оказаться в это время рядом с ребенком — значит без всякого усилия, просто и естественно войти в его внутренний, сокровенный мир.

Я знала одного дедушку. Он приходил в библиотеку со своей внучкой-пятиклассницей. Дедушка был совсем нестарый еще человек, подтянутый, доброжелательный и разговорчивый. Не знаю, как одевался он в другие дни, но, видимо, поход в библиотеку считался в этой семье делом серьезным, и дедушка появлялся рядом с внучкой в свежестуженном костюме, при всех орденах и медалях. Внучка, розовая от счастливого смущения, стояла и ждала, пока дедушка поговорит с библиотекарями о том о сем, о погоде, о здоровье, о новых книгах.

Потом начиналось самое главное.

Они шли к полкам, к тому самому «свободному доступу», и начинали перебирать книги. О чем-то шептались, что-то показывали друг другу, расходились в разные стороны и тихонько звали один другого: «Иди сюда, я нашел», «Нашла». Иногда дедушка выглядел из-за полки и просил: «Будьте добры, что-то мы зачтулись», — и кто-нибудь из библиотекарей присоединялся к ним...

Так, втроем, книжки подбирали складно, и разговор тоже получался складный, нужный каждому из троих: библиотекарь лучше узнавал девочку, дедушка тоже лучше узнавал внучку и, разумеется, книги, а внучка...

Ведь, собственно, ради нее это все и совершалось.

Ради того, чтобы полнее использовать воспитательные возможности литературы, право, стоит родителям и детским библиотекарям объединить свои усилия. Профессиональные знания библиотекаря плюс родительская интуиция, родительское знание ребенка — вот, наверное, оптимальный вариант который не так уж трудно осуществить.

Конечно, библиотеки бывают разные и библиотекари тоже, но хороших больше, чем плохих. А хороший библиотекарь никогда не отпустит от себя малыша и тем более читателя постарше, пока не поговорит с ним о прочитанной книге. Или о той книге, которую ребенок хочет прочитать. Или вообще о том, что он любит, кем хочет быть, о чем мечтает. Если нужно, библиотекарь составит специальный план — это так и называется «индивидуальный план чтения», подберет книги на полгода, на год вперед, такие книги, которые будут интересны и полезны именно этому мальчику или этой девочке. С каждым по-дружески, с каждым индивидуально — это, конечно, главная заповедь. Но не единственная.

В больших библиотечных залах и маленьких уютных книжных комнатах все время кипит жизнь.

Диспуты, конференции, обсуждения книг, встречи с писателями, викторины, утренники, книжные обзоры, самые различные кружки, занятия библиотечного актива — уж, наверное, тут не соскучишься. И кем бы ни стал в будущем сегодняшней маленький читатель, каким бы он ни стал, найти себя поможет ему любовь к книге, интерес к делу, который проснулся в тихом библиотечном доме.

Когда 10—12-летний школьник пишет отзыв о книге, или выступает на диспуте, или даже просто ведет с библиотекарем серьезную беседу, он учится понимать жизнь, учится думать. И эта тренировка мысли, хорошая, бодрящая атмосфера умственного труда, наверное, самое главное, что дает библиотека.

Вообще чем раньше ваш сын или ваша дочь придут в детскую библиотеку, тем лучше. В чтении, как и в каждом деле (а в чтении, пожалуй, особо), очень важна система, важна разумная послед-

ВОЙДИТЕ В ЭТОТ ДОМ

довательность. И родителям при всем великом желании трудно справиться с этим непростым делом. Малышей теперь записывают в массовую детскую библиотеку с раннего, еще дошкольного возраста. И потом бережно передают из младшей читательской группы в среднюю, из средней — в старшую.

Почти каждая библиотека располагает не только абонементом, где выдают книги домой, но и читальным залом, где, кроме книг, маленький читатель может пользоваться и детскими, и техническими, и вообще любыми периодическими изданиями. Такого обширного выбора газет и журналов никакие папа с мамой обеспечить своему ребенку не могут.

Библиотечный каталог, картотека, указатель, в котором маленький читатель ищет с помощью библиотекаря нужную ему книгу, интересующий его раздел, — весь библиотечный справочный аппарат совсем не мелочь.

Сначала все очень просто. Коробочка с яркими книжными обложками — первая ребячья картотека. Выбери, что тебе нравится, покажи библиотекаря, и он достанет нужную книжку.

Пройдет некоторое время, научатся малыши получше читать, и перед ними появятся в картотеке разделители с названием темы, а потом и список книжек, а потом, наконец, и каталог; прежде чем хвататься за первую попавшуюся книжку, подумай, вспомни, поищи — привыкай выбирать книгу серьезно, привыкай обдумывать свои желания и дела. Ребенок вырастет, ему придется разбираться, ориентироваться в огромном потоке информации. И первый опыт, библиотечная привычка к организованности, к стройному рабочему порядку помогут ему.

Но дело ведь не только в этом.

В читальный зал приходит мальчишка: сегодня — перечертить схему радиоприемника, завтра — проверить по энциклопедии непонятное слово, через неделю — полистать новый журнал, еще через день — послушать беседу о писателе, потом посмотреть диафильм, потом... Через год, через два года привычка работать с книгой, привычка обращаться к книге в каждом затруднительном случае, крепкая, добрая привычка войдет, что называется, в плоть и в кровь. А это значит, что подрастающему человеку легче будет войти в стремительный ритм современной жизни.

Приучайте детей своих к библиотеке.

И. ЛИНКОВА

НАУКА НА СЛУЖБЕ КРАСОТЫ

Искусство украшать свою внешность существует с древних времен. Еще египетская царица Клеопатра знала «секреты» красоты, а римские матроны пользовались благовониями и гримом для лица. Но понадобились века терпеливого и настойчивого труда врачей-косметологов и исследователей, прежде чем возник самостоятельный раздел медицины — врачебная косметика.

Ныне она исправляет ошибки природы, избавляя людей от врожденных недостатков, помогает удалять и недостатки приобретенные. Возглавляет у нас научную работу косметологов Московский научно-исследовательский институт косметологии. Сюда, на улицу Горького, приходят самые разные пациенты.

...Заглядываю в кабинеты, где ведут прием специалисты отдела косметической дерматологии. Женщина в белом халате делает какие-то таинственные пассы, и над головой пациента появляется легкий дымок. Так дымится искусственный лед в ящике с пломбиром.

— И мороженщики и мы, косметологи, применяем жидкий азот, — улыбается врач. — Сейчас я жидким азотом делаю массаж пациенту, который жаловался на сильное выпадение волос. Массаж, прием витаминов А и Е улучшили кровообращение, а легкое раздражение кожи головы жидким азотом стимулировало рост волос.

Специалисты рассказывают, какие исследования ведутся в институте, чтобы выявить причины и выработать действенные меры против облысения. Универсального средства до сих пор не существует, но клиницисты считают, что выпадение волос, несомненно, связано с неправильным образом жизни, нерациональным питанием, с нарушениями деятельности нервной и эндокринной систем. Вот почему они изыскивают методы и местного и общего лечения заболеваний волос.

В соседнем кабинете полулежит в кресле немолодая женщина, нос и щеки которой красновато-малинового цвета. Больная страдает розовыми угрями. Это заболевание нынче лечат с помощью метода шлифования кожи. Врач, орудуя высокочастотным бором, который делает до 35 тысяч оборотов в минуту, заверяет меня, что после нескольких сеансов я не узнаю эту пациентку.

Шлифование кожи позволяет эффективно устранять последствия ожогов, рубцы, пигментные пятна, шрамики после угревой сыпи.

Какой болезненной была раньше процедура удаления жестких волос на лице! Новый аппарат делает это почти без боли. Немало и других приборов, аппаратов, инструментов пришло на помощь врачу-косметологу. Они успешно устраняют различные косметические недостатки, опровергая старую поговорку: «Чтобы быть красивой, надо страдать».

Поднимаюсь на второй этаж. На диване в коридоре отдыхают люди, похожие на актеров-миров. Не лица, а застывшие маски — белые, желтые, зеленые. Это и есть маски, лечебные и питательные. Когда крем впитывается в кожу, косметичка очистит лицо и начнет делать массаж.

— Маски да массаж? Старинные процедуры в наш век?

— Старинные, но прекрасно действующие, если их назначать с толком! — отвечает директор института Антонина Федоровна Ахабадзе. — Результаты исследований, которые мы проводим, говорят о том, что под влиянием процедур улучшается деятельность вегетативно-сосудистой системы, что даже один сеанс массажа изменяет кровяное давление на 10—20 миллиметров ртутного столба. Таким образом, мы можем влиять не только на состояние кожи наших пациентов, делая ее более свежей и эластичной, но и на их самочувствие в целом. А сочетание массажа с питательными масками отдалит увядание кожи. Кстати, составы питательных масок разрабатываются тоже в нашем институте.

На столе у Антонины Федоровны я вижу баночку с кремом «Грезы». Прежде чем попасть сюда, этот новый крем прошел путь длиною в годы. Впрочем, как и все косметические препараты... Изыскивая стимуляторы для увядающей кожи, ученые уже не раз обращались к лекарственным растениям. На сей раз их привлек хмель. Экстракт хмеля, оказывается, содержит вещества, которые служат активным стимулятором для человеческой кожи.

Но вдруг новый препарат окажет какое-

либо побочное действие? Чтобы это проверить, провели серию опытов на животных. Им втирали крем в кожу, вводили его внутрь в виде инъекций. Если бы четвероногие «модницы» плохо себя почувствовали, если бы ухудшился тонус и «качество» кожи и чуткие приборы зафиксировали скопление токсических веществ в организме, крем никогда не увидел бы света.

Однако испытания на животных прошли успешно. После них начались клинические испытания. В кожных и косметических клиниках крем применяли многие месяцы и когда получили благоприятные отзывы, разрешили массовый выпуск.

...Хирург-косметолог в чем-то сродни скульптору. Листаю альбомы с фотографиями людей до и после операции. Мрачное лицо без возраста, с продавленным носом: результат дорожной аварии. А справа милое лицо, сияющие глаза. Хирург произвел операцию — и облик девушки преобразился.

Смешным казался окружающим этот паренек с оттопыренными, как на карикатуре, ушами. Но обладателю таких ушей было не до смеха. Теперь и он сам весело улыбается: хирурги московского института придали его ушам нормальную форму. Впрочем, хирурги могут не только это — они научились создавать ушную раковину даже в том случае, если ее не было от рождения, ее «лепят» из кожной складки, взятой «взаимобразно» у самого пациента.

Врач знакомит меня с высоким, застенчивым молодым человеком, просит его протянуть мне руку. Рука как рука — загорелая, сильная, с обручальным кольцом на безымянном пальце. Врач и пациент заговорщически переглядываются, а потом рассказывают мне, что на кисти и на пальцах была яркая и некрасивая татуировка — грех молодости! Остепенился юноша, поступил в институт, познакомился с девушкой. Должны идти расписываться в загс. Но протянуть такую безобразную руку невесте?

Слезно молил он врачей избавить его от «несмыслимой глупости» и как можно скорее. Это удалось сделать благодаря новейшим достижениям врачебной косметики — методике шлифования кожи и использованию коллагеновых препаратов в комплексе с биологически активными веществами. Если раньше под марлевой повязкой заживление поверхности проходило долго, мучительно и часто возникали осложнения, то коллагеновая пленка защищает рану от инфекций и вдвое ускоряет процесс заживления.

...Старость! С грустью рассматривает женщина в зеркале «гусиные лапки» у глаз, морщины, избородившие лоб и шею, намекающий двойной подбородок. А что если попытаться перехитрить неумолимое время?

За последние годы хирурги-косметологи делают филигранные операции, удаляя избыточную кожу, складки на щеках, «мешки» над и под глазами и другие нежелательные доказательства старения. Операции становятся все более эффективными. И добрым словом вспоминают женщины гуманную науку — врачебную косметологию.

Людмила КАФАНОВА

БИСКВИТ ИЗ МАННОЙ КРУПЫ

Желтки четырех яиц разотрите с половиной стакана сахара, всыпьте $\frac{2}{3}$ стакана манной крупы, пакетик ванильного сахара, влейте взбитые белки и осторожно все перемешайте. Выложите в форму и выпекайте в течение 40 минут. Готовый бисквит залейте полтора стаканами молока и поставьте в духовку минут на 5—7, чтобы молоко впиталось. Бисквит выложите, остудите и разрежьте на кусочки-пирожные, которые можно украсить ягодами из варенья.

КЕКС «СНЕЖИНКА»

Разотрите одно яйцо, добавьте постепенно банку сгущенного молока, затем натертую на мелкой терке цедру и сок одного лимона. С половиной чайной ложки соды смешайте 6 столовых ложек картофельной муки и соедините с молочной массой. Смажьте маслом форму, застелите ее промасленным пергаментом и посыпьте мукой, влейте в нее приготовленное тесто. Выпекайте на слабом огне.

ТОРТ ИЗ ЧЕРНОГО ХЛЕБА

Сначала приготовьте тесто. Желтки 6 яиц разотрите до бела с полтора стаканами сахара, всыпьте полстакана толченых черных сухарей и столовую ложку картофельной муки. Влейте взбитые белки и все осторожно перемешайте. Выпекайте в форме, хорошо смазанной маслом и посыпанной мукой, на небольшом огне. Остуженный торт разрежьте на три лепешки и каждую смажьте кремом.

Для крема смешайте $\frac{3}{4}$ стакана сахара, полтора стакана молока, одно яйцо и столовую ложку муки. Поставьте на огонь и, помешивая, доведите

до загустения. Слегка остудив, добавьте ванильный сахар, столовую ложку какао, 200 г сливочного масла и все перемешайте.

ШАРЛОТКА ИЗ ЯБЛОК

В кастрюлю, смазанную сливочным маслом, уложите слоями толченые ржаные сухари (всего понадобится 150 г) и мелко нарезанные яблоки (10 яблок). Каждый слой пересыпайте сахарным песком, положите кусочки сливочного масла. На шарлотку пойдет 300 г сахара, около 100 г сливочного масла. Кастрюлю поставьте в духовку минут на двадцать. Когда яблоки станут мягкими, а сухари вберут сок, шарлотку выньте. Она вкусна и горячая и холодная. Можно подать ее с вареньем, фруктовым соусом.

РУЛЕТ С ЯБЛОКАМИ

Очистите от кожи и сердцевинки 600 г яблок, нарежьте их тонкими пластинками. 100 г сливочного масла разотрите в однородную массу со 100 г творога, посолите, всыпьте один

стакан муки, размешайте. Тесто разделите пополам и поставьте на 3 часа в холодильник. Затем раскатайте тесто, каждый корж покройте нарезанными яблоками, посыпьте сахаром, сверните рулетом, смажьте яйцом и выпекайте.

КЕКС «ЧЕРНЫЙ»

Разотрите 3 яйца с 2 стаканами сахара, добавьте 200 г сливочного масла или маргарина (можно 1 стакан растительного масла), 1 стакан густого варенья, по 1 чайной ложке толченой гвоздики, корицы и бадьяна, 2 стакана кефира или простокваши. Всыпьте чайную ложку пищевой соды, примерно 4 стакана муки — масса должна напоминать густую манную кашу. Постелите на дно формы промасленный лист пергамента и выложите тесто. Учтите, что при выпечке тесто увеличится в объеме примерно на одну треть.

Если у вас есть засахаренные апельсиновые или лимонные корочки, изюм или орехи — положите в кекс. Вместо варенья можно использовать мед или повидло.

ПЫШКИ С ЯБЛОКАМИ

Поставьте с вечера опару. Для этого смешайте 400 г муки, 2 стакана теплой воды, полпачки дрожжей, одно яйцо. Опару слегка подбейте и поставьте в теплое место.

Утром добавьте в опару 100 г масла, столовую ложку сахара, соль по вкусу и 200 г муки и тщательно замесите тесто. Потом тесто накройте и дайте ему хорошо подняться.

Готовое тесто разделите на двадцать частей, оставьте на столе на полчаса, чтобы поднялось. Одновременно испеките 5 крупных яблок, очистите их от кожицы и зерен и протрите сквозь сито. Добавьте к яблочному пюре столовую ложку сахарной пудры или мелко толченого сахара и остудите.

Раскатайте из теста маленькие лепешки, в каждую положите по чайной ложке яблочного пюре, сверните, защипите сверху, придав пышке форму грецкого ореха. Когда все шарики будут готовы, поставьте на плиту кастрюлю, растопите в ней сливочное масло, добавьте растительного и жарьте пышки. Горячие, румяные пышки посыпьте сахаром и подавайте их чаю.

ВОЗДУШНЫЙ ПИРОГ ИЗ СУШЕНЫХ ЯБЛОК

200 г сушеных яблок нашинкуйте помельче, залейте стаканом воды и разварите их. Потом протрите сквозь сито, слейте излишнюю воду, а все остальное разотрите до бела, смешав с 6 крепко взбитыми белками. При этом постепенно подсыпайте около 100 г мелкого сахарного песка. Полученную массу выложите на блюдо, посыпьте сахаром и поставьте на 20—30 минут в духовку.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

● Говорят, что сон до полуночи — самый полезный. Но это не так: сон приносит пользу независимо от того, когда вы ляжете спать. Люди, работающие в ночную смену, прекрасно высыпаются, если в комнате темно, тихо.

● Совершенно справедливо считают, что пожилые люди могут меньше спать. Зато дети, подростки, молодежь нуждаются в более длительном отдыхе, чтобы восстановить силы, — ведь клетки молодого организма развиваются быстро и активно.

● Как полезнее спать: восемь часов подряд или, допустим, два раза по 4 часа в разное время суток? Конечно, подряд. Сон в течение восьми часов — норма для взрослого человека. Он складывается из различных фаз и этапов, прерывать которые не рекомендуется. Наиболее полезен глубокий сон через час после засыпания.

● Мешает сну полный желудок — процесс пищеварения требует работы мышц и активного кровообращения. Однако еще сильнее мешает чувство голода.

● Несправедливы утверждения, что чем холоднее в помещении, тем здоровее сон. На холоде мы тратим слишком много энергии для поддержания нормальной температуры тела. Восемнадцать градусов тепла — идеаль-

ная температура для сна. Очень важно, чтобы комната, где вы спите, хорошо проветривалась.

● Постель должна быть плоской. Высокие подушки затрудняют отдых позвоночника и мышц.

● Не стоит перед самым сном смотреть увлекательные фильмы, заниматься тяжелой рабо-

той — переход ко сну должен быть постепенным, спокойным.

● Некоторые считают, что человек сам просыпается только тогда, когда выспится. Это не так. Обычно мы просыпаемся в одно и то же время благодаря «внутреннему будильнику», который действует в силу привычки.

Из польского журнала «Кобета и жыце»

ПОПРАВКА

В № 11 журнала «Работница» в сообщении о новых книгах (стр. 24) допущена ошибка. Следует читать:

В. Шапко. Союзу полвека.

На первой странице обложки: Союзу Советских Социалистических Республик — 50 лет. Работа художника П. Пучкова (Федоскино).

На четвертой странице обложки: Розы — юбилею. Фото Н. Маторина. К этому номеру дается бесплатное приложение: Выкройка платья. Вязание свитера и жилета. Что можно сделать из шарфов и палантинов.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора), А. Г. ХРИП-
КОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:

101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; между-
народной жизни — 250-44-80; литера-
туры и искусства — 250-12-30; семья и
быта — 250-11-93; науки и антирели-
гиозной пропаганды — 253-30-76; худо-
жественного оформления — 253-34-79;
писем — 250-57-38; массовой работы —
250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

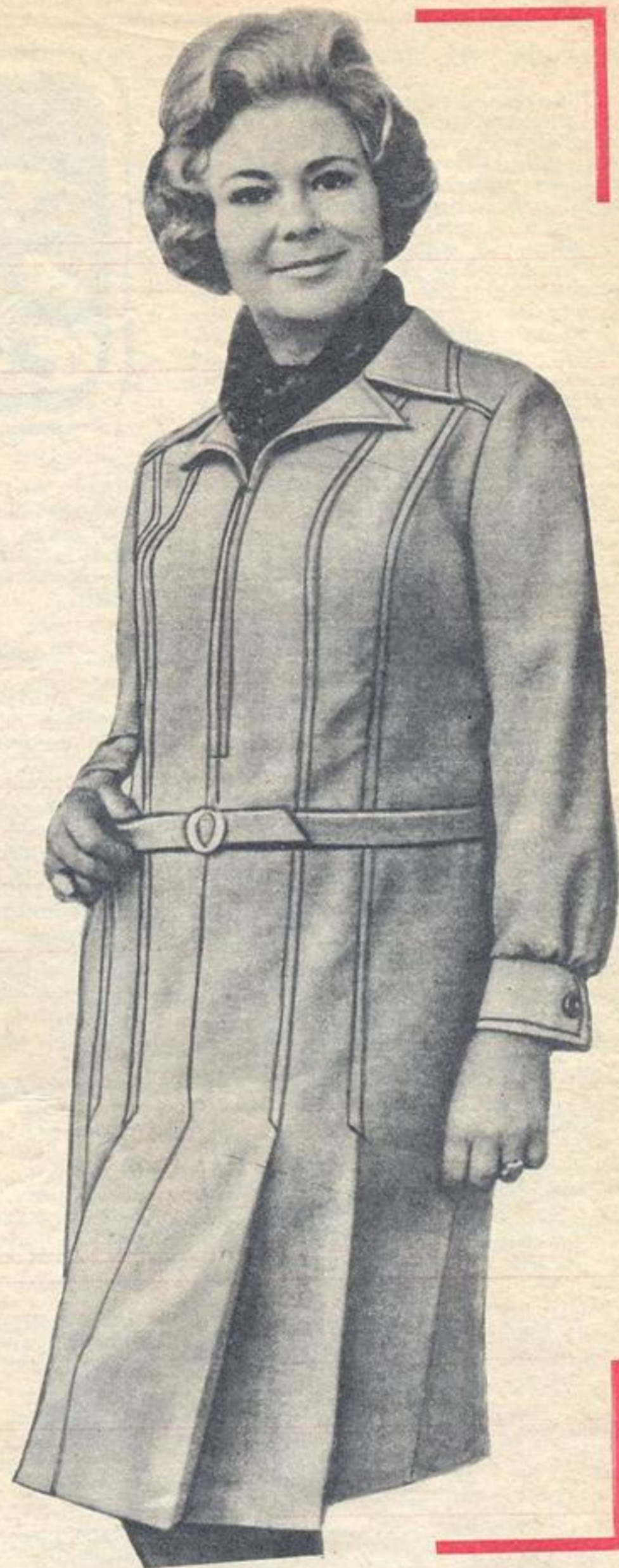
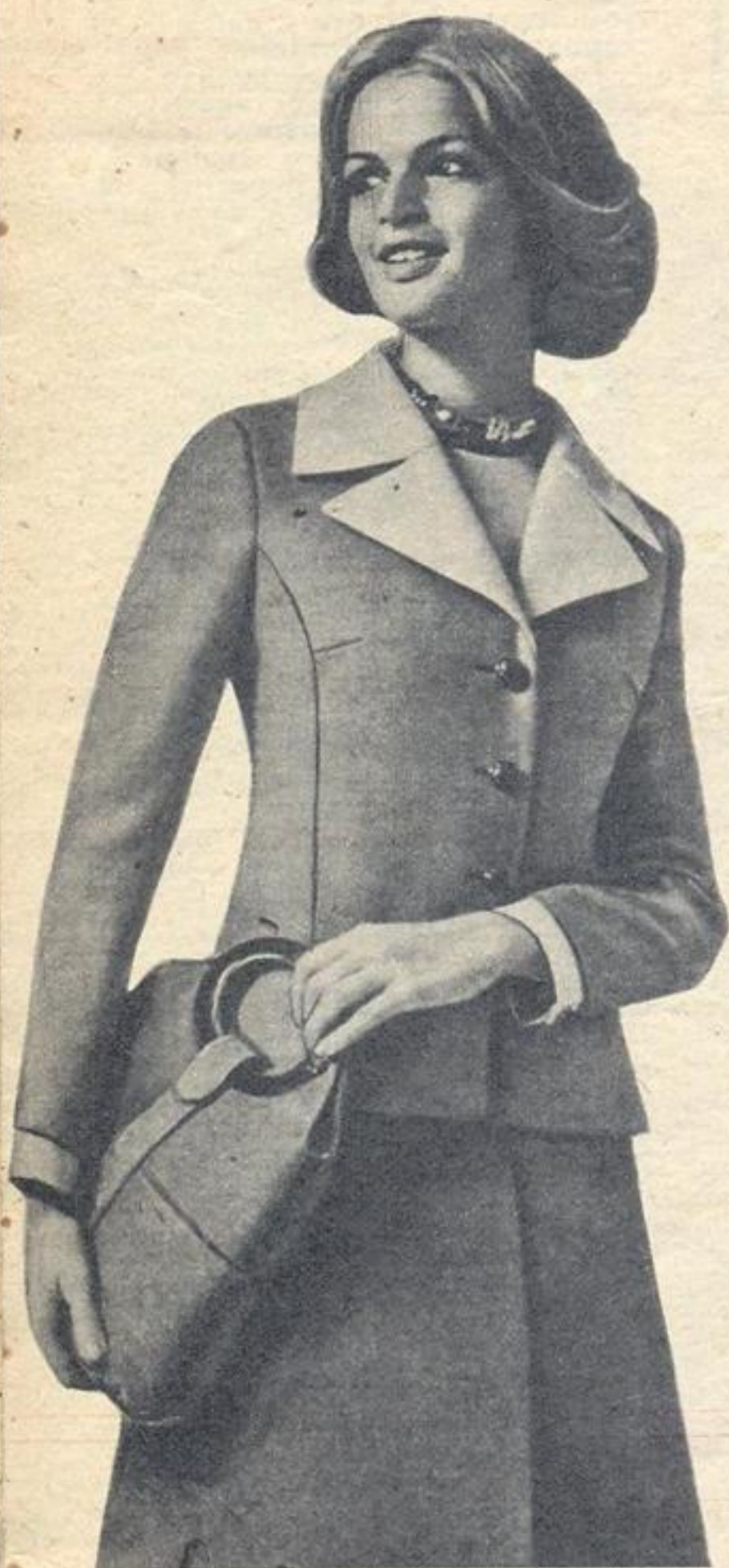
Сдано в набор 23/X 1972 г.
А 01015. Подписано к печ. 15/XI 1972 г.
Формат бумаги 60 × 92 $\frac{1}{2}$.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 12 000 000 экз.
(1-й завод: 1 — 10 650 000 экз.).
Изд. № 2529. Заказ № 3684.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Г. П. ГОРСТИНОЙ.

Технический редактор
Т. Н. ЖУРАВЛЕВА.

ИЗ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

ВОЛОГОДСКИЕ

Очень хорошо приехать в Вологду зимой, когда город тихо и умиротворенно лежит под снежным покровом и окна домов отражают свет невысокого, медлительного солнца. А оно торжественно поворачивается вокруг громадных куполов Софии и к вечеру, устав, ложится за темным пологом дремучих шекснинских лесов. Солнечный закат на севере держится долго; долго и широко сияет небо жемчужными переливами, нежность и спокойствие красок зачаровывают сердце.

В эти светлые часы хорошо пройти по набережной реки Вологды, где еще сохранились старые деревянные дома, их хочется долго и подробно рассматривать, — столько красоты и фантазии вложили в них мастера, «древодельные здатели»: на причелинах, крыльцах, наличниках окон вырезаны причудливые узоры. Возле каждого дома — палисадник. Кусты под снегом словно в белом кружеве.

В вологодском краю рядом живет красота нерукотворная, природная и красота, сотворенная человеком. Здесь и природа и человек — творцы, соавторы.

На одной из улочек стоит светлый, даже какой-то веселый дом-новостройка, он и называется-то хорошо — «Снежинка». Его комнаты на втором этаже наполнены легким,

мелодичным стуком деревянных коклюшек. Здесь девушки-кружевницы плетут знаменитые на весь мир вологодские кружева. Ловкие, быстрые пальцы кружевниц выводят орнамент, чаще всего цветочный — трилистники, пятилистники или поковы, гребешки, веера; тугая вилюшка-полотнянка ведет рисунок по сколку, наложенному на подушку. Непрерывные плавные повороты орнамента скрепляются вязальным крючком, а из шнурочков-плетешков возникает прозрачная решетка. Так выплетают сцепное, штучное кружево: воротники, скатерти, панно. Мелкие, метровые кружева плетут с помощью многих пар коклюшек, иногда длинная лента достигает двухсот; получается длинная лента из ритмически повторяющихся рисунков: это так называемые парные кружева.

У вологодских кружев рисунок особый: сдержанный, строгий узор плотен, он приятно контрастирует с легкостью фона. Сохранились старинные поэтические названия рисунков: «месяц», «денежки», «березка», «звездочка», «жемчужка» или, например: «манер в паву» — рисунок с птицей, сидящей возле куста, или «разводы травчатые». Традиционный рисунок вологодских кружев был подсказан художникам образами живой природы.

Всякое произведение искусства отражает жизнь и характер народа, сотворившего это произведение.

— Вот и кружева — искусство народное

очень близко нам по характеру, — утверждает Вера Дмитриевна Веселова, главный художник производственного объединения «Снежинка». — Вологжане по-северному суровы, немногословны, сдержанны. Они ясны, справедливы, добры. Разве эта черта не просматривается в народном прикладном творчестве? В нашем кружеве нет выкрутас, ненужных подробностей. Рисунок идет четкой, напевной линией.

Вологодская земля издавна славится народными художественными промыслами: резьбой по дереву и по бересте, чернью по металлу, вышивкой, керамикой. Искусство плотно и обыденно входило в быт северян: жилище, утварь, одежда украшались, становились «украсами», произведениями искусства.

Вглядишься пристально в плавные линии резьбы по дереву, или вышивки на полотнце, или в узоры вологодских кружев, — поймешь, почему раньше все нарядные отделки называли круживо: кружит, завораживает тебя рисунок.

На весь мир известны вологодские кружева. Неоднократно отмечались они золотыми и серебряными медалями, дипломами и высшими наградами на многих международных выставках.

Уже в XVII веке по заказам царского двора и церковной знати плели вологодские кружевницы дивные изделия из золотых и

КРУЖЕВА

Лидия ВАСИЛЬЕВА

серебряных нитей, напоминающие драгоценные ювелирные украшения... Заморские купцы по дорогой цене скупали русские льняные кружева. А во Франции в XVIII—XIX веках выдавали кружева собственного производства за очень модное тогда русское кружево.

В вологодском производственном объединении «Снежинка» бережно хранят вековые традиции плетения кружев. Мне показали огромные альбомы: фотографии старинных изделий. Рисунки их тщательно изучают, повторяют, но и обновляют, разрабатывают свои; кружева живут по законам художественных произведений, отражая современную действительность.

...На дверях надпись: «Лаборатория». В большой комнате несколько девушек склонились над рисунком, горячо обсуждают его. Это художницы Виктория Ельфина, Эльза Хумала, Геля Якимова и Вера Дмитриевна Веселова.

Недавно Геля завершила первую свою большую работу — панно. Лишь год назад Геля окончила Московское художественное училище имени Калинина и стала художницей-кружевницей. Панно ее, видимо, очень нравится главной художнице лаборатории.

— Как бы вы назвали это панно? — обращается ко мне Вера Дмитриевна. — По-моему, «Веселая деревня», иначе не скажешь! А знаете, как я рассказывала бы эту вещь?

В деревне сейчас утро. Вот солнце взошло. Кругом радость, весна. Петухи поют. На

крыльцо с гармонью вышел парень, из светелок девушки выбежали... Молодец, Геля, — говорит Вера Дмитриевна, «переведя» кружевную вязь на язык сказки, — смело взяла!

— А как же вологодские традиции?
— Я считаю, что сохранено главное — народность произведения, его оптимизм, народный орнамент, ясный, ритмичный рисунок.

В самом деле, вещь получилась светлая, поэтичная.

В поисках новых рисунков художницы часто выезжают в деревни, области, в Тотьму и Великий Устюг, часами просят в краеведческих музеях, изучая рисунки старых русских прялок, резьбу по дереву, ковку по металлу, рисунки гончарных изделий, кружев, тканей. Я видела сотни зарисовок художницы Виктории Ельфиной, и мне удалось проследить, как из одной лишь детали — веточки трилистника со старинного монастырского покрова — родилась великолепная кружевная скатерть «Снежинка», получившая всемирное признание и повторенная в исполнении 10 раз! В 1969 году скатерть была представлена на международных выставках в Монреале, Познани, Измире, Генуе, Париже, Дамаске, Утрехте, Пловдиве и получила золотую медаль.

Виктория Ельфина до сих пор рассказывает о работе над скатертью как о самых счастливых своих днях:

— Я тогда ни о чем другом не могла ду-

мать, — все о ней. Сколько пересмотрела, передумала узоров — ни один не ложился, как мне виделось. Настроение менялось, как погода весной: то хмурилось, то солнечно было. А у нас все от настроения зависит: если оно плохое — хорошей вещи не получится. Кружево создаешь — с веселой песней живешь. Кто знает, может, это кружево сотням людей мою песню в сердце передаст... Для того и живет красота.

В честь этой скатерти-красавицы и все производственное объединение стало называться «Снежинкой». В нем пять фабрик, расположенных по области, в деревнях по домам работают пожилые кружевницы; молодежь идет на фабрики, заканчивая специальное производственно-техническое училище в Вологде. Ежегодно оно выпускает 60 кружевниц, и старые, опытные кружевницы высоко оценивают мастерство и квалификацию молодых.

В «Снежинке» дружный коллектив: в свободное время девчата занимаются самодеятельностью, спортом, учатся, много читают. А во время работы под звон коклюшек они хорошо и складно поют.

...За большими окнами долго держится ровный закат. Потом в его меркнувшем свете возникнет тихая прозрачная луна, а рядом с ней вспыхнет острым синим светом одинокая звезда.

Красота в природе рождается и руками сотворяется, говорят в народе.

95 74

